

1977

№ 21 НОЯБРЬ 1977

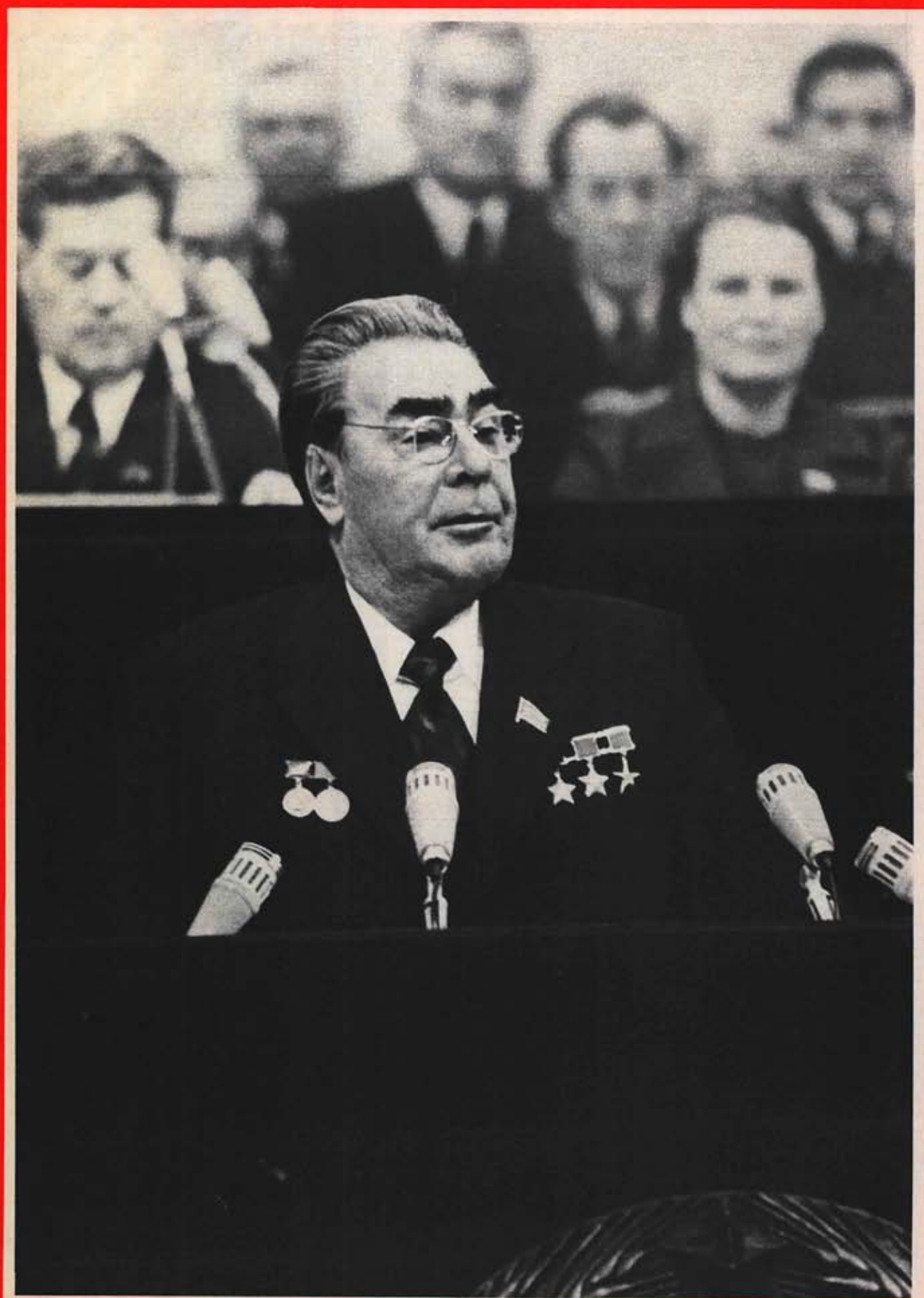

СМЕНА

ВЫШЛИ НА РАБОТУ ВЫШЛИ НА РАБОТУ

ЗА СН

Выражая волю советского народа, выполняя его поручение, Верховный Совет СССР принял новую Конституцию Союза Советских Социалистических Республик. Утвержден Основной Закон первого в мире общенародного социалистического государства. Конституционно закреплён новый исторический рубеж в нашем движении к коммунизму — построение развитого социалистического общества.

Пройдут годы, десятилетия, но этот октябрьский день навсегда останется в памяти народной как яркое свидетельство подлинного торжества ленинских принципов народовластия. И чем дальше будет продвигаться наше общество вперед по пути к коммунизму, тем полнее будут раскрываться отраженные в новой Конституции огромные творческие возможности социалистической демократии — власти народа, власти в интересах народа.

Л. И. БРЕЖНЕВ

МОСКВА, КРЕМЛЬ. 7 ОКТЯБРЯ 1977 ГОДА. ЗАСЕДАНИЕ ВНЕОЧЕРЕДНОЙ СЕДЬМОЙ СЕССИИ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ДЕВЯТОГО СОЗЫВА. НА СНИМКАХ: НА ТРИБУНЕ ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ ЦК КПСС, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР Л. И. БРЕЖНЕВ; ДЕПУТАТЫ УТВЕРЖДАЮТ КОНСТИТУЦИЮ (ОСНОВНОЙ ЗАКОН) СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК.

Фото Дмитрия БАЛЬТЕРМАНЦА, Алексея ГОСТЕВА и Владимира ЧЕЙШВИЛИ.

КОДИ РАНЫ

ДЕКЛАРАЦИЯ

**ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
О ПРИНЯТИИ И ОБЪЯВЛЕНИИ КОНСТИТУЦИИ (ОСНОВНОГО ЗАКОНА)
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК**

Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик, действуя от имени советского народа и выражая его суверенную волю, принимает Конституцию (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик и объявляет о ее введении в действие с 7 октября 1977 года.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. БРЕЖНЕВ.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДZE.

Москва, Кремль, 7 октября 1977 г.

Обложка работы
художника
Олега БЕЗУХОВА.

НОМЕР ПОСВЯЩАЕТСЯ 60-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ.

- 2** «СОЗИДАТЕЛИ». Статья Алексея УЛЕСОВА, дважды Героя Социалистического Труда, бригадира электросварщиков треста «Волгодонскэнергстрой».
- 4** «ПРАВДА СРАЖАЕТСЯ И ПОБЕЖДАЕТ». Диалог лауреата Государственной премии СССР, писателя Владимира БЕЛЯЕВА и кандидата технических наук Александра КОЖУХАРА. ВЕХИ НАШЕЙ ИСТОРИИ. «БРАТСК». Фотоочерк Георгия БАЖЕНОВА, Виктора САККА и Льва ШЕРСТЕННИКОВА.
- 10** «БРЯНСКИЕ ПРАВИЛА». Диалог Героя Социалистического Труда, бригадира слесарей-сборщиков БМЗ Петра КОЗИНА и лауреата премии Ленинского комсомола, фрезеровщика Александра РЯЗАНЦЕВА. «СЮЖЕТ, РОЖДЕННЫЙ В ТЮМЕНИ». Фотоочерк Сергея БОГАТКО и Альберта ЛЕХМУСА.
- 16** «ПОСТ № 1». Диалог генерал-майора в отставке, первого часового поста № 1 Григория КОБЛОВА и рядового Сергея МАЛАШКЕВИЧА. «АТАКУЮЩИЕ С МОРЯ». Фоторепортаж Владислава ЯНЕЛИСА и Владимира ЧЕЙШВИЛИ.
- 22** «ОКТЯБРЬ—ДЛЯ ВСЕХ И НАВСЕГДА». Диалог лауреата Ленинской премии, народного артиста СССР Григория ЧУХРАЯ и лауреата премии Ленинского комсомола, заслуженного деятеля искусств РСФСР Сергея СОЛОВЬЕВА. «...ЧУВСТВОВАТЬ СВЕТ В СВОИХ ЛАДОНЯХ». Фотоочерк Витаутаса СЕРЕЙКИ и Сергея ПЕТРУХИНА.
- 28** Юлиан СЕМЕНОВ. «ОСОБО ОПАСНЫЙ ПРЕСТУПНИК». Повесть в эпизодах, письмах и документах (1902—1905 гг.).

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. АБАШИН, Б. Л. ДАНИШЕВСКИЙ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), Г. Л. НЕМЧЕНКО, В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, Г. В. СЕМЕНОВ, А. П. СЕРЕДА, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантросов. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

© Издательство «Правда». «Смена». 1977 г.

В СССР построено развитое социалистическое общество...

Это—общество, в котором созданы могучие производительные силы, передовая наука и культура, в котором постоянно растет благосостояние народа, складываются все более благоприятные условия для всестороннего развития личности.

Это—общество зрелых социалистических общественных отношений, в котором на основе сближения всех классов и социальных слоев, юридиче-

**Алексей УЛЕСОВ
дважды Герой
Социалистического Труда,
делегат XXI, XXII и XXV
съездов КПСС,
бригадир электросварщиков
треста
«Волгодонскэнергстрой».**

ЛЕНИНСКОЙ ЗАБОТОЙ О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ РЕВОЛЮЦИОННОГО НАСЛЕДИЯ

ЖИВЕТ, ТРУДИТСЯ, БОРЕТСЯ

Редакция «Смены» попросила меня, дорогой читатель, представить тебе этот праздничный номер журнала, посвященный 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

Праздничный номер журнала представляет собой, как видится мне, строителю, необычное двухэтажное здание: на его верхнем этаже—представители разных поколений, ведущие откровенный и дружеский разговор о работе и жизни, творчестве и долге, а на первом—своеобразный отчет наших достижений в самых различных областях. На страницах «Смены» встречаются ветераны революции, войны и труда и молодые рабочие, ученые, артисты. Им есть что сказать друг другу, есть чем поделиться и с читателями.

«Победа Октября—главное событие XX века»—эти слова из постановления ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции» могли бы служить эпиграфом ко всему номеру нашего комсомольского журнала.

Гигантский путь прошла наша страна за шестьдесят лет. На этом пути Каховка и Магнитка, Брест и Братск, корчагинская узкоколейка и Байкало-Амурская магистраль, первые турбины Волхова и будущие атомные генераторы Волгодонска, восстановленные вышки послереволюционного Баку и нынешние нефтяные рощи Западной Сибири...

И, быть может, главное достижение на этом пути—это мы сами, мы—советский народ.

В важнейшем документе нашего времени—Конституции СССР, которая явилась плодом коллективного опыта и коллективной мудрости миллионов, подчеркивается, что советский народ—новая историческая общность людей. Да, новая! Да, небывалая в истории! Та, в которой стала реальностью великая мечта о человеческом братстве.

Мы прошли этот славный путь не безликими исполнителями, а творцами, обновляя себя и свою землю. Обновление продолжается, потому что стремление к новому, к совершенному—особая черта советского человека. Есть у него еще одно социальное качество—коллективизм, желание и умение передавать свой опыт и знания, свою убежденность подрастающей смене.

Наши лучшие наставники—мудрые и талантливые педагоги, воспитывают они людей, а не просто специалистов в какой-то профессии. К таким наставникам, без сомнения, принадлежат и люди, с которыми вы познакомитесь на страницах «Смены»: это и слесарь Петр Петрович Козин, и писатель Владимир Павлович Беляев, и первый часового поста № 1 Григорий Петрович Коблов. Под стать им и ученики, люди разных профессий и характеров, но объединенные общим чувством долга перед родиной Октября, перед своим народом, народом—первостроителем, первооткрывателем, первопроходцем.

Связь поколений в нашей стране неразрывна. И так же, как весь наш советский народ празднует нынче юбилей Великого Октября, мы будем встречать через год еще один наш общий праздник—юбилей славного Ленинско-

го комсомола, ставшего для большинства советских людей первой и важной школой коммунистического воспитания.

По сути дела, вся моя жизнь связана с комсомолом: все время я работал на ударных комсомольских стройках, всегда чувствовал себя и чувствую молодым и рядом с Золотыми Звездами постоянно ношу комсомольский значок с профилем Ильича. Я и сейчас тружусь на одной из главных комсомольских строек десятой пятилетки—волгодонском заводе «Атоммаш».

Совсем недавно на месте главного корпуса «Атоммаша» была степь. Весной здесь, на берегу залива, разливалось море тюльпанов, и мы, привыкшие к самым «жестким» срокам, вбивая первые разметочные кольшки, представить не могли, как быстро вырастет это огромное здание нового завода.

Прошло чуть больше двух лет, и вот наш главный корпус, облицованный многослойными прочными панелями цвета морской волны и оттого еще больше похожий на гигантский лайнер, выплывает в жизнь.

Главный, или первый, корпус «Атоммаша»—это в то же время и первый в стране крупнейший блок цехов с законченным циклом производства. С его конвейера будут сходить атомные реакторы мощностью не менее одного миллиона киловатт. Хочу напомнить, что мощность нашей первой атомной станции—пять тысяч киловатт.

Два десятка лет назад, когда только начала работать первая в мире советская атомная электростанция, многие, в

ского и фактического равенства всех наций и народностей, их братского сотрудничества сложилась новая историческая общность людей—советский народ.

Это—общество высокой организованности, идейности и сознательности трудящихся—патриотов и интернационалистов.

Это—общество, законом жизни которого является забота всех о благе каждого и забота каждого о благе всех.

Это—общество подлинной демократии, политическая система которого обеспечивает эффективное управление всеми общественными делами, все более активное участие трудящихся в государственной жизни, сочетание реальных прав и свобод граждан с их обязанностями и ответственностью перед обществом.

Развитое социалистическое общество—закономерный этап на пути к коммунизму.

Из Конституции СССР

созидатели

ЛЕНИНСКОЙ
ЗАБОТОЙ
О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ
ТРАДИЦИЙ РАБОЧЕГО
КЛАССА—

ЛЕНИНСКОЙ ЗАБОТОЙ
О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ
БОЕВЫХ ТРАДИЦИЙ—

ЛЕНИНСКОЙ ЗАБОТОЙ
ОБ ОСВОЕНИИ
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
ПРОШЛОГО
И ПРЕУМНОЖЕНИИ
ДУХОВНЫХ БОГАТСТВ—

СОВЕТСКАЯ МОЛОДЕЖЬ ПОД РУКОВОДСТВОМ РОДНОЙ ЛЕНИНСКОЙ ПАРТИИ

том числе и энергетики, считали, что атомная энергия вряд ли когда-нибудь найдет широкое применение. Теперь же на земном шаре свыше ста АЭС, и количество их с каждым годом возрастает. Таких темпов развития не знала еще ни одна область энергетики. А с вводом в строй нашего завода эти темпы станут еще выше. На «Атоммаше», по словам президента Академии наук СССР, трижды Героя Социалистического Труда Анатолия Петровича Александрова, «встречаются нынешний день и будущее».

«Атоммаш» расположен очень компактно, он занимает всего пятьсот гектаров. Но посмотрите только на его главный корпус: длина—семьсот сорок четыре, ширина—триста семьдесят четыре, высота—сорок пять метров. Общая площадь достигает трехсот тысяч квадратных метров. В этом корпусе можно бы разместить жилые дома для двухсот пятидесяти тысяч человек. Но дело, конечно, не только в размерах. «Атоммаш»—детище динамичного и прогрессивного процесса, основанного на сочетании научно-технической революции с преимуществами зрелого социализма.

С крыши главного корпуса—верхней палубы нашего лайнера—открывается вид на рукотворное Цимлянское море, видны маяк на Волго-Донском канале, шпиль Цимлянской ГЭС, прямые кварталы Волгодонска... Ничего этого не было тридцать лет назад, когда я впервые приехал сюда, в выжженную солнцем степь, на крупнейшую стройку страны.

Отсюда недалеко и до моего родного хутора Генералово, где я некогда ходил в подпасках, где создавалась первая в наших краях сельскохозяйственная коммуна и первая комсомольская ячейка, пославшая меня учиться и работать на Сталинградский тракторный. Именно там я впервые и увидел голубой огонек электросварки, привороживший меня навсегда.

Мое поколение вошло в историю Отчизны как поколение ровесников Октября. Мы с детства впитывали революционные идеи, мы строили первую страну социализма и защищали ее от самого страшного зла—фашизма. От коричневой чумы мы защищали не только свою Родину, но и всю Европу, всю планету, во многом обязанную нам, советским людям, нынешним миром. Мое поколение, безжалостно прореженное войной, по-прежнему полно бойцовского духа, полно стремления созидать. Когда зарубежные друзья, а иногда и недруги спрашивают меня о самой важной черте характера советского человека, я неизменно отвечаю: желание строить, созидать. Строили во все времена и будут строить во все эпохи, но наше стремление созидать несравнимо значительнее. Оно несет в себе особую, я бы сказал, высшую цель: строительная программа в нашей стране—неотъемлемая часть грандиозной программы преобразования всего общества.

Мне, считаю, повезло: я строил Цимлянскую и Куйбышевскую гидроэлектростанции, Волжский и Камский автозаводы, начинал, как говорится, а пер-

вого колышка. Быть первым и радостно и трудно. Я говорю не только о себе. По сути дела, мы все первые, потому что шестьдесят лет назад наш народ под руководством ленинской партии свершил великую революцию и первым указал всем угнетенным и бесправным дорогу к свободе, равенству и братству.

Свободные труд и разум породили у советских людей невиданную доселе энергию, направленную на претворение в жизнь ленинского плана строительства социализма, на созидание передовой социалистической экономики. Не об этой ли энергии свидетельствуют цифры и факты, известные сейчас всему миру: наш национальный доход превысил дореволюционный уровень в 65 раз, только за последнее десятилетие он увеличился почти на 90 процентов. Темпы экономического роста в СССР были значительно выше, чем в промышленно развитых странах капитала.

Мы первыми запустили искусственный спутник Земли и первыми направили человека в космос.

Мы первыми заставили грозную частицу материи работать на благо людей, построив первую атомную станцию. Мы создали первый мирный атомный корабль и первыми достигли на атомном ледоколе Северного полюса. «Арктика» ломала не только вековые льды, она, я уверен, одновременно рушила и торсы пропагандистов «холодной войны», которым очень не нравится наше стремление созидать.

Конечно, нелегким был наш путь от

первого отечественного трактора, от первого советского автомобиля до гагаринского «Поехали!», от первой «лампочки Ильича» в избах деревни Кашино до крупнейших в мире ГЭС на Днепре, Волге, Ангаре и Енисее. На этом пути и наш труд и наша слава. В нем воплощена созидательная творческая энергия советского народа и Коммунистической партии, вызвавшей эту энергию к жизни.

Сорок лет назад, в дни обсуждения предыдущей Конституции СССР, я только начинал свою рабочую биографию, а мои наставники со Сталинградского тракторного знавали еще и времена безработицы и очереди у биржи труда. И мне хорошо помнится, как горячо они поддержали моего первого учителя—электросварщика Гришу Кокорева, заявившего, что «право на труд—это и есть право на счастье». Мне кажется, что эти слова «труд» и «счастье» в нашей стране с каждым годом все больше и больше сближаются. И вовсе не случайно во время обсуждения проекта нашей новой Конституции мой ученик Андрей Светлишнев почти буквально повторил слова Кокорева: «Нам даровано счастье трудиться».

«Атоммаш» часто сравнивают со строительством КамАЗа. У этих строек действительно немало общего: грандиозность замысла, сжатые сроки работ, молодежные коллективы. Но я, знающий обе стройки, могу смело утверждать: строить первенец атомного машиностроения значительно сложнее, от строителей и монтажников здесь требуется мастерство, порой граничащее с искусством. И я рад, что молодые ребята быстро постигают тайны профессии, становятся истинными мастерами. Тот же Светлишнев начинал учеником слесаря-арматурщика, потом успешно освоил электросварку. Володя Голев, которому едва минуло двадцать лет, считается ветераном стройки—он здесь тоже с первого колышка. Работал Володя и плотником и монтажником, а теперь возглавляет комплексную комсомольско-молодежную бригаду—одну из лучших на стройке. В общем, большинство молодых строителей «Атоммаша» владеет двумя-тремя специальностями. В этом, наверное, в первую очередь и следует искать причину того, что сроки ввода многих объектов завода несколько раз переносили. Нет, их не отодвигали—приближали.

Первую очередь «Атоммаша» строители, намного опережая плановый срок, обязались сдать к юбилею Великого Октября, но наша молодежь на слете ударных комсомольско-молодежных бригад приняла решение предъявить к сдаче главный корпус 29 октября—в день рождения Ленинского комсомола. Это славный подарок нашей молодежи к великому празднику.

Такие подарки юбилею Октября готовят не только комсомольцы «Атоммаша», готовит весь наш советский народ, народ—первооткрыватель, первооткрыватель.

Быть первым и почетно и ответственно, ведь мы, советские люди, показываем пример другим народам. Быть первым стало для нас традицией, которая родилась в октябре семнадцатого года.

Теперь мы, на расчищенном от исторического хлама пути, будем строить мощное, светлое здание социалистического общества, создается новый, невиданный в истории, тип государственной власти, волей революции призванной очистить землю от всякой эксплуатации, насилия и рабства.

В. И. ЛЕНИН.

В. СЕРОВ. «ЛЕНИН ПРОВОЗГЛАШАЕТ СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ».

Уроки жизни

В. БЕЛЯЕВ. Ну, как, Саша, поживает отец?

А. КОЖУХАРЬ. Как всегда, беспокойно. Кстати, передает вам горячий привет.

В. БЕЛЯЕВ. Спасибо. Принаюсь откровенно: приятно поговорить сегодня с сыном Феофана Кожухаря — реального и дорогого для меня героя «Старой крепости».

А. КОЖУХАРЬ. В детстве я часто спрашивал отца: а правда, что это про тебя написали в книжке? И вот однажды отвез он меня в Каменец-Подольск, показал Старую крепость. Вот, говорит, смотри сам, думай...

В. БЕЛЯЕВ. Ну, а лазили там пацаны, когда вы приехали туда?

А. КОЖУХАРЬ. Лазили. Там все время мальчишки, когда бы ни приехал туда. Ищут подземные ходы, сидят, как галчата, на башнях, играют в войну...

В. БЕЛЯЕВ. А вот нашему поколению пришлось уже в детстве узнать, что такое настоящая борьба с врагами, которые пытались задушить завоевания только что свершившейся революции. Помню, после гражданской войны, когда вся страна жила уже относительно спокойно, близ Каменец-Подольска появились две банды петлюровцев. Первый удар в городе пришлось принять на себя комсомольцам, пока не подошли регулярные части красного казачества. С этих комсомольцев и с солдат красного казачества я впоследствии и стал писать героев трилогии «Старая крепость». Запомнился мне тогда и Феофан Кожухарь — он ходил в балахе военного образца с красным верхом, в чемерке, это вроде кителя что-то, ну, и в галифе, конечно. Вообще он произвел на меня большое впечатление. Мы, подростки, ориентировались на людей старше нас возрастом, настоящих комсомольцев, каким и был Феофан Кожухарь. Такие люди были для нас примером активного вмешательства в жизнь, примером революционной принципиальности и негибкости. Они воевали не только в гражданскую, но и позже дрались с разного рода бандами.

Вехи нашей истории

БРАТСК

**Георгий БАЖЕНОВ.
Фото Виктора САККА
и Льва ШЕРСТЕННИКОВА.**

ВМЕСТО ПРОЛОГА

«БРАЦКАЯ ЗЕМЛЯ БОГАТА И ЛЮДЕЙ В НЕЙ МНОГО И СЕРЕБРА ДЕ ДОБРЕ МНОГО... А КОНЕЙ И КОРОВ И ОВЕЦ И ВЕРБЛЮДОВ БЕСЧИСЛЕННО... И ЖДУТ К СЕБЕ... ГОСУДАРЬ-ВЫХ СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ... ХОТЯТ... ВЕЛИКОМУ ГОСУДАРЮ ПОКЛОНИТЬСЯ И ЯСАК ПЛАТИТЬ И СО СЛУЖИЛЫМИ ЛЮДЬМИ ТОРГОВАТИ».

Максим ПЕРФИЛЬЕВ, 1628 г.

«ГОРЫ ВЫСОКИЕ, ДЭБРИ НЕПРОХОДИМЫЕ, УТЕС КАМЕННЫЙ, КАК СТЕНА СТОИТ, И ПОГЛЯДЕТЬ ЗАЛОМЯ ГОЛОВУ...

...НАУТРО КИНУЛИ МЕНЯ В ЛОДКУ И НАПЕРЕДИ ПОВЕЗЛИ. ЕГДА ПРИЕХАЛИ К ПОРОГУ, К САМОМУ БОЛЬШОМУ, ПАДУНУ,—РЕКА О ТОМ МЕСТЕ ШИРИНОЮ С ВЕРСТУ, ТРИ ЗАЛAVKA ЧЕРЕЗ ВСЮ РЕКУ ЗЕЛО КРУТЫ, НЕ ВОРОТАМИ ШТО ПОПЛУВЕТ, ИНО В ШЕПЫ ИЗЛОМАЕТ,—МЕНЯ ПРИВЕЗЛИ ПОД ПОРОГ...

ПОСЕМ ПРИВЕЗЛИ В БРАЦКИЙ ОСТРОГ И В ТЮРЬМУ КИНУЛИ, СОЛОМКИ ДАЛИ. И СИДЕЛ ДО ФИЛИПОВА ПОСТА В СТУДЕНОЙ

Лауреат
Государственной премии СССР,
Государственной премии УССР
имени Т. Шевченко,
автор трилогии «Старая крепость»
Владимир БЕЛЯЕВ.

Кандидат технических наук,
член республиканского совета
молодых ученых при ЦК ЛКСМ Украины,
делегат XVII съезда ВЛКСМ
Александр КОЖУХАРЬ.

ПРАВДА СРАЖАЕТСЯ И ПОБЕЖДАЕТ

А. КОЖУХАРЬ. Я был мальчишкой, но хорошо помню — это уже после Великой Отечественной войны, — как отец возвращался домой из дальних командировок. Он в то время работал на руководящих должностях в сельском хозяйстве в западных областях Украины, продолжал яростную борьбу с бандеровцами и националистами всех мастей. Мы с матерью не раз обнаруживали в одежде отца дырки от пуль...

В. БЕЛЯЕВ. Да, это было нелегкое время — организация колхозов на Западной Украине. Ведь коллективизация в первую очередь наносила удар по буржуаз-

ному украинскому национализму. Ничего не вышло из планов наших политических врагов, делавших ставку на якобы врожденный национализм украинцев.

А. КОЖУХАРЬ. Враги не раз пытались посеять национальную вражду между народами нашего государства, нанесли удар по самому существу нашего строя — по союзу народов разных национальностей, добровольно объединившихся для совместного строительства коммунизма, ныне с такой особой силой подчеркнутого в новой Конституции СССР.

Мое поколение не знает национальных распри, войн, не знает классовых битв. Оно возвращено на

идеях, которые кровью защищали такие люди, как вы и мой отец. И поэтому, я думаю, наше поколение тоже может считать себя борцами за чистоту и незапятнанность идей революции. Мы приняли от вас эстафету и с честью будем держать высокую марку борцов за коммунистическое завтра. Но, как говорится, у меня есть чисто человеческая зависть к людям старшего поколения. Вы, Владимир Павлович, и мой отец были свидетелями рождения государства нового типа и потом в течение 60 лет утверждали жизнестойкость этого государства. И вот что меня всегда удивляло в судьбе таких людей, как вы или мой отец, — это неустанный поиск дела, в котором можно предельно испытать самого себя на прочность.

В. БЕЛЯЕВ. Просто мы всегда хотели жить честно, жить активно. Мне смолodu лучшим советчиком в жизни был комсомол. Комсомол не только закалял меня идейно, но и определил мой путь в жизни. В 1924 году, когда я учился в фабзавуче, по всей стране проходил ленинский набор молодежи в комсомол. После того, как меня и моих товарищей обсудили в ячейке фабзавуча, все дела о приеме перешли на заседание бюро окружного комсомола. Феофан Кожухарь был членом бюро, так что, можно сказать, именно твой отец и принял меня в комсомол. Кем я тогда был? Учащимся фабзавуча. Фабзавуч дал мне первую профессию в жизни — литейщика, и это стало определяющим в моей жизни — трудовая и комсомольская биография.

А. КОЖУХАРЬ. Когда я окончил школу, то не до конца понимал своего отца, который утверждал: лучшая характеристика человека — его трудовая биография. Но вот после десятилетки я оказался не среди студентов, как мечтал до этого, а на заводе, учеником слесаря-полировщика в механическом цехе, и постепенно пришел к выводу, который и сейчас считаю для себя наиважнейшим: нет ничего дороже на свете, чем сделанное собственными руками, достигнутое кропотливым трудом.

В. БЕЛЯЕВ. Для меня это несомненно. Я начал трудиться сразу после окончания фабзавуча, получив направление в город Бердянск. Когда пришел в литейный цех, меня поставили работать на формовочной машине, на которой в 1887 году работал красный лейтенант Петр Петрович Шмидт.

БАШНЕ; ТАМ ЗИМА В ТЕ ПОРЫ ЖИВЕТ, ДА БОГ ГРЕЛ И БЕЗ ПЛАТЬЯ. ЧТО СОБАЧКА В СОЛОМЕ ЛЕЖУ: КОЛИ ПОКОРМЯТ, КОЛИ НЕТ. НЕ УМЫВАЛСЯ ВЕЩЬ...

МЫШЕЙ МНОГО БЫЛО, Я ИХ СКУФЬЕЮ БИЛ, — И БАТОШКА НЕ ДАДУТ ДУРАЧКИ! ВСЕ НА БРЮХЕ ЛЕЖАЛ; СПИНА ГНИЛА. БЛОХ ДА ВШЕЙ БЫЛО МНОГО...

«Житие протопопа Аввакума»,
середина XVII века.

«БРАТСКИЙ ОСТРОГ — СЕЛО ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ В 336 ВЕРСТАХ ОТ ОКРУЖНОГО ГОРОДА НА ЛЕВОМ БЕРЕГУ РЕКИ АНГАРЫ ПРИ ВПАДЕНИИ В НЕЕ РЕКИ ОКИ... ПРИ СЕЛЕНИИ ИМЕЕТСЯ ПРИСТАНЬ И ПРОИЗВОДИТСЯ ЗНАЧИТЕЛЬНАЯ РЫБНАЯ ЛОВЛЯ; ПРИХОДСКОЕ УЧИЛИЩЕ, ОСНОВАННОЕ В 1850 ГОДУ, ВОЛОСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ, ВИННЫЙ И СОЛЯНЫЙ МАГАЗИНЫ, 60 ДВОРОВ И 510 ЖИТЕЛЕЙ...»

Дореволюционная энциклопедия.

«НЕ ПОДЛЕЖИТ СОМНЕНИЮ, ЧТО В БУДУЩЕМ АНГАРА И ВЕСЬ ПРИАНГАРСКИЙ РАЙОН ЗАЙМУТ СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ МЕСТО В СИБИРИ, ОСОБЕННО ЕСЛИ АНГАРА ВОЙДЕТ КАК ЗВЕНО В ТРАНССИБИРСКОЮ ВОДНУЮ МАГИСТРАЛЬ...»

Ленинский план ГОЭЛРО, 1920 г.

«НАЧАТЬ РАБОТЫ ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ РЕКИ АНГАРЫ ДЛЯ РАЗВИТИЯ НА БАЗЕ ДЕШЕВОЙ ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ И МЕСТНЫХ ИСТОЧНИКОВ СЫРЬЯ АЛЮМИНИЕВОЙ, ХИМИЧЕСКОЙ, ГОРНОРУДНОЙ И ДРУГИХ ОТРАСЛЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ...»

Директивы XIX съезда партии
по пятому пятилетнему плану
развития СССР на 1951—1955 годы.

— Мы, гидростроители, часто сравниваем свой труд с работой Савваофа. У нас тоже есть свои «шесть дней творения».

— Какие же?

— Первый день — появление гидростроителей на берегах реки. Второй — завершение перемычек и откачка котлована. Третий — закладка основания плотины. Четвертый — окончательное перекрытие реки. Пятый — закладка здания ГЭС. Шестой — пуск первых агрегатов...

(Из разговора)

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ТВОРЕНИЯ (1955—1957)

Что-то Паршин еще сказал о ней — злое, насмешливое, но Ангарцев уже не слышал, мертво схватил бригадира за отворот распахнутой на груди фуфайки.

— Во, контуженный! — Паршин криво усмехнулся. И тут же процедил зло: — Ты на кого прыгаешь, шенок?! На Паршина?! Да я таких, как ты... — И он остервенело толкнул Ангарцева в грудь.

Ангарцев устоял на ногах, а в зажатой его руке остался клоч серо-грязной ваты с желтой солдатской пуговицей.

Постояли, посмотрели друг на друга; дышали оба тяжело, обзлленно; бригада молчала.

— Не нравится — катись от нас! Колбаской по малой Спасской! — Паршин насмешливо повел руками, как бы указывая на большую широкую дорогу. — А бабешку эту мы поставим на место. Нашелся щенястый защитничек! Держите меня, я падаю...

Ангарцев отшвырнул клоч ваты с пуговицей в угол. Выдохнул:

— С девчонками воюете! Да еще грязью обливаете... А она, между прочим, для вас старается.

— Наряды бы закрывала, как говорят, а то заливается соловьем... — бросил кто-то из бригады. — Надоело!

— Работать надо! Работать, понима-

ете?! — разозленно прокричал Ангарцев. — ГЭС приехали строить?! ГЭС или что?!

— Ты нам деньги плати. Деньги. А идеи при себе оставь. ГЭС не ГЭС, там видно будет. А денежки чтоб нам сегодня карман оттягивали. Вот так, комсомолия!

Эти последние слова слышала и Попкова, заскочившая в прораскучку; щеки у Попковой, как всегда, пылали румянцем, глаза поблескивали оживлением, горячностью.

— Иван, почему лес не рубите?

— За бесплатно, товарищ Попкова, даже курица яиц не несет. А кроме того, мы плотники, строители — не лесорубы. Так-то, товарищ Попкова!

— Все так считают? — спросила она спокойно.

— У нас разногласиев не бывает, — усмешливо полупропел Паршин. — Так, ребята?

Бригада молчаливо согласилась с бригадиром.

— Ладно, время не терпит. Сама пойду. — Попкова толкнула дверь.

Следом за мастером вышел и Ким Ангарцев.

— Давайте, давайте, — бросил вслед Паршин.

Она шла, закусив губу; стоило немалых усилий не расплакаться. Только не это. Только не быть слабой. Когда ехала сюда, знала — будет трудно. Братская ГЭС поистине начиналась с нуля. Она, Ольга Попкова, была одной из первых, кто приехал покорять Ангару. Инженер-строитель, молодая еще девчонка, комсомолка.

А потом начались будни. Холод. Мошка. Комары. Грязь. Жизнь в палатках у Падунских порогов. Работа мастером. Без опыта. Без навыков общения с людьми. Слезы и разочарование. Восторг и радости. Все было. А главная задача дня — это дороги и жильё. Чтобы покорить Ангару, чтобы начать строить величайшую в мире ГЭС, нужны дороги и хотя бы мало-мальские жилищные условия для строителей.

Лучшая бригада плотников — «паршинцы» — рубила дома на Левом берегу. Когда их перевели на Правый — валить лес, готовить площадку под будущий поселок, они взбунтовались. Усмотрели в этом «понижение в квалификации».

...Кедрач, подрагивая клем, ухал на мерзлую землю. Глубоко эхо металось между высокими, под восемьдесят метров, прибрежными утесами Ангары. Страшна здесь Ангара. Страшна тайга. Но метр за метром отвоевывает человек пространство у природы. Совсем еще молоденькая девчонка валит лес. Волосы посеребрены инеем. Мороз под сорок градусов. В воздухе клубится белесое дыхание. Рядом с Ольгой валит ливственницу Ангарцев. Как бы ни было трудно, Ангарцев всегда рядом. О таких говорят — «чокнутый». Но именно «чокнутые» и выдерживают самые суровые испытания.

— Не упарились еще?

Оборачиваются — стоит в белом своем полушубке Паршин, усмехается. Посмотрели на него. Отверились.

— Между прочим, товарищ Попкова, в Осиновке сегодня праздник. Иль опоздать решили?

Снова оборачиваются к Паршину. Попкова хмурится — и вдруг хлопает себя рукавицей по лбу:

— Как же это? Совсем забыла!

Сегодня на Правый берег приходит первый поезд: новая ветка соединит Осиновку с железной дорогой Тайшет — Лена. Величайшее событие!

Бегом рванули в поселок...

«Открытие железной дороги проходило очень торжественно, — напишет она своей подруге. — Было «высокое начальство», огромная толпа людей и замечательное чувство радости, гордости. Крошечная станция-вагончик в тайге, узенькая стрелка дороги, и первый паровоз пересекает красную ленточку. Мы все были там и даже прокатились десять метров на паровозе: прицепились и кричали «ура!!!» во все горло. Представляешь, мы ведь присутствова-

А. КОЖУХАРЬ. Интересно... Ведь получается, будто вы подхватили дело, которым занимался лейтенант Шмидт. Мне кажется, именно так должны передаваться революционные и трудовые традиции — через дело, через непосредственную практическую деятельность. Наверное, после этого вы по особому заинтересовались личностью отважного революционера?

В. БЕЛЯЕВ. Шмидт был по натуре идеалист и романтик, но мужеству его могут позавидовать самые стойкие революционеры. Помните, какую телеграмму он послал царю во время восстания на «Очакове»? «Командую флотом. Шмидт». Ну вот, а в то время, в 1887 году, он приехал из Петербурга в Бердянск, где его отец — адмирал в отставке — был градоначальником, снял мичманку и морскую военную форму, надел

робу и пошел работать в литейный цех. Для чего? Для того, чтобы лучше узнать, как живет и трудится рабочий класс.

А. КОЖУХАРЬ. Я представляю, какое это было для вас событие — работать на формовочной машине самого лейтенанта Шмидта. Тут и ответственность, и радость, и страх, наверное: а вдруг не справитесь? Я хорошо помню, как это чувство ответственности буквально сковало меня по рукам и ногам, когда мастер впервые поручил мне самостоятельную работу.

В. БЕЛЯЕВ. Тут многое зависит от людей и от той обстановки, в которой приходится работать. Бывает, ну, ничего у тебя не получается, и вдруг какой-то неожиданный пазговор, встеча — и все меняется.

Была у меня в жизни такая встреча... С 1929 года я служил в армии, а потом меня направили на работу в оборонную промышленность Ленинграда. На ленинградском заводе «Большевик» (бывшем Обуховском) мы делали первые советские опытные средние танки (на их базе впоследствии появились непревзойденные Т-34). Работали день и ночь, домой уезжали редко. Однажды ночью (это был 1933 год) открылась дверь, и в нашу мастерскую вошел Сергей Миронович Киров. Мы спали под танком — чумазы, голодные, а тут выскочили как пули. Киров забрался в танк, проверил рулевое управление. Говорит: «А чего это вы, ребята, спите на полу?» Ну, мы объяснили, что ночью трамваи не ходят и лучше ночевать здесь: на сон остается побольше времени. Тогда Киров говорит нашему директору, замечательному, кстати, человеку, Н. В. Барикову: отпустите ребят со мной, подвезу

ЗОВУТ НОВОСТРОЙКИ СТРАНЫ.

ли при пуске первого небольшого звена стройки! А что будет, когда начнут пускать агрегаты Братской ГЭС?»

...Спрыгнули с паровоза и долго еще вместе со всеми кричали «ура». И откуда-то из толпы вынырнул к ним Паршин: — Слышь, товарищ Попкова, крик на работе — это ведь не ругань, а просто «крупный разговор». Так?

Она отходчиво улыбнулась бригадиру. — Ну мир, что ли? — И Паршин первый протянул ей руку.

— Мир, — сказала она. Пожав ей руку, Паршин протянул пятерню Ангарцеву:

— Люблю, когда наперекор идут. Хребет есть, значит. Вместе, что ль, Братскую строить будем, а?

Ангарцев улыбнулся: — Давай попробуем...

ВТОРОЙ ДЕНЬ ТВОРЕНИЯ (1957—1958)

В комнате они были одни — секретарь и член комитета комсомола стройки. Верещагин протянул Ангарцеву записку: — Читай.

— «Надоело жить на одном энтузиазме. Хотим белого хлеба!» — вслух прочитал Ангарцев.

— Надо срочно ехать в Анзобу. Пока не поздно.

— А если лед пойдет на перемычку? — Ангарцев показал за окно: — Смотри, что Ангара выделяет...

— Надо успеть, — сказал Верещагин. ...Ангару начали перекрывать зимой. Более смелого решения еще не было в мировом гидростроительстве. Огромные деревянные срубы — ряжи — строили прямо на льду. Площадь самого большого из них доходила до четырехсот квад-

ратных метров. Вес ряжей, уже засыпанных песком и камнем, достигал 180 тонн. Чтобы опустить ряжи на дно реки и образовать продольную перемычку, во льду резали огромные промоины — майны; ледяные глыбы полутораметровой толщины тяжело ворочались в промоинах. Экскаваторы с двух сторон тянули решетчатые волокуши, вылавливая распиленный на кубы лед. Точно в срок сорок тяжеловесных ряжей прочно легли на скалистое дно Ангары. Есть продольная перемычка!

...Главное, успеть бы в Анзобу до ночи. Встрянуть хорошенько демагогов. Вся стройка в напряжении, ледоход прет на перемычку, грозит начисто снести, а эти...

— Как думаешь, выдержит перемычка?

— Должна выдержать, — сказал Ангарцев.

День, когда перекрывали проран верховой перемычки, был первой серьезной схваткой с Ангарой. В иных местах Ангара неслась со скоростью десять метров в секунду. Бешеный поток ворочал многотонные камни, как игрушки. Ангара пенилась и бунтовала. Кое-где глубина ее не уменьшалась, а, наоборот, увеличивалась: падающие вниз камни разрушали вековое дно, и Ангара победно уносила грунт вниз по течению. И все же через девять с половиной часов Ангара покорилась людям, три четверти ее русла были перекрыты. Верховая перемычка соединилась с продольной! Теперь очередь была за котлованом...

И тут вдруг страшный ледоход. Поперечная верховая перемычка оказалась под угрозой разрушения.

А жизнь не стоит на месте. Где-то

люди борются со стихией, а где-то кому-то именно сейчас захотелось белого хлеба...

...В общезитии их встретили с усмешливым спокойствием. Холод. Грязь. Вонь. Задранные сверху ноги в сапожках на сплянках кроватей.

— Комитетчики приехали!

— Ха-ха!

— Дров привезли? Жратвы? Братцы, спасители прикатили!

— Сволочь, а ну встань! — взорвался Ангарцев. — Видишь, что за окном? Тайга!

— Дров тебе мало, а?!

— День и ночь пластаемся, да еще самим и печки топить? Не для этого сюда приехали...

— Где у вас комсорг? — Верещагин старался говорить спокойно.

— На перемычке.

— Кто старший?

— Ну, я... — С кровати поднялся огромный бородатый детина.

В эту минуту в общежитие ворвался белобрысый парень, на вид совсем пацаненок:

— Лед через перемычку пошел!

— Старший, слушай внимательно!

— Кровь разом схлынула с лица Верещагина. — Всех на перемычку!

— Чего мы там...

— Приказываю! Всем на перемычку! Ну?!

...Ледяные глыбы, тяжело ворочаясь, с грохотом и треском взбирались друг на друга, карабкались на перемычку, с шумным протестом оседали назад и снова дыбились друг на друга, стремясь перевалить через банкет. Казалось, река исходит стоном, ревом, никогда еще и никто не видел, чтобы воды Ангары пошли спать. Многотонные глыбы не находили пути и со страшным скреже-

том пробивали себе дорогу вверх по течению реки. Но вот в одном месте целое ледяное поле надвинулось на банкет и перевалило через преграду, придавив двадцатипятитонный самосвал...

Долгую весеннюю ночь все, кто мог, сражались со льдом; ревели бульдозеры; гудели тяжеловесные грузовики; ухали в воду глыбы диабазы; пядь за пядью наращивалась высота банкета.

...В четыре руки подхватили зависшее над перемычкой бревно. Подняли глаза друг на друга.

— Ну что? — сказал Верещагин анзобинскому бородачу. — Говоришь, будет котлован для плотины, а, старшой? Вот тогда и хлеб будет белый! — И, обернувшись к Ангарцеву, весело прокричал: — А ну-ка, подмогни нам!..

ТРЕТИЙ ДЕНЬ ТВОРЕНИЯ (1958)

Что-то там не ладилось, а что — понять было нельзя. Ангарцев отправился на бетонный завод. Грязь вокруг стояла непролазная, увязал в сапогах по колени.

— Ну что, где бетон? Бетон где? — По лицу Ангарцева катил пот.

«Пошел ты!» — молча отмахнулся от него парень, сидевший на подножке бетоновоза. Ангарцев вбежал в заводоуправление и сразу же столкнулся с главным инженером.

— Там же бетон ждут! — закричал с ходу Ангарцев, рубя воздух рукой.

— А ты кто такой? — близоруко сощурился главный.

— Ангарцев. Член комитета комсомола.

— Во, еще один на мою шею навязался... Будет, будет бетон! — И скрылся в своем кабинете.

Ангарцев выскочил на улицу; шофер, впрыгивая в кабину, полуобернулся к нему:

— Эй! Ты, что ль, за бетоном? Садись! Сейчас первую машину повезу. Слышь?!

Ангарцева долго уговаривать не надо было, через секунду сидел уже в кабине.

их домой — отослаться. Сели мы с Кировым в машину, дорога была плохая, с выбоинами, ехали медленно, так что у нас была возможность поговорить с ним. Сергей Миронович интересовался буквально всем, в особенности, чем мы увлекаемся в свободное время, что любим, о чем мечтаем. Вы не представляете, какой след оставил в душе молодых рабочих этот недолгий разговор с Кировым! У нас как-то сразу все стало получаться, душа пела и радовалась, когда мы приходили на завод... Позже, сколько бы я ни вспоминал эту встречу, меня всегда поражало это свойство коммунистов, получивших закалку еще в годы революции, — способность воздействовать на молодежь и словом и делом. Заметьте, у таких людей слово никогда не расходится с делом. И в этом я вижу еще одно подтверждение величия революции.

А. КОЖУХАРЬ. Да, конечно, в жизни огромное значение имеет встреча с человеком большой души, со старшим другом, просто с настоящим наставником. Когда я учился в Львовском политехническом институте, меня иногда развешивал какой-то скепсис. И тут на 3-м курсе как-то незаметно, именно незаметно для меня получилось, что наш доцент Мизюк Маргарита Григорьевна привлекла меня к работе над двумя

лабораторными исследованиями. Впоследствии результаты этих работ были опубликованы, и я, студент, оказался соавтором доцента. Но речь не об этом. Главное — Маргарита Григорьевна, почувствовав мою страсть к экспериментированию, страсть делать все своими руками, направила ее в нужное русло. Приучив меня работать с научной литературой, она помогла мне понять, что наука — это сплав практики и теории. Простая истина, но открыл я ее с помощью М. Г. Мизюк.

В. БЕЛЯЕВ. Да, вовремя данный совет или настоящему задевшая тебя встреча с интересным человеком могут даже определить всю нашу судьбу. Сергей Миронович Киров, кстати, в конце памятного разговора в 1933 году вдруг заинтересовался нашей ежедневной цеховой газетой «Опытник», которую я тогда выпускал один, причем без отрыва, так сказать, от производства. Киров сказал тогда: «Не оставляйте литературу, может быть, вы будете писателем. Пишите книгу о рабочей молодежи, если у вас уже есть о чем рассказать. В этом, кстати, состоит ваш личный революционный долг — рассказать людям правду об эпохе революции и гражданской войны. Вас будет читать молодежь и по вашим рассказам узнавать

о славных делах борцов за светлое будущее страны».

А. КОЖУХАРЬ. Этим и дорога ваша трилогия «Старая крепость» — искренностью и глубиной повествования о простых мальчишках, из которых выросли настоящие, любящие свою профессию молодые рабочие. У нас во Львове, в политехническом институте, где я работаю на кафедре светотехники и источников света, большое внимание уделяется приобщению студентов дневного отделения (заметьте, дневного) к тому производству, с которым в будущем им придется породниться. Я сам был рабочим и очень хорошо знаю, как это важно, чтобы будущий инженер или ученый руками, понимаете, руками своими пощупал, потрогал и даже сделал деталь или механизм, с которыми придется столкнуться на производстве. Мое глубокое убеждение: студент с первых дней учебы в институте должен не только накапливать знания в соответствии с программой обучения, но и иметь постоянную связь с производством.

В. БЕЛЯЕВ. Я полностью разделяю ваши взгляды. Время сейчас мирное, только знай учишься засучив рукава. Ценить нужно мирное время... Мне сейчас

ПРАВО БЫТЬ ВПЕРЕДИ.

— Давай знакомиться, что ли. — Шофер мельком взглянул на соседа. — Пушкаревский. Анатолий.

— Ангарцев. Ким.

— Во как! Ким! Что за имя такое?

— Коммунистический интернационал молодежи.

— Ясно. Весело живешь, значит?

— Что с бетоном было?

— Цемент дрянь шел. Теперь норма.

...В котловане встречал первый бетон Алексей Ошмарин, бригадир бетонщиков. Сегодня пустили на стройке бетонный завод — и сегодня же обязались уложить первые кубометры бетона в тело плотины.

...Где-то далеко за котлованом дыбится каменная грудь мыса Пурсей. Над самой его макушкой висит месяц в окружении мартовских звезд. Идет и идет бетон. И час, и два, и три, и четыре...

Кажется, котлован даже горит от сотен зажженных фар. Слипаются глаза. Налились неизмеримой тяжестью руки. Охрипло горло от крика.

— Слушай, Алексей, полночь уже. Иди хоть вздремни малость.

— Иди сам.

— Да не могу я! — Ангарцев повалил-

ся спиной на опору. — Укладку объявили комсомольской.

— А я могу?! — обиделся Ошмарин. — Пошел к черту! — И уже мягче добавил: — Ладно, работаем и работаем. Не встревай ты, комсомолия...

— К часу первый блок закончим?

— Точно в час. Можешь засекаешь по секундомеру.

В час ночи первый фундамент был уложен. Сели перекурить. Заступила ночная смена. Ошмарин отказался уходить. Ангарцев тоже остался. Работал за бетонщика. Рядом с Ошмариним.

— Не сломаешься?

— Не сломаюсь. Не бойсь.

К утру глаза налились тяжелой краснотой. А бетон шел и шел. Завод работал что надо. Работали и ошмаринцы.

К трем часам дня последние кубы бетона плюхнулись во второй фундамент. Не было сил радоваться. Просто сели. И сидели. И улыбались.

— Ну что, выдержал?

— А ты? — Ангарцев не хотел уступать.

Сидели и улыбались. Это они держали сегодня на своих руках новорожденного — юную плотину будущей Братской ГЭС.

ЧЕТВЕРТЫЙ ДЕНЬ ТВОРЕНИЯ (1959)

Пост Ангарцеву достался горячий — на мосту. Из сорока комсомольских рабочих постов — несколько на пе-

рекрытии. Ангарцев показывает Завадскому: «Вот здесь». Завадский подходит к краю моста, осматривает бревна ограничителей; прикидывает, где нужно будет крутануть баранку влево, чтобы развернуть МАЗ, а где дать задний ход. Все должно быть выверено до миллиметра, перекрытие Ангары — дело небезопасное.

И когда над мостом загрел репродуктор: «Фронтальное перекрытие Ангары начать!» — тысячи людей застыли в торжественной тишине на откосах, на бетонной эстакаде, на кромке котлована. Мощный рев автоколонны потряс воздух. Первые самосвалы, груженные диабазовыми глыбами, с могучим рыком, тяжело переваливаясь на прибрежных выбоинах, въехали на мост. Володя Завадский круто разворачивает головную машину и по дощатому настилу пятится назад; передние колеса самосвала вздыбляются вверх, будто закусил удила строптивый конь и взвился на дыбы. Каменная глыба скрывается в пучине Ангары, которая с яростью разбрасывает по сторонам тысячи брызг.

Сразу вымокший с головы до ног, но совершенно не замечая этого, Ангарцев кричит вместе со всеми: «Ура!» Штурм Ангары начат...

Одна за другой въезжают на мост машины, разворачиваются и сбрасывают в кипящее клочкотание реки монолит за монолитом. Осталось перекрыть всего 110 метров не покорившейся пока реки. Сотни лет ширина Ангары у Падунских порогов была почти с километр. В

1957 году Ангару сжали до 250 метров и в котловане начали возводить плотину. Позже у Ангары отобраны еще 140 метров, и вот теперь люди решили ее покорить окончательно.

У этого самосвала Ангарцев приметил на ветровом стекле эмблему комсомольского значка. Значит, свой экипаж работает, комсомольский. И только он подумал об этом, как вдруг увидел смертельно побледневшее лицо паренка, крутящего баранку: рядом с ним сидел напарник, уже изготавившийся прыгать из машины. Скользящая по кузову глыба тетраэдра подняла передние колеса самосвала настолько, что еще секунда — и МАЗ полетит в Ангару. Машина зависла над пропастью реки...

Ангарцев не колебался. Прямо от указательного бревна прыгнул на подножку МАЗа, как будто твердо веря, что именно его собственного веса будет достаточно, чтобы самосвал передними колесами плюхнулся на дощатый настил. Еще можно было выпрыгнуть из кабины, но все трое, как под гипнозом, вжались в тело машины. Еще секунду продержался строптивый МАЗ на вздыбленных колесах, а потом медленно опустился на мост. Мало кто заметил это происшествие, но кто заметил — вздохнул облегченно. Ангарцев уже был на земле, почти не обратив внимания, как шофер, круто вывернув баранку, хрипло поблагодарил его: «Спасибо, браток...» Уже шли новые машины, разворачивались и сбрасывали новые глыбы в темную бездну воды...

вспомнилось, как я однажды во время Отечественной войны соприкоснулся со студентами Архангельского медицинского института. Им тогда пришлось проходить совсем иную «производственную практику», чем вам. Дело происходило на Севере, в Баренцевом море, в котором в то время было немецких подводных лодок, как в супе клецек. Мы шли на пароходе «Рошаль» к Новой Земле. Меня взяли на борт в качестве корреспондента. Там-то я и познакомился с девушками-студентками Архангельского медицинского института. Их, комсомолок, направили на Новую Землю собирать яйца кайр (есть такие птицы), чтобы подкормить как-нибудь город. Помню, я стоял на мостике рядом с капитаном Соболевым, вдруг вижу: метра в двухстах мелькнул перископ немецкой лодки. Я так испугался, что у меня не хватило сил

даже крикнуть, я просто взял и повернул капитана в нужную сторону. Тут же команда капитана: «Право на борт!» — и в этот момент подводная лодка выпустила торпеду. Она, на наше счастье, проскочила мимо кормы... А девочки-студентки, так и не осознав до конца всей опасности, долго переживали, что не смогли выполнить «производственное задание»...

А. КОЖУХАРЬ. Да, это была война. Тяжелое испытание для всех. Ну, а наши трудности — это трудности мирного времени. Мне вспоминается, например, конец шестидесятых годов, развитие студенческих стройотрядов. Стройотряд — серьезная трудовая и моральная школа для будущего специалиста. Я сам когда-то был комиссаром отряда «Политехник-73», мы строили на Камчатке мастерские для «Сель-

хозтехники». Нас, помнится, замучили тогда перебои с поставкой материалов, и в отряде начались, как говорят в таких случаях, «разброд и шатание». Мы с командиром отряда твердо пообещали ребятам: будут материалы, будет работа! Обратились в райком комсомола, в райком партии: помогите! Там быстро разобрались в ситуации, по-партийному подошли к решению вопроса. Результат того разговора? Отряд намного перевыполнил взятые на себя трудовые обязательства...

В. БЕЛЯЕВ. Комсомол всегда должен быть на переднем крае борьбы. Если вы помните, в «Старой крепости» именно с молодыми рабочими связаны мои самые заветные мысли как писателя. Только нужно всегда писать правду о людях. Как ругал меня

ЮНОСТЬ МУЖАЕТ В ТРУДЕ.

Домой никто не уходил. Работали вечер, ночь, утро. В половине десятого утра в кипении воды показался первый камень — Ангара устала сопротивляться. Усыпанные сотнями людей берега откликнулись радостными возгласами... Ровно в три часа дня 19 июня 1959 года Ангара остановила свой бег перед каменной грядой перекрытия...

ПЯТЫЙ ДЕНЬ ТВОРЕНИЯ (1960)

Он не сразу обратил на нее внимание: маленькая, худенькая, она сидела и спокойно ждала своей очереди. В комитете комсомола, как всегда, бурлило от множества народа. А в эти дни, в канун девяностолетия со дня рождения Ленина, особенно.

— Вы по какому вопросу?
— По личному. — Она подняла на Ангарцева совсем юные, почти детские еще глаза.

Сели в сторонке от всех. Зовут Поля Рудоченко, скоро исполнится восемнадцать лет. На стройке работает полгода — приемщицей бетона. Сибирячка.

— Понимаете, я хочу учиться. В институт поступать. И вот не знаю, что делать...

— Да кто вам мешает? Поступайте и учитесь.

— А что же я, как предательница, что ли, буду? Все на стройке, а я...

— А вы и учитесь и работайте.

— Куда мне! Не потяну.

Ангарцев внимательно посмотрел на девочку, и у него мелькнула неожиданная мысль:

— Вот что. Двадцать первого закладывается здание ГЭС. Будете принимать бетон. А позже и обсудим все.

— Да, но как же...

— Обсудим позже. Обещаю. — Ангарцев крепко пожал ей руку.

...Когда уже вовсю шел бетон и его кубометр за кубометром укладывали в первый блок будущего здания ГЭС, Ангарцев поднялся на мост-эстакаду, где командовала бетоном Поля Рудоченко. Один за другим подходили мощные самосвалы и вываливали бетон в огромную бадью, которую по взмаху Поли красным флажком подхватывал порталный кран и опускал с сорокаметровой высоты к опалубке блока. Командир из Поли получался отменный, работала она живо, спорно, тугие щеки ярко горели; опыленные цементом волосы выбились из-под косынки. И грохот стоял такой, что на вопрос Ангарцева: «Ну, как дела?» — она только молча покачала головой, улыбнулась и показала пальцем вверх: нормально!

Всего несколько часов назад, когда первую бадью принимала лучшая на стройке бригада бетонщиков Валентина Юргенсона, Ангарцев видел Полю внизу, у блока, плачущей от счастья. Плакала не только эта молоденькая девочка, плакали многие — даже те, кто прошел в жизни не одно суровое испытание. Как только раздалась команда: «Приступить к укладке бетона в здание величайшей в мире ГЭС», у многих от волнения на глаза навернулись слезы. Грянул гимн, и под его торжественные звуки на дно блока начала опускаться памятная бронзовая плита:

СССР
БРАТСКАЯ ГЭС
Здание
гидроэлектростанции
заложено
21 апреля 1960 года
в ознаменование
90-летия со дня рождения
В. И. ЛЕНИНА

А вот теперь бетоновозами и порталными кранами командовала совсем юная братчанка Поля Рудоченко. Когда-то будет построено здание ГЭС, когда-то даст ток первая турбина, когда-то разольется во всю ширь Братское море и будет окончательно завершено сооружение плотины, а сегодня вот эта комсомолка закладывает фундамент будущего электрического гиганта.

Они стоят рядом — Ангарцев и Поля, и, когда чуть стихает погромохивание бадей и гул самосвалов, Ангарцев словно бы ненароком напоминает Поле недавний разговор:

— Ну, а как же личный вопрос?

— А? — Рудоченко даже не сразу понимает Ангарцева, а потом весело смеется: — Ой, глупости все это! — и стыдливо отмахивается рукой.

Да, сейчас такое творится на этой площадке, что нет, кажется, дела на свете, которое было бы не по плечу Поле Рудоченко.

— Значит, потянешь? И работать и учиться?

— Конечно! — И, уже отвлекаясь от разговора с Ангарцевым, Поля деловито взмахивает красным флажком.

ЛЭП-500 — НЕ ПРОСТАЯ ЛИНИЯ.

Портальный кран, потренькивая звонком, опускает следующую бадью к фундаменту ГЭС...

ШЕСТОЙ ДЕНЬ ТВОРЕНИЯ (1961—1967)

Ангарцев едва пробился сквозь толпу, осаждавшую вход в машинный зал. Несколько лет назад на этом месте была глухая тайга, Ангара грозно ревела и пенилась на Падунских порогах, а сегодня вот он — машинный зал, и скоро первая турбина Братской ГЭС отсчитает свои первые обороты...

А ведь ночь. Глухая ночь. Но спать в эти часы никто не может. Каждому хочется попасть в машинный зал, увидеть своими глазами, как будет пущена первая, такая долгожданная турбина.

— Ну что, Иван, когда командовать начнешь? — Ангарцев улыбнулся Тайминцеву, знаменитому в Братске монтажнику, который не раз и не два пускал уже мощные турбины.

— Сейчас поедем... — Тайминцев широко, смелым движением нарисовал на валу турбины большую пятиконечную звезду.

— И дату поставь.

— А как же! — Иван крупно написал дату: 28 октября 1961 года.

Ангарцев взял в руки журнал пусковых операций агрегата. Вот они, будничные строгие записи, ставшие впоследствии историческими: «Готова спираль», «Готов генератор», «Начато заполнение водовода». А теперь уже все готово к пуску, осталась только последняя проверка агрегата.

Инженер Анхель Алонсо — вот кто сегодня бог из богов. Ангарцев замечает,

Маршак — безжалостно, насмешливо! — когда обнаруживал в некоторых первоначальных главах трилогии фальшь, приблизительное знание жизни рабочих, революционеров. Это были уроки, которые я запомнил на всю жизнь. Маршак учил меня, что только правда доходит до людей, только правда сражается и побеждает. Недавно я еще раз убедился в правоте его слов. Судите сами... Когда во Вьетнаме шла преступная американская война, в Ханое издали мою книжку. Три тома. А что это значит? Это значит, что наша правда и опыт комсомола, опыт революции переплыли океан и поступили на вооружение вьетнамской молодежи. А ведь книжку переводили, набирали, издавали в невероятно сложных условиях — буквально под бомбежками. Думаю, это настоящий трудовой подвиг. А для меня, писателя, истинное счастье.

А. КОЖУХАРЬ. Ваша книга живет уже 40 лет! Живет и борется. Я знаю, что к XXV съезду партии издательство «Детская литература» выпустило 25-е издание трилогии тиражом 250 тысяч экземпляров. Колоссальный тираж, который разошелся в мгновение ока! Поколение за поколением вырастают мальчишки, а ваша книга завоевывает все новых и новых читателей. Удивительно! Я лично занимаюсь наукой, а она, как известно, стремится к объективному

познанию мира. Причем в современной науке ничего серьезного в одиночку сделать невозможно. Нужен обязательно коллектив. А вот писатель — один на один со своим материалом — заглядывает в такие глубины человеческой психологии, которые помогают даже прогнозировать события.

В. БЕЛЯЕВ. Кстати, о «прогнозировании» писателей. У меня был один любопытный случай в своей практике. В «Старой крепости» есть образ учителя истории Лазарева, который, когда в город ворвались петлюровцы, сказал своим ученикам: «Петлюровцы не простят мне, что я учил вас правде Ленина». И происходит вот такая история. На стыке 50—60-х годов я неожиданно узнаю, что Евгений Казинец, прообраз Лазарева, живет во Львове, что он заслуженный учитель республики, больше того, я вскоре попадаю на его золотую свадьбу, и он вдруг меня спрашивает: слушайте, я что-то не пойму, в вашей книге учитель истории хороший, а директор — сукин сын, петлюровец. Кого вы имели в виду? Ведь я был и учителем и директором. Я говорю: как учителя истории имел в виду вас, а директора я просто выдумал для сюжета. И вот мы разговорились — а человек он интересный: принимал участие в революции 1905 года, в боях на Красной Пресне, — и он мне рассказал, что, оказывается, его когда-то принимал

себя Ленин. Узнав, что Казинец с Украины, Ленин сказал: «Поезжайте на Украину и организуйте дело образования трудового народа. В этом будет состоять ваша революционная задача». Так что моя фраза в трилогии — прямое попадание в биографию реального человека. В другом месте у меня герои фантазируют насчет того, что придет время и люди научатся использовать энергию отливов и приливов...

А. КОЖУХАРЬ. Я хорошо помню это место в вашей трилогии. А нынче действительно уже существуют станции по использованию такой энергии. В Мурманске, например, на Дальнем Востоке...

В. БЕЛЯЕВ. Невозможно было, конечно, предвидеть все достижения, какие запишет в свой актив молодое Советское государство. Важно другое — сделанное превзошло все ожидания. А в основе всех ожиданий — свободный труд. Труд, который, как эстафетную палочку, передают по цепочке старшие поколения младшим. А нынче мы уже отмечаем 60-ю годовщину этого эпохального события.

А. КОЖУХАРЬ. Я знаю, Владимир Павлович, что для вас этот год вдвойне юбилейный: вам недавно исполнилось 70 лет! Позвольте от лица ваших многомиллионных читателей сердечно поздравить вас с юбилеями и пожелать, чтобы вы всегда оставались в строю молодых.

В. БЕЛЯЕВ. Большое спасибо!

Диалог записал
Георгий МИРУЛИН.

БРАТСКАЯ ГЭС — В ДЕЙСТВИИ!

как лицо Анхеля, всегда такое невозможное, вдруг разом побледнело, как только раздалась команда главного инженера стройки:

— Пуск!

Анхель Алонсо плавным движением поворачивает рукоятку регулятора скорости. Да, вот этой рукояткой именно он, Анхель Алонсо, вдыхает сейчас в Братскую ГЭС жизнь. Послушная приказанию человека, где-то глубоко внизу под машинным залом медленно сдвинулось рабочее колесо. И большая пятиконечная звезда поплыла и скрылась за кожухом вала, а через несколько мгновений показалась вновь. Скорость вращения нарастает, и вскоре уже трудно различить звезду — турбина набирает ход. Люди не помнят себя от радости, целуются, пожимают друг другу руки, Ангарцев обнимает Анхель Алонсо, едва сдерживая слезы радости.

То, ради чего люди съехались сюда со всех концов Советского Союза, свершилось: Братская ГЭС действует!

Впереди пуск новых турбин, на это уйдут еще годы и годы упорного труда, но эта — первая турбина — уже поставлена на обороты!

Через месяц она уже даст первые киловатты промышленной энергии, которую так ждут на строящихся предприятиях Братска: Коршунновском горно-обогатительном комбинате, Братском лесопромышленном комплексе, Братском алюминиевом заводе и Братском заводе отопительного оборудования.

Отныне Братский территориально-промышленный комплекс будет иметь вечное электрическое сердце.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

«1 апреля вечером поставлена под промышленную нагрузку вся технологическая линия Коршунновского горно-обогатительного комбината...

Железородный гигант у горы Коршунки вступает в строй действующих. Под бункеры подошли первые вагоны. Обогащители готовятся отправить металлургам Западно-Сибирского металлургического завода первый эшелон железного концентрата».

г. Братск. Газета «Красное знамя». 6 апреля 1965 г.

«...ровно в 1 час 50 минут 5 сентября по тракту подачи первая щепка поступила в котел. Возле транспортера собрались все варщики, операторы, дежурные монтажники. Наконец-то! Первая варка братской целлюлозы! Этого момента уже давно ждали. Пять лет отделяют эти минуты от начала строительства комбината. Пять трудных героических лет! И вот первая щепка летит в котел. Через несколько часов она станет целлюлозой, продукцией крупнейшего в стране лесопромышленного комплекса... Есть братская целлюлоза!..»

г. Братск. Газета «Красное знамя». 7 сентября 1965 г.

«Братский алюминиевый завод вступил в строй действующих!

...Электроэнергия Братской гидроэлектростанции идет основному потребителю — Братскому алюминиевому заводу...

С начала строительства выполнено 7,2 миллиона кубометров земляных работ, забито 14825 свай, уложено в здания и сооружения 79730 кубометров монолитного бетона и железобетона,

смонтировано 65739 кубометров сборного железобетона и 15433 тонны металлоконструкций, выполнено 23323 кубометра кирпичной кладки, уложено 128 километров подземных коммуникаций...

РОДИНА! ПОЛУЧАЙ БРАТСКИЙ АЛЮМИНИЙ!»

г. Братск. «Братский алюминий». 15 июля 1966 г.

«Крупнейший в стране Братский завод отопительного оборудования принят государственной комиссией в постоянную эксплуатацию! ...Вечером 26 декабря 1973 г. на заводе был получен первый стальной радиатор...»

г. Братск. Газета «Красное знамя». 1 января 1974 г.

От автора: Главный герой очерка Ким Ангарцев — образ собирательный, он вообрал в себя черты нескольких комсомольцев 50—60-х годов, легендарных строителей Братской ГЭС. Все остальные герои очерка носят свои реальные имена.

Широкое, поистине массовое создание возможности проявлять предприимчивость, соревнование, смелый почин является только теперь...

...в том-то и сила, в том-то и жизненность, в том-то и непобедимость Октябрьской революции 1917 года, что она... ломает все старые препоны, рвет обветшавшие пути, выводит трудящихся на дорогу самостоятельного творчества новой жизни.

В. И. ЛЕНИН.

М. СОКОЛОВ.
«В. И. ЛЕНИН НА ВСЕРОССИЙСКОМ СУББОТНИКЕ В КРЕМЛЕ 1 МАЯ 1920 ГОДА».

Уроки ЖИЗНИ

П. КОЗИН. Довелось мне недавно выступать на митинге. Многие тысячи людей собрались на заводской площади — наше объединение получило Красное знамя за первое место во Всесоюзном социалистическом соревновании. Вручал знамя первый заместитель министра, присутствовали гости с других заводов. Не скрою, приятно было. Юбилейный год, а мы шесть месяцев подряд — первые во Всесоюзном соревновании. Построенные нами пятивагонные рефрижераторные секции, маневровые тепловозы, судовые дизели основных марок удостоены государственного Знака качества. Без малого девяносто процентов отличной, надежной продукции с почетным пятиугольником — такого показателя добиться трудно, и редко какое предприятие пока еще имеет такие результаты.

Поблагодарил я коллегия министерства и ЦК профсоюза рабочих машиностроения за высокую оценку труда нашего коллектива, рассказал о социалистическом соревновании, о том, как мы поддержали почину передовых коллективов страны «Пятилетке качества — рабочую гарантию», «Ни одного отстающего рядом!». Сказал, что счет сверхплановой продукции, изготовленной в честь 60-летия Октября, мы ведем уже на миллионы рублей.

Там, на трибуне, еще раз пришла в голову мысль, давно уже прочувствованная, выношенная. Помнить прошлое — без этого, если хочешь, нет подлинной души и подлинного характера.

А. РЯЗАНЦЕВ. Согласен с вами. И мы, молодое поколение заводчан, не забываем, какие корни у нашего сегодняшнего индустриального гиганта. Начали наши деды с борон, плугов да рельсов, катали броню для «Потемкина», строили паровозы, вагоны. Хорошо работали: и броню создали, что на испытаниях превзошла английскую, и паровозы сделали лучшие в мире, на международных выставках получали золотые медали. Это история. И мы трепетно вглядываемся в страницы этой истории.

Каждый молодой рабочий, придя на завод, вливаясь в его большую семью, свою трудовую жизнь начинает с посещения нашего заводского музея. Вы,

СЮЖЕТ, РОЖДЕН- НЫЙ В ТЮМЕНИ

Сергей БОГАТКО.
Фото Альберта ЛЕХМУСА.

Александр РЯЗАНЦЕВ,
фрезеровщик производственного объединения
«Брянский машиностроительный завод» (БМЗ),
лауреат премии Ленинского комсомола.

Петр КОЗИН,
Герой Социалистического Труда,
бригадир слесарей-сборщиков БМЗ.

«БРЯНСКИЕ ПРАВИЛА»

Петр Петрович, и я сколько раз проходили по его залам... Мне лично особенно памятен раздел, посвященный далекому 1918 году. Завод мерз. Завод голодал. Троцкий настаивал на том, чтобы закрыть его. Самое непосредственное участие в судьбе предприятия принял тогда Владимир Ильич Ленин. Он встретился с посланцами нашего завода Акимовым и Беззаботновым, расспросил обо всем, в чем нуждались рабочие. По предложению Ильича заводу была выделена большая сумма денег, а также продовольствие. И тогда, ободренные вниманием и заботой Ленина, рабочие взялись налаживать производство, чтобы немедленно дать так нужные стране плуги, подъемные краны, снаряды, бронепоезда.

П. КОЗИН. Да, это время глубоко отразилось на судьбах людей. Затронуло оно — впрямую — и меня. Мой отец, Петр Александрович, рабочий-литейщик, с продотрядом отправился за хлебом. Он погиб в бою где-то в Сибири. Я так ни разу и не видел своего отца. Мать говорила, что был он сильный, рослый, добрый и справедливый.

Тогда многие рабочие нашего завода, как говорится, одной рукой строили, создавали, а другой отбивались от многочисленных врагов. Я часто думаю о том, что здесь, на нашем заводе, создавались тогда не только бронепоезда, паровозы, плуги, а и новые производственные отношения. Октябрь передал власть в руки народа, и рабочий люд сам решал, как

сделать свой труд более производительным, чтобы укрепить эту власть. А для этого прежде всего надо было не просто поднять, а создать новую, осознанную трудовую дисциплину. Вот тогда-то и появились наши знаменитые «Брянские правила», которые стали основой внутреннего трудового распорядка, действующего сейчас на всех предприятиях страны.

А. РЯЗАНЦЕВ. «Брянские правила» для нас, молодых машиностроителей, не просто символ. Каждый третий работник в объединении — комсомольского возраста. Возле мемориала «Брянские правила», что сооружен на территории завода, проводится торжественное посвящение в ряды рабочего класса. Все знают, как это было тогда, в 1918-м...

П. КОЗИН. Да, 25 января 1918 года — значительная веха в жизни нашего с тобой, Саша, завода. В тот день на совместном заседании общественных организаций было решено «выработать правила внутреннего распорядка, за неподчинение которым принимать все меры вплоть до расчета». Проект правил раздали по цехам, чтобы люди могли взвесить каждое слово этого первого в молодой республике Кодекса рабочей чести. 10 мая директор Рожков телеграфировал В. И. Ленину о том, что завод стал работать по новому, и послал ему экземпляр «Правил».

Владимир Ильич внимательно ознакомился с «Брянскими правилами». Обращаясь к участникам проходившей в те дни конференции представителей национализированных предприятий, он писал: «Желательно... чтобы конференция... одобрила или, посредством резолюции, узаконила внутренний распорядок по типу брянских правил в интересах создания строгой трудовой дисциплины...»

В ноябре 1918 года Народный комиссариат труда утвердил постоянные «Правила внутреннего распорядка».

А. РЯЗАНЦЕВ. Помню, в кружке комсомольского политпросвещения мы изучали ленинскую работу «Очерпные задачи Советской власти». Так вот, я тогда сделал для себя открытие: рабочие нашего завода своими «Правилами» очень конкретно отозвались на эту ленинскую работу! В ней, помнится, Владимир Ильич подчеркивал, что после взятия власти и национализации предприятий задача рабо-

Рейсовый автобус приближался к аэропорту. В просторном «Икарусе» сидело всего двенадцать пассажиров. Правда, они с трудом умещались в креслах, потому что телосложения были крепкого и к тому же одеты тепло, так что сразу понятно: люди собрались не в Сочи.

Утро над Тюменью вставало морозное, ясное, и в окна «Икаруса» было отчетливо видно, как по взлетной полосе, набирая скорость, скользит серая акуля туша — самолет с двумя широкими килями на хвосте.

— Вот он, «Антей»! — волнуясь, закричал мой попутчик и даже приподнялся со своего кресла, чтобы получше разглядеть машину. — Это наш багаж пошел на Самотлор...

Гром четырех турбин долетел до нас, когда после короткой пробежки «Антей» оторвался от земли и неправдоподобно медленно поплыл вверх. В эту минуту он стал похож на толстяка, который, казалось, всем на потеху рискнул пуститься в вальс и вдруг обнаружил качества великолепного танцора. Поблескивающие плавники вывели его курсом на север, и вскоре гигант растворился в синеве.

По торжественной плавности траектории полета чувствовалось, что АН-22 в своем брюхе уносил не меньше полусотни тонн груза. Впрочем, попутчик мой — это был молодой рабочий-слесарь из объединения «Сибкомплемонтаж» — не оговорился. То, что вез «Антей», с гораздо большим основанием следовало называть багажом, нежели грузом. Багаж представлял собой аккумуляторные «кубики» — блоки, начиненные оборудованием и аппаратурой, а также тщательно упакованные пачки стальных заготовок, из которых монтажная бригада, вылетающая следом, должна была там, на Самотлоре, собрать и включить в работу промышленную установку. Такие рейсы совершались большими самолетами на Медвежье, Уренгой, на другие газовые и нефтяные месторождения Тюменского Севера.

В зале аэропорта, потолкавшись среди командированных пассажиров, я услышал: каким бы маршрутом ни следовал груз подобного рода, летел ли по воздуху, плыл ли таежными фарватерами на баржах, катился ли по рельсам железной дороги Тюмень — Сургут, или тащился на стальных полозьях волоком за тракторами по тундре, «кубики» — блокам всюду была открыта «зеленая улица».

Чем же «багаж» слесарей завоевал столь необыкновенную для Сибири привилегию?

...Рождение нового метода продиктовано было стечением довольно-таки суровых обстоятельств. Герои «блочного переворота» и сейчас молоды, а тогда, у истоков дела, они были комсомольцами. И на комсомольском энтузиазме, по сути, поднялся и окреп новый метод. История эта происходила в середине 60-х годов, когда страна приступила к освоению нефтяных и газовых месторождений Западной Сибири.

Вы помните, конечно, то горячее, исключительно трудное для сибиряков время. Все газеты печатали фотографии первых нефтяных фонтанов, а рядом — портреты первопроходцев: Эрвье, Салманова, Ровнина, Подшибякина — геологов, буровиков, речных лодманов, укротителя огненных смерчей Григорьева, бесстрашного пилота Хохлова, богатыря-лесоруба Коурова... На помощь тюменцам спешили тысячи добровольцев. Этому, второму, шлоному предстояло решить задачу не меньшей сложности. Если для открытия месторождений достаточно усилий мобильных отрядов исследователей, то для того, чтобы превратить Тюменскую область в крупнейшую топливно-сырьевую базу страны, нужно было в болотистой тайге и тундре строить и строить... Государство щедро выделило сред-

ства, новую технику, материалы. Но вот что происходило на практике. Например, требовалось построить дожимную насосную станцию на магистральном трубопроводе.

Первым делом в глухомань, в точку, обозначенную крестиком на карте, вертолетами или катерами по речкам забрасывали десант. Его задача была — закрепиться самому на площадке и начать строить поселок: жилые дома, баню, столовую. Затем подбрасывали подкрепления, чтобы помогли возводить пекарню, магазин, склад, гараж, ремонтную мастерскую, временную котельную и электростанцию. Как только поселок разрастался, приезжали каменщики, бетонщики, кровельщики, которым предстояло возвести здание насосной. У многих семьи. Их надо кормить, поить, лечить, учить. Старших детей отдавали в интернат, для младших строили школу. Зуб выдернуть — надо лететь вертолетом за триста верст... Подсчитали экономисты: один строит насосную, а еще семеро его обслуживают, передавая по цепочке тот «кирпичик», который он уложит на место.

По немыслимо тяжелым тюменским трассам подвозили почту, продукты, всякий другой товар для жителей поселка. Везли также цемент, кирпич, стекло и прочие строительные материалы. Постепенно поднимался главный объект — здание насосной. Затем начинало поступать оборудование. Приезжали монтажники, сварщики, наладчики устанавливать агрегаты. И нередко, бывало, хватятся — нет какой-нибудь детали (слоmaları или потеряли в дороге), все дело стопорится. Заводы-изготовители разбросаны по городам, областям и республикам. Пойди докричиси до них отсюда, из таежного урмана...

Но вот трудности позади. Года три прошло с момента, когда высадился первый десант. Наступает торжественная минута — насосную станцию сдают в эксплуатацию. Любо взглянуть на соору-

жение: мощные агрегаты выстроились в линию. Для присмотра за их работой нужны только дежурные — всего несколько человек. И в праздничный день пуска люди оглядываются с печалью: какой большой поселок разросся вокруг, сколько труда, причем главным образом труда ручного, в него вложено. Все это будет брошено, снесено и в какой-нибудь безветренный день сожжено как огнеопасный мусор, потому что нечего теперь делать людям среди этих болот. Где-то в другом месте, отмеченном на карте, надо высаживать десант, начинать сооружение новой станции. А что сделаешь — стране нужна нефть!. Казалось, иного выхода нет.

Немного легче было и в нефтяной столице, в Тюмени. Там тоже почти все приходилось начинать с нуля. Построили, скажем, новый дом, подключили его к городским инженерным сетям, проложенным еще до революции, чуть-чуть повысили давление — старые трубы лопнули, и целый квартал остался без воды. Наверное, самым отстающим в области было специализированное управление по сантехническим работам — СУ-19. Его незадачливая контора помещалась в Тюмени, в дряхлой избушке неподалеку от городской свалки.

Не было совещания, на котором не ругали бы СУ-19 за плохое качество работы, за отсутствие дисциплины и порядка, за случаи пьянства и за другие тяжкие: И как-то так вышло, что чем больше критиковали СУ-19, тем меньше получалось толку. Словно кожа на его работниках сделалась дубленая. Управление не столько строило новое, сколько устраняло старые свои огрехи. Разумеется, ни о каких поощрениях — моральных или материальных — и речи быть не могло. Все там было запутано, запущено и двигалось через пень-колоду. Даже угроза применения высшей административной меры наказания — увольнения с работы — никого не пугала, потому что с кадрами было очень трудно. Уважающий себя рабочий

чего класса состоит в том, чтобы повысить производительность труда, обобщить производство на деле. И вот именно на деле и взялись за выполнение этой важной задачи, от которой во многом зависело, быть или не быть республике, рабочие нашего завода. Были определены принципы, по которым мы живем и по сей день. Сформулированы обязанности и закреплены права...

П. КОЗИН. К слову, о правах... Согласись, для тебя и твоих товарищей многие из них стали привычными, само собой разумеющимися. Едва переступил подросток порог проходной, как перед ним чуть ли не ковровую дорожку расстилают, приставляют наставника, проводят беседы, обучают профессии. Не выполнил план, так бедного мастера склоняют и на цеховом комитете, и в общественном отделе кадров, и в совете наставников. А как было у наших дедов?

В те далекие годы нелегко было устроиться на

завод, а уж получить профессию вообще считалось пределом мечтаний. Говаривали тогда: «Въехал в завод на поросенке». Это значит — надо было мастеру подарить поросенка, чтобы тебя приняли в цех хотя бы мальчиком. Чуть что — проваливай за ворота. Я как-то «копал» старые документы. Верить, мороз по коже шел... Около двадцати рублей получал в среднем в месяц рабочий Брянского завода до революции. Зато доходы акционеров все росли. Рабочим же то и дело резали паек, да и тот стали выдавать такими «продуктами», что их и продовольствием-то грешно было называть...

Вот и бунтовали заводские. Да еще как! И забастовки объявляли и на демонстрации выходили, под пули жандармские. В апреле 1913 года, как раз в годовщину Ленского расстрела, «Правда» подробно рассказывала о крупной забастовке на Брянском заводе: «...Рабочие в количестве 10000 человек присоединяются к рабочим Петербурга и других городов и вместе

с ними требуют человеческих прав для всех граждан России...»

Если говорить о трудовой дисциплине, то в старые времена она держалась в основном на страхе: как бы не выгнали, не оштрафовали и так далее. Такой порядок должен был разъединять людей, замыкать каждого в своих личных интересах.

Мы же воспитываем сознательную дисциплину. Надо не только создавать хорошие условия труда, но и требовать от ребят гражданской сознательности.

А. РЯЗАНЦЕВ. Вашу бригаду слесарей называют «козинским университетом». Из этого университета вышли десятки хороших специалистов, многие стали руководителями, инженерами, технологами. Почему в вашей бригаде никогда не бывает нарушений дисциплины, работае всегда с большим опережением графика, а качество продукции самое высокое? Может, просто везет на ребят?

ГДЕ СТОЯЛИ ПЕРВЫЕ ПАЛАТКИ.

ЧЕЛОВЕК ПРОХОДИТ КАК ХОЗЯИН...

концами. Прибыли пока не было, но и убытков СУ не наносило, и эта боевая «ничья» воспринималась как первая победа.

Пристально приглядывался к сантехникам Баталин. И, как водится, повышенное внимание руководства не сулило работникам СУ-19 спокойной жизни. Дело в том, что Баталин имел тут свой особый интерес. Ему нужна была база для работы с металлом. В новом главке такой базой обладало только СУ-19. К тому же, как инженер, Юрий Петрович чувствовал, что в этой прозаической службе заложен наибольший резерв модернизации. Именно сантехники проявляли наибольшее стремление к унификации узлов при монтажных работах.

Наконец, Баталин решил, что пришла пора осуществления заветной мечты, которая давно уже не давала ему спать по ночам. Он приехал в комсомольско-молодежное СУ и сказал Шаповалову, что есть у него один заманчивый, но рискованный план...

Суть идеи, которую предложил инженер Баталин комсомольцам управления СУ-19, была проста и не нова. Она состояла в том, чтобы при сооружении разного рода объектов на таежных месторождениях применять блочно-комплектные устройства. То есть максимум работы производить в благоприятных заводских условиях, а в тайге — никакого строительства, только монтаж. Такой строительный прием в общем-то известен давно, и читатель наверняка подыщет куда более древний пример, нежели тот, с которого ведут свою «родословную» тюменские строители промыслов.

— Это было при царе Иване Четвертом, незадолго до похода Ермака за Урал, — рассказывает один из ветеранов сибирской нефтяной эпопеи Николай Викторович Дьяченко. — После нескольких безуспешных попыток овладеть Казанью россияне решили применить блочно-комплектный метод.

...Нет, речь шла не о штурмовых башнях или каких-либо стенобитных орудиях — это все мелочи. Самое трудное было — выстоять в степи против налетов лихой татарской конницы. Для серьезной борьбы с Казанским ханством понадобились точки опоры — крепости. Но как их построишь под непрерывными атаками быстрых, маневренных отрядов?

То есть, выражаясь изящным языком современных плановиков, требовалось осуществить большой объем капитальных работ в крайне сжатые сроки. И, надо еще заметить, проектировщикам и строителям середины XVI века приходилось отнюдь не легче, чем их потомкам. Основная масса проектно-сметной документации и рабочих чертежей должна была совершенно необъяснимым образом уместиться в голове. Главный заказчик (по прозвищу Грозный) на доклады о «недовведенных объектах» реагировал весьма и весьма своеобразно. А уж про диких кочевников и говорить нечего. За «отдельные недостатки» в строительстве укреплений они мало того, что кожу сдерут, так еще и солью помажут...

С учетом всех этих неблагоприятных факторов был разработан хитроумный план, ответственность за реализацию которого благородные князья дружно свалили на дьяка Выродкова. В тихой вотчине бояр Ушатых близ Углича всю зиму стучали топоры. Под руководством смышленного «прораба» — дьяка в лесу строился деревянный город — с крепостной стеной, башнями, домами, церковью... Затем бревна тщательно омаркировали, город разобрали, связали в плоты, и ранней весной 1551 года вниз по матушке по Волге они приплыли чуть не под самую Казань. Там быстро — в четыре недели — из привезенных заготовок собрали город, названный Свяжском. Уже в апреле объект вступил в строй: «блочная» крепость была готова встретить конницу пушечным огнем всех своих башен.

А вот другой факт, уже из новейшей истории. Не кто иной, как нефтяники Татарии первыми в нашей стране при освоении месторождений начали широ-

или специалист в такой позорной контроле и месяца не выдержит. Кому же понравится быть героем карикатур, посмешищем города и при всем том получать едва ли не меньше всех?! Так или иначе — управление ежегодно приносило убытка на 100—150 тысяч рублей.

Вот в эту «яму» и «толкнули» одного из приезжих комсомольцев-энтузиастов — Игоря Шаповалова. Правда, кроме энтузиазма, у него был опыт руководства студенческими строительными отрядами в Ташкенте и на казахстанской целине, а также практика организаторской работы в комсомоле.

Можно как угодно трактовать роль личности в истории, но именно с момента, когда Игорь Шаповалов, а вслед за ним (не без его содействия) в эту «яму» попали Владимир Жевтун и еще несколько других энергичных, толковых специалистов, начался подъем, а затем и подлинный переворот в сантехнике. Свой принцип подбора кадров Шаповалов объяснял так: «Надо стараться брать в помощники людей самостоятельных, и желательно, чтобы были умней тебя, иначе вопросы решать некому. Если будешь диктовать, а они станут в рот тебе глядеть — дело не сдвинется...»

Шаповалов на одном из собраний призвал поднять СУ-19 с помощью трех «домкратов»: качество работы, культура производства, профессиональная гордость. В изруганном, безнадежно отстающем учреждении неожиданно прозвучали слова о том, что не кто иной, как сантехник, предназначен нести культуру в строительное производство,

что слесарь-сантехник должен стать на голову выше всех остальных строительных профессий, поскольку он обеспечивает инженерное обеспечение зданий.

— Цель у всех тюменцев одна — создание крупнейшей топливной базы, — говорил Шаповалов. — Так почему же мы, сантехники, не можем встать в один ряд с героями-геологами, рекордсменами-буровиками, пилотами-асами? Разве наш труд менее важен для освоения Севера? Разве хорошие условия жизни и быта не основа для закрепления кадров?

Одни посмеивались над «сантехническим экстремизмом» Шаповалова, другие пожимали плечами: пусть хоть на голову становятся, лишь бы дело свое наладили — надоела безобразная работа водоснабжения и отопления, третьи стали союзниками. Мощную поддержку оказали тогдашние главный инженер «Тюменьнефтегазстрой» Юрий Петрович Баталин и секретарь обкома комсомола Геннадий Шмаль.

Постепенно в СУ-19 сколачивалось крепкое ядро энтузиастов.

Сейчас они с улыбкой вспоминают, как в спорах рождались афоризмы типа: «Покажи мне свой санблок, и я скажу, в каком веке ты живешь». В конце концов с помощью обкома комсомола и штаба ЦК ВЛКСМ по шефству над Тюменской областью организация обновилась и омолодилась настолько, что было решено СУ-19 именовать комсомольско-молодежным.

Медленно, но верно коллектив выдвигался из прорыва. Настал день, когда впервые у бухгалтеров сошлись концы с

П. КОЗИН. Как-то меня на работе упрекнули: «Ну и даешь ты, Козин! Сам академик сборки шатунов, а взялся опиливать заусенцы. Пацанам вручил шаберы, доверил точную работу. Шатун дизеля—это же не болт какой-то, сотки надо ловить, не выдержал точность, и все пропало». Да, я доверил работу ребятам точную и ответственную, сам переживал, как бы чего не вышло. Но тут, видишь, гвоздь-то в чем... Кто их научит точности, кроме меня? И еще. Как гордится парнишка, осилив сложную работу! Он на седьмом небе от счастья. Доверие—большая сила.

В своей бригаде мы требуем, чтобы все учились: в школах, техникумах, институтах. Иной бригадир, например, отмахивается от ребят, которые учатся: дни свободные им подавай, отпуск только в летнее время и прочее. Мы же уговариваем учиться. Знания—они всегда на пользу бригаде. А выучился—в добрый путь! От людей зависят и производительность и качество труда... Володя Приходкин, Анатолий Иванович Кривошеев... Я мог бы назвать немало выходцев из нашей бригады—сегодняшних руководителей производства.

А. РЯЗАНЦЕВ. В заводском музее я читал один интересный документ... Ваше заявление. «Член нашей бригады тов. Усок А. находится в больнице в очень тяжелом состоянии (не работают руки и ноги). Учитывая его тяжелое семейное положение, бригада

решила работать за члена бригады тов. Уска А. (табель № 201), начислять ему зарплату согласно его разряду до его выздоровления».

Вот уже 14 лет каждый член бригады работает не только за себя, но и за Анатолия. Два раза в месяц кассир приносит ему домой зарплату...

П. КОЗИН. Случай с Анатолием особый. В один из летних дней он неудачно нырнул с обрыва Десны. Повредил позвоночник, отказали руки и ноги. У него была одна мать, и мы переживали несчастье это вместе с нею. Сами ребята предложили взять шефство над Анатолием. Нелегкое это было дело. Ни в одном предписании нет такого, чтобы человек, не работая, получал деньги. Но ведь есть еще законы рабочего товарищества... Ребята возили Толю в московскую клинику, возили на юг... Приходят и уходят из бригады ребята, служат в армии, оканчивают институты, а домик на улице Пролетарской дивизи для них—дом друга. Дом бригады, где мы часто собираемся... Считаю, что шефство над Анатолием каждого в бригаде подняло еще на какую-то важную ступень выше в смысле человечности.

А. РЯЗАНЦЕВ. Хорошо знаю об этой истории, но и сейчас, думая о ней, не могу сдержать волнения... Молодцы ребята! Этот случай—пример поистине советского отношения к судьбе товарища. Впрочем, такое ведь у нас в крови. Помните о почине токаря

Павла Павловича Штепы? В свои обязательства на первый год пятилетки он записал: «Обязуюсь взять шефство над десятью молодыми рабочими, не выполняющими задания, и добиться, чтобы они не были отстающими». Дал слово и выполнил. А его почин подхватили сотни рабочих.

П. КОЗИН. Павел Павлович—кадровый рабочий. А хотелось бы, чтобы у истоков добрых дел стояло больше комсомольцев. Резервы молодежной инициативы, можно сказать, необъятны.

А. РЯЗАНЦЕВ. Молод—это у нас на заводе не означает зелен. Мы брали шефство над досрочным и высококачественным изготовлением тепловозов для БАМа. Постоянно держим под контролем подготовку к аттестации на Знак качества каждого нового вида продукции. Расскажу лишь об одной из 22 комсомольско-молодежных бригад—бригаде Сергея Корнюшина. Работают парни в автоматнo-револьверном цехе. Как работают? На 109 дней раньше срока закончили они производственное задание первого года пятилетки. Корнюшинцы подали 7 рационализаторских предложений, эффект от внедрения—более 2 тысяч рублей. Все пятеро членов бригады учатся.

А ведь, между прочим, Сергей мог бы спокойно работать один, значительно перевыполнять производственное задание, прилично зарабатывать и ходить в цехе, как говорится, в числе «корифеев». Но

АДРЕСА КОМСОМОЛИИ.

ДЛЯ МАЛЕНЬКИХ СИБИРЯКОВ—ГОРОД В ГОРОДЕ.

ко применять блоки и заготовки. Их опыт был одобрен и рекомендован для внедрения в других нефтяных районах. Однако в этих конструкциях использовались железобетонные основания, которые настолько утяжеляли блоки, что для тюменского бездорожья совершенно не годились.

Многие специалисты считали, что для севера Западной Сибири, где золота бездонны, где снег лежит по 220 дней в году, мороз достигает минус 56 градусов, а ветер—40 метров в секунду, блочный метод не обеспечит надежности, и надо не мудрить, а действовать по самому простому способу, по принципу «хоть тяжела дорога, да ежена»... Однако Юрий Петрович Баталин—главный инженер «Тюменьнефтегазстрой»—убежден был, что возможно и необходимо найти на основе блочного принципа особый тюменский вариант.

Прежде всего нужно решить ряд инженерных проблем. Главная трудность заключалась в том, что время выдалось не подходящее для проектирования, обоснования, согласования. Все ресурсы Тюменской области—и людские и материальные—были уже введены в битву за нефть, и сил для операции стратегического масштаба, а тем более с предварительным промышленным экспериментом, не оставалось. Значит, рассчитывать можно было на некую нематериальную силу, называемую энтузиазмом. Да, именно на энтузиазм и делал ставку Баталин—этот опытный инженер и трезвый производственник.

Когда Юрий Петрович ехал в комсо-

мольско-молодежное СУ-19, он отчетливо понимал, в какую трудную и рискованную игру вступает сам и вовлекает за собой Игоря Шаповалова, других молодых специалистов, едва успевших вытаскивать из прорыва организацию. Чем в случае провала это грозит для него лично, Баталин не думал: дело стоило того, чтобы поставить на карту свою служебную карьеру. Рано или поздно блочный метод получит признание и даст огромное облегчение многим тысячам строителей и, может даже статься, произведет настоящую революцию в освоении Севера. Но молодых инженеров неудача в самом начале пути может надолго обескуражить, внушить неуверенность в своих силах.

Комсомольцы согласились на эксперимент не то что без колебаний, а с истинным вдохновением, как будто только ждали сигнала. И с того момента внутри «Тюменьнефтегазстрой», работающего по традиционной методике, начала формироваться особая система, «завод—строитель», своего рода организация в организации—со своей принципиально новой технологией, структурой управления, снабжения и т. п.

Как и предполагал Баталин, особенной помощи со стороны производственных организаций получить не удалось. Всем было тяжело, и к кому бы ни обращались, ответ одинаков: «У нас люди в тайге, а вы тут со своими экспериментами...» Молодые инженеры сами разрабатывали конструкции и чертежи первых установок. Зачастую сидели ночами над расчетами. Областная

комсомольская организация восприняла новое дело со всей душой, видя в нем будущее северных строек. Геннадий Шмаль из свежего комсомольского пополнения послал к Баталину и Шаповалову самых толковых молодых рабочих, техников, инженеров.

Однако на общественных началах можно было работать лишь первое время. Когда началось воплощение идей, когда по самодельным, не утвержденным в соответствующих инстанциях чертежам стали резать государственный металл, предназначавшийся на другие нужды, перекраивать оборудование, тратить энергию и прочие фонды, у самых смелых появилась бессонница. Если бы в этот период прокурор заглянул в дела СУ-19, он был бы обязан отправить на скамью подсудимых все производство за грубейшие нарушения производственно-финансового порядка. Хоть никто не взял для себя и иголки, а служебное преступление налицо. Что, если в расчетах ошибка?! Так и виделись бессонными ночами ржавеющие неудачные блоки, слышался голос прокурора: «Кто дал право честолюбцам по своему разумению губить государственное имущество? Сумма ущерба, нанесенного народу вашими безграмотными проектами, составляет...» Да, сумма потрачена была уже немалая.

В пасмурный осенний день первый насосный блок повезли на испытание. Они проходили на озере близ Тюмени. Все волновались: будет ли вибрация, ведь тяжелые насосы крепились не на бетоне, а на легком металлическом

каркасе. Поставили ведро, до краев наполненное водой, и включили агрегаты. Вода не зарыбила! Все точно рассчитали молодые инженеры. Сразу отлегло от сердца, и смелее пошла работа.

Когда семь «домиков»—блоков первой кустовой насосной станции были готовы, в Тюмень приехал председатель Госплана СССР Н. К. Байбаков. Баталин показал ему блоки. Николай Константинович внимательно их осмотрел, расспросил о результатах испытаний и поздравил тюменцев от души. Как бывший нефтяник, он сразу оценил, что означает для будущего такая удача, и все хвалил: «Молодцы! Молодцы...» Но тут же заметил, что «молодцы» как-то странно переглядываются.

«В чем дело?»—спросил Байбаков. Ему показали бумаги. «Как, этот завод существует подпольно?!»

«В общем... да. Все, что вы видите вокруг, не существует. Ни финансирования, ни материально-технического снабжения, ни фонда заработной платы—ничего нет!»

Байбаков остановился и внимательно посмотрел в глаза Баталину. Молодые инженеры тесной толпой стояли вокруг и улыбались. На их лицах было ясно написано: «Победителей не судят...».

Вскоре этот случай стал предметом обсуждения в Совете Министров СССР. Деятельность СУ-19 была узаконена. Затем пришел приказ об образовании комсомольско-молодежного треста, которому вменялось в обязанность строить блоки, отпускать большие средства на создание базы, на разработку

Корнюшин рассуждал иначе. И думал в первую очередь не о себе, а о том, чтобы товарищам было лучше, чтобы цеху польза была.

С ним интересно разговаривать, с Сергеем. Он и говорит — обдумывает и работает — обдумывает. Если бы все у нас относилось к делу так, как бригада Сергея, мы, наверно, давно бы позабыли, что означают слова «прогульщик», «сачок», «выпивоха».

В день коммунистического субботника произошел такой случай. Бригада взялась изготовить специаль-

ные гайки для маслопровода дизеля. Деталь была сложная... На обычном токарном станке хороший станочник в смену делал 30 штук и ровно столько же выбрасывал: трудно выдержать параллельность торцов. Отклонение не должно превышать пять сотых миллиметра. А что, если применить новую оправку? Попробовали. Не получается. Вот здесь-то и помогли как техническая эрудированность бригадира, так и умение мыслить сообща. Гайки «пошли» — 400 штук в смену с одного станка!

П. КОЗИН. По-моему, ребята Корнюшина первыми среди молодежи на заводе рапортовали о выполнении задания двух лет. Справились с обязательствами не в сентябре, а в июле. Так ведь?

А. РЯЗАНЦЕВ. Именно так... Или еще пример... В дизельно-механическом цехе № 3 работает технолог Володя Анисимов. В 1970 году он был простым токарем. Впрочем, не простым — лучшим токарем министерства. Слава, зарплата высокая, орден Тру-

БУРИЛЬЩИКИ САМОТЛОРА.

РАБОЧАЯ ПРОФЕССИЯ ВЕРТОЛЕТА.

насосных, котельных, электростанций в блочном варианте. Из Новосибирска в Тюмень к «блочникам» прилетел молодой академик А. Г. Аганбегян с советом и помощью. За несколько лет (до 1974 года) этот трест создал 227 объектов в блочном исполнении. Экономия была оценена в 50 миллионов рублей. Причем цифра учитывает лишь экономию первого порядка, то есть не берется во внимание эффект, который получает народное хозяйство от ускорения ввода объектов в действие. Ускорение такое: в 5, 15, 30 раз! А Шаповалов все был не удовлетворен: идея не завершена, большие потери на стыках: «Производство должно быть, как часы. Мы уже сейчас могли бы работать так: от телефонного звонка до слова «Пуск!» — 35—40 дней»...

И вот еще какие наметились перемены. Раньше 80 процентов работников треста жили в тайге, а 20 — в областном центре. Теперь картина обратная: 25 процентов людей в тайге, а 75 в городах. Текущая кадровая резка пошла на убыль, хотя в городе человек получает примерно в 2—3 раза меньше зарплату, чем в тайге. Производительность труда выросла в десятки раз.

«На интересное дело всегда идут интересные люди», — любит говорить Шаповалов. Организация быстро росла, крепла и скоро переросла старые рамки. В 1974 году на базе комсомольско-молодежного треста было создано экспериментальное строительно-монтажное объединение «Сибкомплемонтаж». Его генеральным директором был назначен молодой инженер Юрий Пермикин — из тех первых комсомольцев, которые поднимали блочный метод. В частности, Пермикин делал расчеты каркасов — оснований нового типа. Начальником отдела перспективных разработок назначили Александра Корнеева — тоже бывшего комсомольца из ССО. Баталин стал заместителем министра, Шмаль — вторым секретарем обкома партии...

А что же Шаповалов? Его опять «толкнули в яму». Был в области трест по строительству жилья — один из самых отстающих, который выполнял план в лучшем случае процентов на тридцать. А жилье для Тюменской области сейчас — проблема из проблем. Дали этому тресту громкое название — объединение «Сибжилстрой» и нового начальника — Шаповалова.

...И вот опять поездка в Тюмень. Спешу к Шаповалову. Уже в вестибюле стало понятно: «Сибжилстрой» — организация солидная. Нет, там не было никаких помпезных украшений или дорогой мебели — все строго, лаконично, но присутствовал в интерьере хороший художественный вкус — явно специалисты поработали. Даже листки на доске объявлений прикреплены композиционно продуманно. Среди обычной информации вдруг — приглашение на семинар. Тема: «Психология общения»...

В кабинете Игоря Александровича было шумно. Обсуждались итоги последнего этапа соревнования сантехников. Из разных районов Тюменской области съехались лучшие бригады. К этому времени была подготовлена пятиэтажная коробка нового дома в Тюмени.

Бригадам предстояло проложить водопровод и канализацию — самое капитальное дело, которое занимает обычно месяц, а то и больше. Каждой бригаде выделили свой подъезд. Условия поставили строгие: готовиться можно как угодно, но на площадке можно действовать только 8 часов и ни минутой больше. Комиссия оценивала ре-

зультаты сурово: «отлично» или «плохо» — никаких промежуточных.

Итог такой: последняя бригада ушла, закончив всю работу на третий день. Шаповалов остался доволен больше всего не рекордом победителей, а тем, что соревнование показало, как важно хорошо подготовиться — тогда труд в удовольствие. Все тот же принцип — максимум делать на заводе, на конвейере, а на объекте — только монтаж.

В кабинете начальника объединения горячо спорили инженеры. Сам же Шаповалов молча прислушивался, и я подумал: «Ну, что ж, «блочная революция» победила, теперь остается только совершенствовать, отлаживать в производстве найденные решения. Да и комсомольский возраст позади. Пора и Шаповалову работать спокойно, вести себя солидно...» И ошибся.

После совещания Игорь Александрович повел меня на свою производственную базу. Но он не останавливался у поточных линий, а все спешил куда-то. В одном из корпусов был отгорожен угол. В этом закутке за железной дверью работала небольшая группа. Среди них — участник создания ставшей те-

догового Красного Знамени... Что еще желать? А он взял и пожелал создать бригаду из не выполняющих нормы.

Не советовали кадровые:

— На пацанов будешь работать!

Не соглашалась администрация:

— Бригады ведь создаются по производственному принципу (слесари, кузнецы), а у вас...

И все же Володя «пробил» бригаду. И бывшие пэтзушники, которые не имели постоянных рабочих мест и оснастки толковой, стали бить рекорды...

П. КОЗИН. Рекорды, безусловно, нужны. Не нужна рекордомания. Поясню, о чем я... Вот электросварщик Юрий Леонидович Королев. Он первым закончил девятую пятилетку—за 3 года и 3 месяца. Это рекорд. И сам он признавался, что хотел рекорда. Но... в десятой пятилетке ушел в отстающий цех, в отстающую бригаду и сделал ее передовой. Таких людей нельзя не уважать, даже если они не числятся в «рекордсменах».

А. РЯЗАНЦЕВ. Согласен с вами. Не так давно схватился я с одним своим приятелем. Может, тогда я посчитал стычку нашу «боем местного значения», но теперь, когда оглядываюсь на нее через какое-то время, вижу: нешуточное дело, принципиальное. С

парнем этим мы в прошлой пятилетке соревновались. Соревничество было азартным и здорово помогло нам обоим: первыми из молодых мы выполнили пятилетние задания. Тоже вроде рекорды... Потом вдруг слышу: товарищ мой объявил войну нормировщикам. Как? Что? Зачем? Я к нему.

— Я собрался выполнить десятую пятилетку еще раньше, чем прошлую. А для этого надо ввести новые нормы...

В общем, в орбиту разбирательства были втянуты даже директор и партком.

— Погоди,—говорю ему.— Это хорошо, что ты так ратуешь за организацию труда, за упорядочение нормирования, но не слишком ли перегибаешь палку? Разве так можно: «Работать не буду, пока не сделаете все, о чем говорю...»

Однажды цех должен был изготовить срочный заказ, причем очень важный. Я прикинул, что справиться с ним можем быстро. Пошел за деталями к станку приятеля и оторопел: он и не думал работать. Стоит и на корешках наряды подсчитывает—часы и рубли.

— А что?—глянул он на меня абсолютно серьезно.— Мастер нам как-то сказал: считайте ежедневно,—вот я и считаю.

Не помню, что конкретно сказал я тогда этому «радетелю за справедливость», но хорошо помню, что изысканными эти слова не назовешь...

П. КОЗИН. Видишь, он боролся только за себя, а кто только за себя, тот, хочет или не хочет, окажется в конце концов против всех...

А. РЯЗАНЦЕВ. Самое главное, чтобы в работе и в жизни неразделимыми были понятия «я» и «мы». Об этом шла речь и в «Брянских правилах». Этой мыслью пронизана вся новая Конституция СССР, в обсуждении проекта которой участвовал весь наш завод.

П. КОЗИН. Верно рассуждаешь. Шестидесят лет, как наши отцы открыли для себя это всемогущее понятие—«мы». Мы—рабочий класс, люди труда. Мы—те, кто брал Зимний, создавал заводы и фабрики в годы довоенных пятилеток, бил фашистов. Мы—те, кто сегодня строит коммунизм. Мы—советский народ, единая семья.

А. РЯЗАНЦЕВ. Могу заверить вас, Петр Петрович, и всех коммунистов старшего поколения: комсомольцы Брянского машиностроительного вместе со своими товарищами во всех уголках великой Советской страны будут бороться за то, чтобы в сознании каждого молодого человека—каждого!—восторжествовало это гордое и доброе «мы».

Диалог записали Виктор КОСТИН и Алексей НОВИЦКИЙ.

НА ТАЕЖНОЙ ТРАССЕ.

СЕВЕРНЫЕ ЭТАЖИ.

перь легендарной первой насосной Николай Михайлович Осипюк. Там испытывалось новое устройство—ванно-душевой комплекс. Идея опять-таки проста: ванную комнату—вместе со стенами, полом, потолком, ванной, умывальником и даже с полочками и ковриками—печатать, как пряник, из стеклопластика. Чтобы два удара пресса—и ванная комната готова. Трудозатраты снизятся раз в 20, снижение веса тоже примерно раз в 20, экономится металл, а главное—чисто, аккуратно, никаких потеков—плещись, сколько угодно, сосед не прибежит с жалобой.

Конечно, прессов таких у Шаловалова нет (пока), и Осипюк со своими помощниками делает комплексы вручную—наподобие папье-маше, обклеивая и обмазывая стеклопластиком деревянные модели. Но важен принцип—и если удастся доказать перспективность новых устройств... «Тогда дом можно будет привезти в чемодане на Север»,—говорит улыбаясь Шаловалов, но я понимаю, что к шуткам его надо относиться всерьез.

Перед самым отъездом в Москву удалось мне встретиться и с Пермикиным. Юрий Николаевич только что вернулся

из командировки в США. Я думал, он начнет делиться впечатлениями о поездке, но Пермикин сам первый набросился с расспросами: «Что там, в Москве, слышно по поводу строительства дирижаблей?.. Понимаете, мы должны знать точно, когда будут дирижабли. От этого зависит расчет веса и габаритов наших перспективных моделей»...

На стене висели чертежи и схемы новых устройств. Тут были и блок-цех, и блок-жилье, и блок-баня, и блок-пульт, и трехэтажные системы блоков. Рядом—фотографии первенцев. Они, верно, немного похожи на сараи-самоделки и невольно напоминают о том, что еще пять лет назад каждый второй строитель на Севере был плотником. А теперь—поточное машиностроительное предприятие. На таежные промыслы отправляются устройства, выполненные в духе последних тенденций технической эстетики.

Борьба за новый метод не окончена. Еще далеко не исчерпаны его возможности.

...Говорят, что солдатами не рождаются,—генералами, генеральными директорами—тем более и что для гражданского подвига, для открытия нужны соответствующие обстоятельства. Юноши, идущие в ГПТУ, в техникум, в технический вуз, подчас завидуют физикам, летчикам, геологам, хирургам, артистам, людям других «сугубо роман-

тических» профессий. Но вот молодые парни, выбравшие себе, казалось, из всех прозаических самую прозаическую профессию—сантехник,—совершили подлинный переворот в самих принципах строительства на Севере, обогатив и облагородив тяжелый труд тысяч людей. О них спорит пресса, о них говорят в правительстве, по их заказам работают НИИ и КБ, они живут трудной, но счастливой жизнью, исполненной творческого полета.

...правительство Советской республики никогда не упускало из виду, что есть пределы, за которыми даже самые миролюбивые трудящиеся массы будут вынуждены встать и встанут, как один человек, на защиту своей страны вооруженной рукой.

В. И. ЛЕНИН.

Д. ШМАРИНОВ. «В. И. ЛЕНИН НА ПАРАДЕ ВСЕОБУЧА».

Уроки жизни

Г. КОБЛОВ. Садитесь, Сергей, и давайте забудем, что я генерал, пусть даже и в отставке, а вы рядовой. Представьте, что перед вами просто человек, проживший долгую жизнь, а вы в нее только вступаете, тогда и разговор у нас пойдет интереснее. Тем более что общего у нас с вами немало, ведь судьба наша по большому счету началась с одного рубежа, одинаково дорогого и мне и вам, священного для миллионов других людей, верно?

С. МАЛАШКЕВИЧ. Верно, товарищ генерал... Простите, Григорий Петрович. Знаете, как-то непривычно обращаться к человеку, носящему погоны, просто по имени...

С. КОБЛОВ. В таком случае считайте, что это мой приказ.

С. МАЛАШКЕВИЧ. Есть, Григорий Петрович... Помню, как однажды, выступая перед нами — тогда совсем молодыми солдатами, вы сказали, что каждый человек сам выбирает себе судьбу. Так вот, мог ли я предполагать, что мне когда-нибудь доверят пост № 1! Ведь ничего необыкновенного в моей доармейской биографии не было, все, как у других, — школа, техникум, потом вот служба.

Г. КОБЛОВ. Когда я это говорил, то имел в виду не место нашей работы или службы, военный человек их, конечно же, не выбирает, а те нравственные принципы, которыми мы вообще руководствуемся в жизни.

Одни, следуя этим принципам, честно выполняют свой гражданский долг перед страной, не ищут личных выгод, не бегают от тяжелой работы, а в трудный для Родины час первыми встают на ее защиту. А кто-то, к примеру, живет приспособленцем. Так вот, избрав для себя первое, вы избрали тем самым судьбу не просто трудную, но и счастливую, потому что это судьба патриота, человека высокой идеи. Служба в Кремле — дело не только почетное, но и очень ответственное. Но если вам поручили охранять Мавзолей Ильича, значит, вам доверяют, Сережа. Ведь вы — наши преемники, наша надежда,

АТАКУЮЩИЕ С МОРЯ

Владислав ЯНЕЛИС.
Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ.
Специальные корреспонденты «Смены».

Григорий Петрович КОБЛОВ,
генерал-майор в отставке,
первый часовой поста № 1.

Сергей МАЛАШКЕВИЧ,
рядовой.

ПОСТ №1

плоть от плоти нашей. Это только вам кажется, что не было случая проверить вашу гражданственность, был, иначе страна не оказалась бы вам столь высокого доверия.

С. МАЛАШКЕВИЧ. Все равно начало наших биографий не поставишь рядом с вашей юностью. То, что нам кажется важным в них, вам покажется наверняка не очень значительным.

Г. КОБЛОВ. Например?

С. МАЛАШКЕВИЧ. До армии я учился в Минском автомеханическом техникуме. Один раз в неделю наша группа после занятий шла в цеха автозавода и

работала на различных участках. Это было по инициативе комсомола и вне всякой учебной программы. По подсчетам экономистов, только одна наша группа «делала» ежегодно 2—3 мощные машины, если суммировать количество нашего труда. Мы просили отправлять их в зону Нечерноземья, так сказать, сверх плановых поставок. И их действительно отправляли. Мы проверили специально...

Г. КОБЛОВ. Почему же вы считаете, что это покажется мне незначительным? По-моему, то, что вы делали,—прекрасно. Нечерноземью нужны машины, и вы стремились помочь в меру своих сил решению государственной задачи. В этом проявился ваш патриотизм, нравственная зрелость.

С. МАЛАШКЕВИЧ. Но разве сравнишь это с тем, что делали для страны вы в своей юности.

Г. КОБЛОВ. Зачем сравнивать? Тогда было иное время. Задача, стоявшая перед нами, была — защитить завоевания Октябрьской революции. Патриотизм каждого мерялся степенью его участия в борьбе с врагами. С тех пор прошло почти шесть десятилетий. Изменилось время — изменились задачи. Но мерой патриотизма осталось участие каждого из нас в решении проблем, которые партия считает первоочередными. Развитие Нечерноземья — именно такая... Но задачи могут меняться. Не хочу об этом говорить, но ведь если Родина окажется перед лицом военных испытаний, место каждого патриота опять будет в строю.

С. МАЛАШКЕВИЧ. И все-таки вам повезло, Григорий Петрович. Вы прошли гражданскую войну, сражались на фронтах Великой Отечественной, вы видели Владимира Ильича Ленина, говорили с ним. Вы делали историю, о которой мы знаем только из книг, кинофильмов и от вас, писавших первые страницы нашей советской истории. О такой судьбе можно только мечтать.

Г. КОБЛОВ. Да, мне повезло. Повезло в том, что сражался за Советскую власть, потом охранял ее с оружием в руках и вновь сражался с ее врагами. Да, я был счастлив счастьем солдата и коммуниста, потому что служил Родине. Но не забывайте, Сергей, что в жизни моего поколения были не одни только радости. В боях мы теряли товарищей, близких, теряли учителей, а потом — учеников. Но ни одно горе, пережитое нами, не сравнится с тем, что испытали мы в январе 1924 года, когда не стало Владимира Ильича Ленина. До сих пор я спрашиваю себя: «Почему ушел из жизни он, почему не кто-нибудь другой, не я, наконец?!» Какая это все-таки была чудовищная несправедливость. Мы, видевшие Ильича рядом с собой, жившие его именем, особенно остро чувствовали безвременность его смерти.

Мне и моему товарищу, курсанту Арсению Кашкину, было доверено сопроводить тело Владимира Ильича к Мавзолею и первыми встать на его охрану. 27 января в 16 часов пост у Мавзолея Ленина стал главным постом в нашей стране. Так вот, я помню, что

Вертолеты шли над самой водой, задрав хвосты и скосив тупые носы вниз, похожие на угрюмых, злобных животных. Казалось, они вынырнули прямо из морской пучины, настолько внезапным было их появление над нами. На самом деле вертолеты, вероятнее всего, стартовали с палубы одного из кораблей, оставшегося где-то сзади, за линией горизонта. Они шли попарно, словно связанные одной упряжкой, а под ними мелко рябила и вихрилась вода, скрученная в круги потоками воздуха от лопастей. Пришло же кому-то в голову сравнить их однажды со стрекозами. Что угодно, только не стрекозы, в особенности эти: достаточно хоть раз увидеть их в боевой работе над полигоном, и навсегда отпадает охота сравнивать их с насекомыми.

В иллюминаторы видны очертания скал, торчащих над водой впереди и слева от корабля. В узких просветах между ними — едва заметная полоска берега. Вокруг нас — небольшие острова и просто нагромождение камней, сплетенных между собой множеством фарватеров, — наше естественное укрытие, наш шанс остаться незамеченными «противником» до назначенного часа.

Последняя пара вертолетов скрывается за грядой. Это «наши», они идут к берегу, жаждущему отсюда абсолютно ровным, дремотно безмятежным и доступным. Но среди тех, кто входит в состав группы гвардии старшего лейтенанта Анатолия Кочешкова, нет ни одного человека, который хоть на мгновение поверил бы в это. Уже только потому, что каждый из них участвовал в учениях и знает, что спокойствие берега — чистейшая иллюзия. Что каждый его квадратный метр — это очаг сопротивления, это мины и огневые точки, рвы и колючая проволока и, наконец, упорство обороняющихся. Берег готов к отпору, так же как морской десант — к броску на него.

Командир десантных судов на воздушной подушке старший лейтенант Роман Погазьяк вот уже час не отрывает рук от штурвала. Сигнал к атаке может последовать в любое мгновение, но дело даже не в этом. Просто Роману спокойнее, если он чувствует что-то под руками, это у него еще детская привычка подавлять волнение.

А вот Кочешков сидит хоть бы что, как у тещи на блинах, только глазами по сторонам крутит. Вцепится взглядом во что-нибудь, подержит-подержит и отпустит. Ему даже слов говорить не надо, ребята его и так понимают. Вот Макренко свой пулемет прислонил было к переборке: все равно, мол, стоим. Кочешков на пулемет глазами — зырк, Макренко сразу обеими руками за ствол. И правильно: морской пехотинец в такие минуты с оружием расставаться не должен, оружие — это часть его самого, «без этой части он так себе, юноша на пляж», — любит говорить Кочешков.

«Что ж, душевное равновесие — вещь хорошая, — думает Погазьяк, — особенно накануне высадки. У этих ребят главное впереди, они еще свое отволнуются. А вот знали бы они, сколько нервов стоил ему, командиру, проход в скалах, где на простой шлюпке-то глаз да глаз нужен, чтобы не воткнуться в камни, а тут суда, да еще такие, как эти! Но у каждого своя работа. Дело Романа — доставить десант на берег, как — другой вопрос, но доставить целым и невредимым. Кочешков и его гвардия верят в него и в его ребят, в их умение, знания, талант, да и нельзя иначе, все они пальцы одного кулака, нацеленного на берег».

Роман почти физически ощущает опасность, подстерегающую их здесь, среди угрюмых, безжалостных скал, издавна именуемых моряками челюстью дьявола. Уже два года он, военный инженер-противоолодчик по специальности, с первого курса училища мечтавший о службе на больших кораблях,

командует судами, конструкция которых абсолютно несхожа с конструкциями всех остальных надводных кораблей. У них совершенно иной принцип хода, иные возможности.

Долгое время Роман, уже давно знавший все, что полагалось знать командиру судна, просто психологически привыкал к их форме, скорости, голосу. Постепенно он понял их, больше того — полюбил именно за их непохожесть на другие, за своеобразную красоту линий, за стремительность. И, как человек, бесконечно дорожащий любимой вещью, он волновался всякий раз, когда его корабль грозила опасность. А скалы и есть та самая опасность. Если замершие среди островов, плоские, обтекаемые суда, сверху чем-то напоминающие огромные крытые надувные лодки, будут обнаружены, прежде чем выйдут отсюда, руководитель учений впряме выведет из боя суда Погазьяка. И тогда будет сорвано многое, потому что корабли на воздушной подушке с группой морской пехоты Кочешкова на борту — один из козырей десанта. А пока основные события происходят не здесь, а где-то левее, за линией горизонта.

Около часа назад, когда на подходе к берегу стало ясно, что десант обнаружен, корабли изменили курс, резко взяв влево. Подразделения перестраивались из походного в боевой порядок напротив узкого залива, на берегу которого как раз и были сосредоточены основные силы противодесантной обороны.

И вот тогда Роман Погазьяк получил приказ оторваться от своих и, прикрывшись дымовой завесой, идти к скалам, спрятаться среди островов и ждать условного сигнала. Получив этот сигнал, суда на воздушной подушке должны стремительно рвануться к берегу и высадить группу Кочешкова на позициях противника сразу за первой линией обороны. Значит, все-таки пункт высадки оставался прежним — квадрат 7, а все, что продельвал сейчас десант, было не более чем маневр. Сложный и рискован-

ный, но только маневр. И смысл его состоял в том, чтобы заставить «противника» стянуть в район залива свои резервы из тыла. Когда это произойдет, группа Кочешкова внезапно броском должна захватить побережье и удерживать его до тех пор, пока подойдут остальные силы десанта, а затем, на уже «наше» побережье, высадятся сухопутные войска. Но до этого еще ох как далеко, далеко не по времени, нет, а по тем громадным усилиям, которые предстоит сделать людям, чтобы берег из «враждебного» стал «своим».

Итак, успех всей операции зависел от того, как справится со своей задачей группа гвардии старшего лейтенанта Анатолия Кочешкова; а еще прежде — командиры судов Романа Погазьяка. А они должны справиться, на то они и морская пехота — войска, чья боевая слава начиналась еще во времена создания регулярного флота Российского, крепла под Чесменом и Корфу, Севастополем и Порт-Артуром, гремела в Великой Отечественной под Ленинградом и Одессой, Керчью и Новороссийском, Москвой и Сталинградом. Морским пехотинцам поручалось то, что казалось подчас неисполнимым. Вспомните героизм матросов батальона морской пехоты под командованием Героя Советского Союза майора Ц. Куникова.

Это было в феврале 1943 года. Ошеломив врага своей дерзостью, 250 морских пехотинцев захватили плацдарм вблизи Новороссийска и удерживали его до подхода основного десанта, несмотря на шквал огня и бесчисленные атаки гитлеровцев. С этого боя начался подвиг Малой земли.

Вспомните героизм бойцов отряда старшего лейтенанта К. Ольшанского. На рассвете 26 марта 1944 года 67 морских пехотинцев на рыбацких лодках высадились в черноморский порт Николаев. Имея почти двадцатикратное превосходство в живой силе, гитлеровцы под прикрытием танков и артиллерии 18

мы с Арсением стояли по стойке «смирно», как этого требовал Устав, и хотя нас предупредили — сдерживайтесь, вы не имеете права на слабость, мы плакали так же, как и все, кто находился в эти минуты на Красной площади. Сдерживаться было выше наших сил.

С. МАЛАШКЕВИЧ. Тогда вы, кремлевцы, дали клятву всегда и во всем быть верными заветам Ленина, его идеалам. Об этом есть запись в нашей комнате «Боевой славы»...

Г. КОБЛОВ. Верно. Но такую клятву дали в январе 1924 года не одни мы, клятву на верность ленинским идеям дала вся страна, все честные люди Земли. С того дня мы сверяли каждый свой поступок в жизни со словами той клятвы. И первой, самой высокой инстанцией, которой мы мысленно докладывали о выполнении очередного поручения партии, был пост № 1. А сейчас мы отмечаем 60-летие Великого Октября. Шесть десятилетий борьбы, работы, дерзаний, побед. И это, на мой взгляд, главное доказательство того, что все мы, советские люди, сдержали слово, которое дали Владимиру Ильичу Ленину.

С. МАЛАШКЕВИЧ. Традиция, заложенная вами в двадцатые годы, — докладывать Владимиру Ильичу Ленину о самых важных свершениях наших — жива и ныне. Причем это происходит не только в торжественные дни, но и в обычные. И мы, часовые Мавзолея, невольные этому свидетели. Мы могли бы рассказать немало о тех, кто приходит к Мавзолею. Разные люди, и одеты они по-разному, и говорят на разных языках. Но они схожи между собой в главном, в той гордости, с которой рапортуют о своих делах. Недавно, в день принятия Конституции СССР на Красной площади собрались москвичи. Люди радовались, поздравляли друг друга с великим праздником. Они несли в руках транспаранты с цифрами их трудовых рапортов, и эти цифры красноречивее любых слов говорили об огромном энтузиазме людей, их гордости за свою страну, принявшую самый гуманный, самый человечный Закон в истории народов. Запомнилось мне и еще несколько случаев...

Г. КОБЛОВ. Интересно, расскажите.

С. МАЛАШКЕВИЧ. Однажды к Мавзолею пришли три военных летчика: капитан и два старших лейтенанта. Капитан слегка прихрамывал. У всех троих на кителях блестели ордена Красной Звезды, совсем еще новые. Они стали по стойке «смирно», приложили руки к козырькам и стояли так минуты две молча, а

потом ушли. Я запомнил их очень хорошо, особенно их лица, сосредоточенные и торжественные...

Г. КОБЛОВ. И вы предположили, что все трое получали в Москве награды за выполнение какого-то трудного задания командования?

С. МАЛАШКЕВИЧ. А почему бы и нет?

Г. КОБЛОВ. Возможно. Ну, а еще?

С. МАЛАШКЕВИЧ. Как-то я заступил на свой пост в пять утра. В это время обычно на Красной площади людей почти нет. Вдруг к Мавзолею колонной подходят человек пятьдесят юношей и девушек в штормовках, в кедах, с рюкзаками. Они построились, и одна девушка, видимо, их комиссар, начинает перечислять все, что их отряд сделал за время трудового семестра: сколько установлено опор, сколько построено домов.

Г. КОБЛОВ. Что ж, они были вправе прийти на Красную площадь со своим рапортом, их трудовой семестр — это их участие в коммунистическом строительстве. Опоры — начало, через несколько лет они придут и доложат о возведенных ими атомных электростанциях или гигантских металлургических комбинатах.

С. МАЛАШКЕВИЧ. Я никогда не забуду 9 мая. У Мавзолея стояли тысячи людей. Большинство из них

были уже пожилые, и, даже не глядя на их ордена, было понятно, что это бывшие солдаты, ветераны. Фронтовики смотрели придирчиво и строго, словно спрашивали, какие вы, ребята, может ли на вас положиться Родина в трудную минуту, о чем вы думаете сейчас?

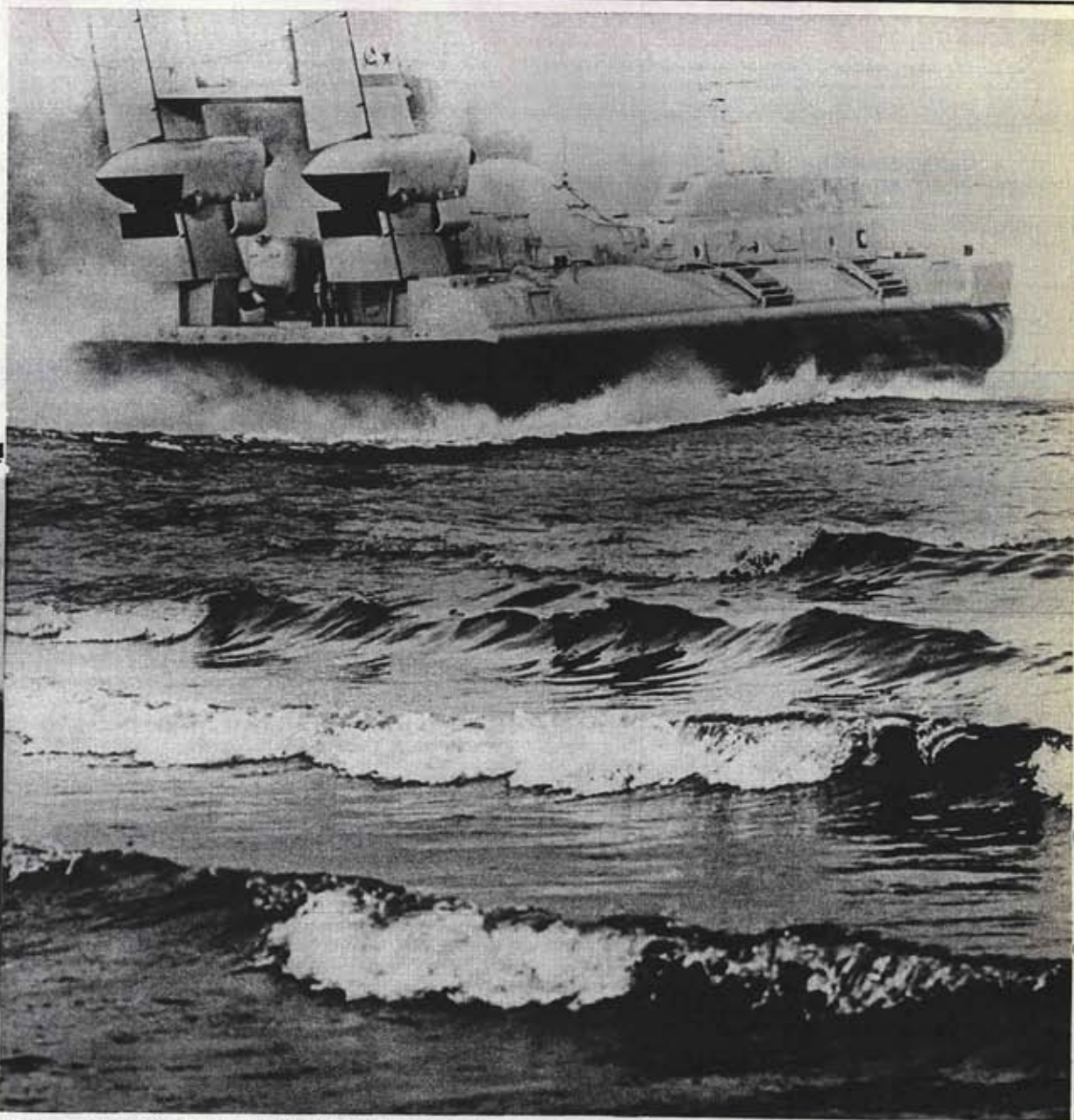
Г. КОБЛОВ. О чем же вы думали, Сергей, чувствуя на себе их взгляды?

С. МАЛАШКЕВИЧ. Честное слово, больше всего в такие минуты мне хочется, чтобы нам, сегодняшним солдатам, верили. И хочется доказать на деле, что мы не подведем.

Г. КОБЛОВ. А ведь я тоже был 9 мая на Красной площади. Вместе с фронтовым товарищем. И, надо сказать, вы, Сергей, в чем-то правы, мы действительно смотрим на вас, современных солдат, как отцы смотрят на сыновей, передавая им дело всей своей жизни. Смотрим строго. Но никогда не сомневаемся в вашем мужестве, в вашей убежденности и стойкости.

С. МАЛАШКЕВИЧ. Спасибо. Но вы ведь так пока и не рассказали, как стали кремлевским часовым, каким был ваш путь сюда, к Мавзолею?

Г. КОБЛОВ. Долгим и нелегким. Он начался еще в первую мировую войну. В феврале 1917 года я был избран товарищами председателем ротного солдатского комитета и впервые познакомился с большеви-

НАСЛЕДНИКИ ПОБЕДИТЕЛЕЙ.

КОРАБЛЬ НА ВОЗДУШНОЙ ПОДУШКЕ ВЫХОДИТ В МОРЕ.

раз атаковали горстку отважных. Враг потерял в этом бою около 700 солдат и офицеров. Из 67 десантников в живых осталось 13, погиб и командир отряда К. Ольшанский. За беспримерный героизм всем 67, павшим и живым, было присвоено звание Героев Советского Союза.

Более половины моряков одного только Черноморского флота, удостоенных в годы войны звания Героев Советского Союза, — морские пехотинцы. Почти мальчишки, отважные и несгибаемые, презревшие смерть, они оставили нам

свой подвиг как символ безграничной преданности Родине.

Шли годы. Следуя требованиям времени и новым задачам, морская пехота, как и все рода войск, оснащалась новой боевой техникой, современными мощными десантными кораблями, плавающими танками и бронетранспортерами, зенитными установками. Прежними остались только требования к людям, носящим на рукаве штат морской пехоты.

Кочешков прекрасно помнит, какими приходили к нему после учебного подразделения его ребята. К примеру, Са-

ша Самарин. Год назад он стоял перед Кочешковым запыхавшийся, с торчащими из сапог портянками, весь перепачканный землей и просил разрешения еще раз пройти под проволокой на полосе препятствий. Кочешков видел, что парень устал, что у него сегодня все равно не получится как надо, и все-таки разрешил, потому что, кроме мальчишеского упрямства — сделать не хуже других, он чувствовал, что Самарин борется с самим собой и ему надо помочь в этом.

Сейчас он младший сержант, командир отличного отделения, человек, ко-

торый не знает, что такое невозможно. Ему ничего не стоит проплыть стометровку с оружием в полной форме, выйти одному против двоих в рукопашной схватке и одолеть их, послать подряд пять пуль в «десятку». И еще Саша никогда не унывает и любит шутку.

— Саша, — спрашиваю его, — от скал до берега поплыл бы?

Самарин прикладывает глаз к иллюминатору.

— Можно, конечно, при одном условии, чтоб с Митрохиным в паре.

— А почему с Митрохиным?

ками. Постепенно втянулся в агитационную работу, читал труды марксистов, статьи Ленина. Осенью 1917 года наш полк, считавшийся большевистским, был объявлен вне закона. Нас окружили пулеметные команды и собралось было расстрелять всех до одного, но революция в Петрограде отменила приговор Временного правительства. И с проходным свидетельством, в котором рукой командира полка было написано «участник смуты и бунтарства» я поехал домой. Но скоро понял, что мое место в рядах солдат революции и добровольцем вступил во 2-й Киргизско-каракалпакский партизанский отряд, позднее слившийся с отрядом красных мажар, которым командовал товарищ Винерман — храбрый и волевой человек. Винерман был для меня не просто командиром, а первым духовным наставником, примером беззаветного служения делу революции. Погиб он как герой в одной из схваток с белоказаками.

Прошел я с отрядом по степям Самарской, Уральской и Астраханской губерний, участвовал в ликвидации крупной банды Саложкова. Закончил гражданскую заместителем военного комиссара кавалерийского дивизиона...

С. МАЛАШКЕВИЧ. Простите за то, что перебиваю. Но вот такой вопрос, Григорий Петрович. Вам, наверное, не раз приходилось встречаться с врагом лицом к лицу...

Г. КОБЛОВ. Конечно.

С. МАЛАШКЕВИЧ. Вам было когда-нибудь страшно?

Г. КОБЛОВ. О страхе в момент боя думать некогда, надо драться. Но вот когда бой закончится, то тут,

бывает, начинает колотить дрожь. А вообще все зависит от цели, ради которой страх надо преодолеть. А цели выше, чем наша, не было и нет.

Догнал я как-то в поле белоказачьего офицера. Повернулся он ко мне, видит, что я один, оскалил зубы, кричит: «Принимай смерть, красная собака!» Вынул шашку. Сшиблись мы с ним один на один... Моя взяла. Я знал, что должен его одолеть, потому что я был солдатом революции, а он ее врагом.

С. МАЛАШКЕВИЧ. Был как-то у меня случай. Ходили мы с ребятами из техникума в поход на лодках по одной северной реке. Однажды днем вдруг услышали детский крик: по реке, навстречу перекатам, гнало течением плот. А на нем двое мальчишек лет десяти. Мы мгновенно сообразили: если плот сейчас не остановить, его разобьет о камни, ребята могут погибнуть. Не сговариваясь, мы втроем прыгнули в воду и поплыли наперерез. Успели в самый последний момент, плот был метрах в пятидесяти от перекатов. Общими усилиями выгребли к берегу. Мальчишки оказались местными. Когда они успокоились, то рассказали, что просто решили попутешествовать. Сижу я тогда, мокрый, на берегу и думаю: а ведь нам повезло, ведь преспокойно могло самих снести течением к камням, и чувству, по спине мурашки забегали, и не от холодной воды...

Г. КОБЛОВ. Шут с ними, с мурашками, не в них дело, главное, что вы тогда не растерялись и не думали о себе. Человек идет на риск во имя спасения другого не колеблясь в том случае, если он дорос для смелого и благородного поступка духовно. Мужество — это, если хотите, еще и следствие высокой сознательности, человеколюбия...

С. МАЛАШКЕВИЧ. Наверное, вы правы... А что же с вами было дальше?

Г. КОБЛОВ. В июле 1921 года меня вызвали в штаб и после обстоятельного разговора предложили ехать учиться в 1-ю объединенную командную школу имени ВЦИК, размещавшуюся тогда в Кремле. Честно говоря, не хотелось мне расставаться с товарищами. К тому же в Средней Азии, где я оказался в ту пору, борьба за Советскую власть только начиналась, у нас на счету был каждый боец. Но победило желание стать настоящим, грамотным командиром, тем более что я уже не представлял себя вне армии. Словом, поехал.

Дорога из Ташкента в Москву тогда была долгая и трудная. Чего только не пережили мы в пути: и бандитские налеты, и осады мешочников, и карантин. В общем, прибыли мы в Кремль, имея вид далеко не гвардейский, гимнастерки на нас едва держались, а мой товарищ и вовсе предстал перед начальником школы босиком: сапоги у него украли неделю назад. Но в школе отнеслись к этому с пониманием, оказалось, что не мы первые являемся в Кремль в таком виде. Нам выдали обмундирование и зачислили на первый курс. Так я стал кремлевским курсантом.

С. МАЛАШКЕВИЧ. Вы уже тогда знали, что вам будет доверено охранять Владимира Ильича Ленина?

Г. КОБЛОВ. Нет, конечно. Не все курсанты удостоивались этой высокой чести. Охрана ленинского кабинета и его квартиры поручалась лучшим из лучших.

С. МАЛАШКЕВИЧ. Значит, вы соревновались меж-

ТАНКИ НЕ ПРОЙДУТ.

— Так у Славы лопасти-то какие! Он у меня вместо катера впереди бы шел, а я в его фарватере... Дай, Слава, руку, продемонстрирую товарищу.

— Да брось ты, Саня! — Митрохин смущенно прячет огромную, как тарелка, ладонь за спину.

А Самарина уже понесло.

— Зря ты, Славик, стесняешься. Люди же не в курсе, что ты в боевой обстановке вполне заменяешь резервный винт. Так что поломка одного двигателя нам не страшна.

Все смеются, улыбаются и Митрохин, поддаваясь безобидной товарищеской шутке. Как я узнал потом, за этой вроде бы нечаянной остротой Самарина стоял действительный случай, происшедший совсем недавно.

Было это на последних батальонных учениях. Взводу Кочешкова и в тот раз была поручена особая задача — подойти скрытно к высокому, скалистому берегу, высадиться, проникнуть в тыл условного противника и захватить его штаб. И хотя в том деле каждый действовал мужественно и умело, младший сержант Митрохин отличился особенно.

Получилось так, что шлюпкам, на которых высаживался взвод, долго не удавалось пристать к берегу из-за сильной волны. И тогда Митрохин, зажав в зубах конец веревки, прыгнул в воду, доплыл до нижнего берегового уступа, вскарабкался наверх и удерживал шлюпку, рискуя соскользнуть с камней в воду, до тех пор, пока все его товарищи не оказались на берегу. Потом, когда учения кончились, ребята да и сам Митрохин недоумевали, как ему удалось на такой волне догresti до берега и взобраться на камни.

Спроси у него, какой род войск он предпочитает всем остальным, Митрохин не задумываясь ответит: морскую пехоту, хотя до призыва в армию мечтал о другом. Впрочем, то же ответят и Олег Мигурский, и Александр Макренко, и Эдуард Хабаров, и все, кто шел сегодня с Кочешковым на высадку. Будет надо — и они пойдут за своим командиром в любое пекло, пойдут уверенно, без оглядки, как шли их сверстники в сороковые годы. Эта уверенность — чувство нравственное, воспитанное на любви к Родине. Оно под-

креплено умением драться так, как положено солдатам моря и берега, как требует от них высший закон морской пехоты, — до последнего вздоха и патрона.

Техника боя за высадку отработывается до последней мелочи. Вплоть до того, что каждый матрос знает, кого он прикрывает в бою и какая у него персональная задача. Знает, что надо делать, если танки противника окажутся слева от него, справа или перед ним, что делать, если кончились патроны, если впереди трехметровая стена, если остался один в окружении неприятеля, если ранят товарища, а из боя выходить нельзя, и еще много всяких «если». Не знает только одного — как отступают: его этому не учат.

Накануне каждой высадки Кочешков, чтобы ребята вошли в форму, несколько раз проходит вместе со взводом полосу психологической подготовки. Это имитация боя за высадку, боя скоротечного, стремительного, полного неожиданностей. Самое трудное здесь не растеряться, действовать одинаково быстро, когда перед тобой внезапно встает чу-

чело противника, оказывается ров с водой или горящие строения. Они возвращались с психологической полосы в обгоревших гимнастерках, с разодранными ладонями, на негнущихся ногах. Но с каждым разом их гранаты летели точнее, приемы в рукопашных становились короче, жестче и динамичнее, а самое главное — проходило чувство скованности, неуверенности в себе.

...Кочешков встал, подошел к люку, вернулся обратно. Его можно понять: целый час бездействия и неопределенности выведет из равновесия кого угодно. Но внешне он по-прежнему абсолютно спокоен; прислушивается к далекой канонаде, как к музыке, даже глаза прикрыл от удовольствия: узнает по голосу «своих».

Внезапно гул артиллерийской канонады на море прервался. Повисла непривычная, давящая тишина. Было слышно, как бьет в борт волна, рассыпаясь дробью брызг по стеклам иллюминаторов. Это могло означать только одно: морской десант выходит на действительный участок высадки.

ду собой за право быть назначенными на эти посты? Какие же требования предъявлялись тогда к курсантам вообще и как определялись лучшие?

Г. КОБЛОВ. Требования к нам были чрезвычайно высоки. Особенно по основным военным наукам. И обязательно курсанты должны были быть политически грамотными. Представьте, как нам было трудно, если едва половина курса умела читать и писать. С утра до семи вечера мы изучали военное дело, а потом занимались в общеобразовательной школе. Спать ложились только в 2 часа ночи. А еще нужно было выкраивать время для приведения в порядок своего внешнего вида. Комендант Кремля Петерсон и командир нашего эскадрона Гряздовский сурово наказывали за малейшую небрежность.

С. МАЛАШКЕВИЧ. Думаю, с тех пор требования к нам, солдатам Кремля, не стали ниже.

Г. КОБЛОВ. И не могли стать. На вас смотрит вся страна, весь мир. Ваша солдатская выправка, так же, как и выучка, эталон воинских качеств вообще. А что касается политической грамоты, то вам все-таки проще, чем было нам, ведь у каждого из вас за спиной минимум десять классов.

С. МАЛАШКЕВИЧ. Все верно. Но для того, чтобы быть эрудированным человеком, разбираться в международной обстановке, в экономике, ориентироваться в истории, знать основные ленинские работы, а этого требует служба в Кремле, как показывает практика, школьного багажа недостаточно. Мы многому учились и учимся уже здесь. Взять наш «Ленинский урок», на котором каждый комсомолец отвечает на вопросы товарищей, касающиеся истории Советской

власти, жизни и деятельности Владимира Ильича Ленина, текущих событий. Без знаний первоисточников здесь не обойтись. Но «Ленинский урок» — это не только теория. Каждый из нас должен на практике, то есть в службе, доказать свою... зрелость, что ли. А на мне двойная ответственность, как-никак, группкомсорг, значит, изволь показывать пример в боевой и политической подготовке и еще помогать товарищам.

Г. КОБЛОВ. Это хорошо, что двойная. Повышенный спрос с человека — все равно что дополнительная закалка для металла, он от этого только крепче становится.

С. МАЛАШКЕВИЧ. Григорий Петрович, мы вот с вами говорили о долге, мужестве, а какое качество характера вы считаете главным не только для военного, а для любого человека?

Г. КОБЛОВ. Трудный вопрос. Но ответить попытаюсь. Вот я заметил, что вы курите.

С. МАЛАШКЕВИЧ. Да.

Г. КОБЛОВ. Так слушайте. По указанию Ленина, всегда относившегося к курсантским нуждам очень внимательно, нам выделили под казармы взамен темного помещения другое — здание бывшего арсенала. И мы назначили субботник, чтобы очистить арсенал от хлама. Пришел на субботник и Владимир Ильич. Тогда-то я и увидел его впервые.

Работали мы в тот день с особым старанием и без лишнего шума; всех дисциплинировало присутствие Ленина. Во время перерыва кто-то из курсантов подошел к Владимиру Ильичу и, раскрыв портсигар,

предложил ему закурить. Ленин поблагодарил, улыбнулся и рассказал, что еще, будучи гимназистом, баловался курением, стремясь выглядеть взрослым. Об этом узнала его мать Мария Александровна и попросила его бросить курить. «Я дал слово матери, с тех пор не курю, — сказал Владимир Ильич, — и вам не советую».

Так вот, я считаю, что одно из главных достоинств человека — это способность отвечать за свои слова. Понимаете меня, Сергей? Всегда, в любых жизненных обстоятельствах держать свое слово. Кстати, с тех пор я не курю.

С. МАЛАШКЕВИЧ. Спасибо, Григорий Петрович, я понял вас. Но вы так и не дорассказали о своей службе в Кремле.

Г. КОБЛОВ. Через некоторое время меня включили в группу курсантов, которая несла охрану особо важных объектов. Отбор в эту группу велся очень тщательно. Мы должны были иметь отличные оценки по всем дисциплинам, в совершенстве владеть личным оружием, обладать хорошей реакцией и так далее. Вот когда я почувствовал, насколько серьезное доверие оказано мне, сельскому парню, одному из сотен тысяч солдат революции, ведь я охранял величайшего человека на земле, самого Ленина. Я даже как-то вырос в собственных глазах.

С. МАЛАШКЕВИЧ. Понимаю, близость к Владимиру Ильичу Ленину, возможность видеть его должны были наполнять вас гордостью, питать жизненной, революционной энергией. Мне трудно передать свои чувства, когда я впервые заступил на пост № 1. Мне даже не с чем сравнить свои ощущения, меня переполняли волнение, ответственность, казалось, что я охраняю

С флага передали: «Буранам — готовность 1».

Роман Погазяк сдвинул ладонями штурвал, повернулся к стоявшему сзади старшине команды мичману Владиславу Худакоенко:

— Скажите гвардейцам, пусть держатся крепче, пойдем на полном ходу.

— Атакуем...

Рев двигателей заглушает его собственный голос, над судном веером вздымается вода, сплошная стена воды десятиметровой высоты. Корабль, приподнятый мощной струей воздуха над поверхностью моря, дрожит, как разогранный конь. Впереди перед Погазяком глухая гряда камней, справа — узкий, тесный пролив — вот по нему-то и должен Роман провести свои суда. Сзади нас, точно повторяя все маневры командирского корабля, ведут суда его подчиненные. Мы двигаемся на предельно «малой», быстрее нельзя: справа и слева камни, да еще ветер, так что Роман едва успевает переключать руль: амортизирует резиновая подушка, наполненная воздухом, — наше дно и наши «колеса».

Выйдя из пролива, Роман посылает ручки оборотов двигателей вперед почти до отказа. Рывок. Корабли, едва касаясь поверхности воды, устремляются к берегу, подобные камням, пущен-

НА ПОЛОСЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ.

«БУРАНЫ» НА ЗЕМЛЕ! ДЕСАНТНИКИ АТАКУЮТ!

ным из пращи. Скрытые от борта до хвостовых плоскостей вздымающимися фонтанами воды, они напоминают смерчи, только они еще стремительней, неукротимей. Вряд ли можно сейчас позавидовать тем, кому предстоит встреча с ними лицом к лицу.

До берега не больше двадцати пяти кабельтовых, до первых траншей «противника» — немногим больше, это несколько минут хорошего хода. Но даже эти несколько минут для любого другого судна, идущего к берегу без огневого прикрытия, могли бы оказаться роковыми: во-первых, береговая артиллерия, во-вторых, мины, которыми буквально напичкано море в прибрежной зоне. Нас же не пугает ни то, ни другое: у кораблей звена Романа Погазяка огромное преимущество — скорость, которая делает корабли почти недостижимыми. Корабли на воздушной подушке воплотили в своей конструкции и ходовых качествах основные принципы ведения современного боя за берег — стремительность, неуязвимость, дерзость.

До береговой полосы 100 метров...

50... 30... 10. Все! Под нами уже не вода — земная твердь! Роман чуть сбрасывает обороты левого двигателя, мягкий поворот — проскакиваем между двух валунов. Брызжет в стороны галька, тугим вихрем срывает с дюн песок, сухие ключья травы. Корабли идут по земле! Идут, оставляя за собой ровную, будто приглаженную громадным утюгом поверхность. Теперь воздушная подушка — наши колеса. Это неестественно, непривычно, но факт: мы идем по земле так же легко, как по воде. И это ошеломляюще действует на тех, кто приготовился встретить нас на берегу.

Роман видит, как растворилась в траншеях цепь автоматчиков, выскокившая было навстречу, как бешено крутит ручку наводки кто-то из бойцов «противника», оставшихся у орудия. «Молодец, — мелькает в голове у Романа, — не струсил». Вдруг он замечает перед собой тройной ряд колючей проволоки, сворачивать некуда, да и поздно. И Погазяк наползает прямо на нее. Внизу же, в трюме, ощущается только мелкая дрожь — вибрация и толчки, когда под

подушку попадает особенно крупный камень, а уши закладывает от рева двигателей и пронзительного свиста винтов над головой.

Подразделения, оборонявшие берег в районе нашей высадки, еще не оправившись от изумления: слишком силен психологический эффект — корабли, идущие по земле! Мы чувствуем это по беспорядочности выстрелов. Теперь надо не дать «противнику» прийти в себя, морских пехотинцев слишком мало для того, чтобы не воспользоваться его растерянностью.

Стоп. Нас бросает по инерции вперед. — К люкам! — кричит Кочешков.

Правее нас метрах в двухстах уже рассыпались по земле со своего судна матросы гвардии лейтенанта Михаила Перминова. А Кочешков, оставив отделение прикрыть себя с фланга, ведет своих вперед к следующей траншее, туда, откуда сыплют очередями пулеметы «противника». Бросок морской пехоты — короткие всполохи взрывчаток, ляг железа, сухой треск автоматной очереди, и пулеметы смолкли. Но толь-

не только вход в Мавзолей, а все, что завоевано нашим народом за многие десятилетия, охраняю сегодняшний день нашей страны и ее будущее.

Прошло время, но каждый раз, выходя из Спасских ворот, я волнуюсь так, как будто иду на пост впервые. То же испытывает мой товарищ по посту Иван Протасеня. Кстати, он тоже минчанин, и мы до армии играли в постоянно соперничавших волейбольных командах. И вот оказались в одном подразделении, в одной паре. Удивительное совпадение. Однажды мы с ним разговорились о послеармейской жизни. И дружно сошлись на том, что как бы она ни сложилась, вступая не должен пройти ни один день. Не имеем мы, кремлевцы, права жить вполнакала после того, как нам было оказано народом доверие — быть часовыми первого поста.

Г. КОБЛОВ. Правильно, Сергей, не имеет. И не только вы, а все ваши сверстники. Так же думали и продолжаем думать мы, ваши предшественники. В этом высочайший смысл ленинского наследия — жить, горя, а не тлея, каждый день отдавая себя служению народу. И служить ему не абстрактно, а конкретно, вникать в человеческие проблемы, в каждом видеть личность. Ленин много раз доказывал собственным примером, что подлинное человеколюбие начинается с отношения к товарищам, подчиненным, простым людям, постоянно окружавшим его. Я никогда не забуду одного его разговора со мной в декабре 1921 года.

С. МАЛАШКЕВИЧ. Вы стояли на посту?

Г. КОБЛОВ. Да, я тогда в первый раз заступил на пост. И хотя часовому разговаривать не полагалось, нас специально инструктировали, что на все вопросы Ленина мы должны отвечать. Владимир Ильич вышел из дверей своей квартиры, посмотрел на меня и сказал:

— Здравствуйте, товарищ часовой.

Я хотя и чувствовал, что моя спина от волнения стала мокрой, но отвечал громко и четко:

— Здравствуйте, товарищ председатель Совета Народных Комиссаров.

Ленин заметил мое состояние и спрашивает:

— Вы, очевидно, первый раз стоите на этом посту?

— Да, первый,— отвечаю.

И тут Владимир Ильич буквально атаковал меня вопросами: коммунист ли я? Откуда прибыл? Знаю ли, что в моем родном Заволжье сейчас голод? Есть ли у меня там родные? И что они пишут?

— Да,— отвечаю,— знаю, что там голод, люди едят траву, многие умирают, мать моя серьезно больна от недоедания...

Ленин слушал внимательно, а затем сказал, что Советское правительство принимает самые энергичные меры, чтобы обеспечить голодающих хлебом и зерном. А потом посоветовал съездить к матери, сказав, что начальство школы непременно меня отпустит.

В этом эпизоде — весь Владимир Ильич, самый человеческий человек из всех, кого я встречал за свою долгую жизнь. У меня было еще много случаев убедиться в ленинском человеколюбии, в его удивительной способности находить дорогу к сердцам самых разных людей.

С. МАЛАШКЕВИЧ. А как сложилась ваша дальнейшая жизнь?

Г. КОБЛОВ. После окончания школы ВЦИК был назначен командиром взвода 43-го кавалерийского Ирбитского полка. Служил. Потом Великая Отечественная. Воевал под Мценском, Касторной, Сталинградом, участвовал в освобождении от гитлеровцев Украины, Белоруссии, Польши. Закончил войну командиром дивизии... Кстати, что вы собираетесь делать после армии?

С. МАЛАШКЕВИЧ. Остаться военным, Иван Протасеня тоже. А вот мои товарищи ефрейтор Виктор Кандыба, Виктор Гольдикас, Алексей Алексеенко вернутся на свои предприятия, будут работать по доармейской специальности.

Г. КОБЛОВ. Не всем же быть военными. А ваш выбор одобряю, прекрасное и благородное дело — защищать Родину, служить ей. Но дело даже не в том,

где вы ей служите, а в том, как вы это делаете. Режешь ли ты металл или несешь пограничную вахту, надо вкладывать в работу весь свой порыв, все свое сердце и всю любовь. Если так будет, значит, ты остался в жизни часовым поста № 1. Понимаете меня, Сергей?

С. МАЛАШКЕВИЧ. Конечно. Я буду военным, несмотря на то, что быть военным — это значит уметь подчинять свою жизнь только долгу, а если без высоких слов, то просто Уставу. Вот недавно был случай. Мы вышли из Спасских ворот и шаг в шаг с разводящим начали путь к Мавзолею. День в самом разгаре, на Красной площади было очень много народа. Весь наш путь от Спасских — около двухсот шагов. И вдруг я вижу в трех метрах от себя мою маму, я еще не знал, что она приехала в Москву. И она тоже меня видит. Она шепчет: «Сережа, Сереженька, мальчик мой», — протягивает ко мне руки. А я даже не могу ей ничего ответить, только смотрю на ее счастливое заплаканное лицо и сжимаю зубы. Я не могу сказать ей: «Мама, мне так хочется тебя обнять, но сейчас я иду на свой пост...»

Г. КОБЛОВ. Да, Сергей. Посвящая себя военной службе, вы должны быть к этому готовы. Учтите, вам захочется поехать на рыбалку или поиграть с сыном, а вам дадут 10 минут на сборы и прикажут отправиться за тысячи километров от дома на много месяцев. Так будет. Но поверьте мне, старому солдату, у вас будут свои радости и свое большое счастье.

С. МАЛАШКЕВИЧ. А ведь я, Григорий Петрович, стою на правой стороне входа в Мавзолей. Ваша как будто тоже была правая?

Г. КОБЛОВ. Верно. Это вы к тому, что тоже станете генералом?

С. МАЛАШКЕВИЧ. Не совсем. Хотя, конечно, плох тот солдат... Но я имею в виду другое — верность жизненным принципам первых солдат-кремлевцев.

Диалог записал Ян ВЛАДИН.

**НЕТ НИЧЕГО ВКУСНЕЕ
ФИРМЕННОГО КОМПОТА!**

**К ВЕЧЕРУ МОРСКАЯ ПЕХОТА
УЖЕ ПРОЧНО УДЕРЖИВАЛА
БЕРЕГ.**

ко на минуту, чтобы заработать опять, но около них уже не зеленые гимнастерки, а черные, и дула пулеметов повернуты в противоположную сторону от моря. Кочешкова, еще пять минут назад, казалось, совершенно спокойного, не узнавать: его голова появляется и исчезает в разных концах траншеи, на лице, покрытом слоем пыли, бешено блестят только зрачки и зубы.

— Митрохин, держишь фасад, с тобой трое... Остальные за мной! — Кочешков скатывается с насыпи, неестественно огромными прыжками несется вдоль траншеи. За ним младший сержант Олег Мигурский, Самарин, Литвиненко, еще кто-то. Их бросок вновь кончается короткой схваткой в траншее. Бросок — схватка, бросок — схватка. Так продолжается минут десять. В одной из траншей его группа натывается на чей-то КП. За дверью голоса.

— Предупредите, что мы здесь...

Хабаров дает короткую очередь в воздух.

Голоса смолкают, но дверь по-прежнему заперта.

— Самарин, стучись, — кивает Кочешков. Александр с разбега ударяет плечом — дверь, не выдержав, срывается с петель.

— Здравствуйте.

За столом сидит лейтенант, рядом с ним радист.

— Общевойсковик? — улыбается Кочешков.

— Так точно.

— Давно из училища?

— Полгода.

— Будем знакомы: Кочешков, морская пехота... Дай наушник, — обращается он к радисту.

— Не имею права, товарищ гвардии старший лейтенант.

— Ладно, тогда передай «своим» сам: «Морская пехота в квадрате 7!»

Мы не успели перекурить, когда в окоп скатился матрос Сергей Шкрабак.

— Танки! Идут прямо на Митрохина.

— Сколько? — Кочешков схватил его за руку. — Сколько танков?

— Шесть.

— Все за мной... Хабаров — к Перминову, предупреди.

Это значило, что «противник» опомнился и бросил танковый резерв на их группу.

Танки шли дугой, выгнутой в сторону моря. И их было не шесть, а восемь. Группе Кочешкова предстояло встретить их и сдерживать до тех пор, пока не высадятся основные силы десанта. А они уже были на подходе.

Из-за горизонта показались сначала тральщики, потом катера боевого охранения и, наконец, десантные корабли.

— Они будут здесь через двадцать минут, — проговорил Кочешков, меряя взглядом расстояние до БДК, — нам надо продержаться двадцать минут.

...Первые два танка, далеко оторвавшиеся от остальных, «зажгли» Самарин и Хабаров. Замерев на дне траншеи, они пропустили многотонные машины над собой и забросали их гранатами. Еще два были «уничтожены» противотанковыми управляемыми реактивными снарядами. Их точно навели на цель матросы гвардии лейтенанта Перминова. Танковая атака захлебнулась.

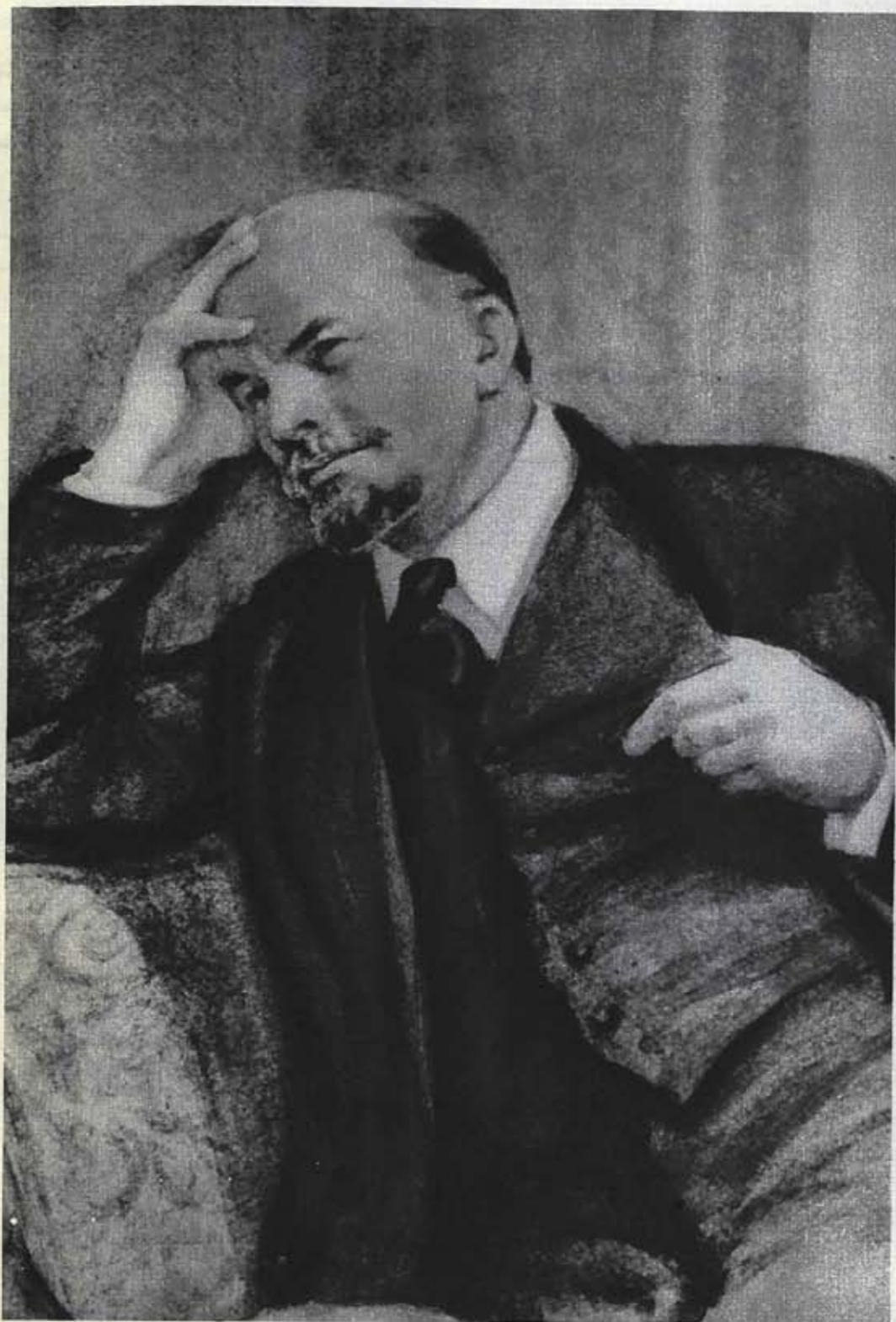
Двадцать минут, отпущенных «противнику» на то, чтобы сбросить в море группу Кочешкова, кончались. К берегу подошли основные силы десанта — плавающие танки и бронетранспортеры с эмблемами морской пехоты на бортах.

...нигде народные массы не заинтересованы так настоящей культурой, как у нас; нигде вопросы этой культуры не ставятся так глубоко и так последовательно, как у нас...

В. И. ЛЕНИН.

Н. ЖУКОВ. «АПШАССИОНАТА».

Уроки жизни

Имена сегодняшних собеседников хорошо известны читателям. Достаточно лишь вспомнить о фильмах Григория Чухрая «Сорок первый», «Баллада о солдате», «Чистое небо», «Жили-были старик со старухой» и Сергея Соловьева — «Семейное счастье», «Егор Булычов и другие», «Станционный смотритель», «Сто дней после детства», «Мелодии белой ночи»... Тема разговора, который они ведут сегодня на страницах «Смены», — идейно-нравственные истоки и традиции советского киноискусства.

Г. ЧУХРАЙ. Каким образом Великая Октябрьская социалистическая революция связана с моим творчеством? Самый прямой. Свой первый фильм — «Сорок первый» — я делал о революции. Но и в последующих моих фильмах, я думаю, присутствует дух революции, ее идеалы.

Когда я пришел с идеей «Сорок первого» на худсовет к Ивану Александровичу Пырьеву, тогдашнему директору «Мосфильма», то некоторые маститые режиссеры отнеслись к моей затее не очень сочувственно. Молодой человек, сказали мне, вы провоевали войну, так не лучше ли вам снимать фильм о том, что вы видели своими глазами, а не о том, что было до вашего рождения.

С. СОЛОВЬЕВ. У Михаила Ильича Ромма в его «Беседах о кинорежиссуре» есть такое место. После неудачи, как он сам считал, диалоги об адмирале Ушакове, Ромм сказал тогдашним своим студентам во ВГИКе, что впредь будет снимать фильмы только о том, что сам знает...

Г. ЧУХРАЙ. Знать и видеть собственными глазами — это вещи разные. А слова Ромма я хорошо помню. Я ведь его ученик...

С. СОЛОВЬЕВ. Я тоже.

Г. ЧУХРАЙ. Наш мастер обладал великолепным политическим темпераментом, удивительной ясностью ума. Он как раз считал, что моя молодость не помешает мне сделать фильм о революции. И если бы

...ЧУВСТВОВАТЬ СВЕТ В СВОИХ ЛАДОНЯХ...

Витаутас СЕРЕЙКА,
директор Вильнюсской средней школы искусств имени М.-К. Чюрлёниса, заслуженный деятель искусств Литовской ССР.
Фото Сергея ПЕТРУХИНА.

Сергей СОЛОВЬЕВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР,
лауреат премии
Ленинского комсомола.

Григорий ЧУХРАЙ,
народный артист СССР,
лауреат Ленинской премии.

ОКТАБРЬ—ДЛЯ ВСЕХ И НАВСЕГДА

Ромм не помог мне тогда, то вряд ли Пыр'ев доверил бы мне эту картину. Почему, на каком основании ты берешься за это дело, говорили мне. А я отвечал: на том основании, что мне это дорого. Что дух Октября живет и в моей жизни. С ним связаны самые высокие мои надежды и поступки. И для последующих поколений дух Октября всегда будет духом их времени. Когда я был мальчишкой, в воздухе еще живо ощущалось дыхание революции, наши родители еще жили романтикой того времени. Я успел почувствовать эту атмосферу, и она осталась во мне навсегда. В начале фильма диктор говорит: «Это время навсегда ушло от нас и навсегда осталось с нами». Именно на худсовете я сформулировал эту мысль.

С. СОЛОВЬЕВ. Мое поколение, а я родился как раз

тогда, когда вы, Григорий Наумович, еще воевали, выросло в ощущении, что Октябрь был в России всегда. Это сознание, вероятно, рождено было поразительными фильмами «Чапаев», «Ленин в Октябре», «Ленин в 1918 году», «Мы из Кронштадта»; трилогией о Максиме... Все по-настоящему красивые, благородные, мужественные люди, которых мы видели на экране и перед которыми сердце ныло от любви и восторга,—все эти люди были «наши» и все они, конечно же, были за Октябрь. Они делали революцию, и в результате их победы воцарилось царство добра и справедливости. Это ощущение, которое я хорошо помню, было передано нам кинематографом, но смотрели мы те фильмы как фильмы исторические. Нам было заранее известно, на чьей стороне правда и кто одержит верх в этой борьбе.

Г. ЧУХРАЙ. Думаю, что в фильме «Сорок первый» Октябрь был показан несколько по-другому, чем это делали мои предшественники. Потому что я смотрел на это событие с дистанции моего времени. Например, фильм Якова Протазанова «Сорок первый» по сравнению с моим—р-р-революционный. Со многими «р». В той картине поручик Говоруха-Отрок был циником и негодяем, снайпер Марютка—просто героиней. А у меня она трагическая героиня. Для меня революция была уже не простым делением на «красных» и «белых». Я хотел сказать в этом фильме, что классовая борьба ставит перед людьми отнюдь не элементарные задачи.

Военный опыт заставил меня думать, что картины прежних поколений кинематографистов были порой слишком категоричными и упрощенными. Может быть, «Чапаев» стал первой лентой, где враг был умен. И у меня в картине поручик не был идиотом и негодяем. Он был просто человеком другого класса и другой линии... И выстрел Марютки, и ее любовь, и ее преданность революции в моем фильме трактовались с дистанции моего поколения, которому в новых исторических условиях суждено было отстоять с оружием в руках идеалы и завоевания Октября.

С. СОЛОВЬЕВ. Некоторая упрощенность, сознательная или бессознательная, излишняя ясность конструкций фильмов о революции, снятых, что называется, по горячим следам, стала для меня и моих сверстников вполне очевидной, только когда мы повзрослели. Только в зрелом возрасте начинаешь понимать: то, что свершилось в Октябре, явилось и исторической закономерностью и духовным подвигом лучших людей России.

По-моему, история не знала такой мощи духовной работы, какая подготовила Октябрь. Эту работу совершали декабристы, Пушкин, петрашевцы, народолюбцы, Толстой, Чехов... И, наконец, плеяда блистательных профессиональных революционеров, выдвинувших из своей среды такую поистине колоссальную фигуру, как Владимир Ильич Ленин... И всеми ими двигала высочайшая нравственная потребность в справедливости. Поэтому, когда думаешь о революции, всегда приходишь к мысли о генетике революционного в лучших умах и сердцах, об унаследовании идеалов и стремлений революционеров прошлого, обо всем том, что неминуемо должно было стать фундаментом всех главных традиций и установлений нашего общества.

ОДИН РАЗ В ГОД...

Раз в год, в начале июня, здание нашей школы становится похожим на потревоженный муравейник. Со всех концов Литвы в этот день привозят к нам детей—семилетних девчушек и мальчуганов. И педагоги всех трех отделений—музыкального, хореографического и художественного—внимательно знакомятся с малышами, пристально приглядываются к ним, стараясь определить их природные данные, способности и возможности.

Нелегкое это дело—при первом знакомстве выяснить пригодность малыша к учебе в Школе искусств! На протяжении дня перед глазами каждого педагога проходит несколько десятков несмышляющей, и каждый по-своему симпатичен и привлекателен.

Нашей школе почти тридцать лет, есть у нас преподаватели общих и специальных дисциплин, воспитатели, которые работают здесь почти с первого дня. Разумеется, их опыт помогает избегать ошибок в оценке данных поступающих к нам детей. Но возможно ли это вообще—при первой встрече с ребенком определить, достаточно ли он одарен, чтобы со временем стать музыкантом-исполнителем или теоретиком, танцором классического балета или исполнителем народных танцев, живописцем, графиком, скульптором, искусствоведом?

Есть, конечно, много способов проверки способностей к творчеству. Мы самым тщательным образом проверяем слух, чувство ритма, музыкальную память поступающих на музыкальное отделение; просматриваем рисунки детей, которые хотят поступить на художественное отделение, рисуем и лепим вместе с ними, пытаюсь при этом раз-

глядеть их способности и склонности характера; очень требовательно проверяем физические данные, музыкальность и пригодность кандидатов для поступления на хореографическое отделение. Мы терпеливо беседуем с самими детьми, с их родителями все с той же целью: как можно глубже и точнее оценить их возможности.

У нашей школы есть одна, очень важная, на мой взгляд, особенность. Давая ученикам высокую профессиональную подготовку, мы стремимся, чтобы занятия искусством пробуждали в них доброту, порядочность, честность. Воспитывая эти качества, мы воспитываем в них и уважение к земле, к Родине, к человеку.

...Каждую осень наци первоклассники отправляются в лес. Собирая красочные осенние листья, наблюдая за жизнью муравейника, они приучаются к общению с природой. Складывая листья по оттенкам красок, учатся видеть прекрасное. Эти букеты они будут хранить в классе до 8 Марта, всю зиму сберегая маленькую тайну от мам. И как радостно подарить маме такой букет, сделанный своими руками. А педагогу совсем несложно в разговоре от слова «мама» перейти к словам «земля», «Родина». Мне кажется, что в этом уже есть крупица высококонрастного патриотического воспитания...

Другой пример. Чтобы будущий музыкант уверенно чувствовал себя на сцене, он должен часто выступать. Где и перед кем играть начинающему? Возможностей много, но ведь в таких выступлениях должен быть еще и воспитательный эффект. Мы, как мне кажется, нашли интересный выход. Недалеко от Вильнюса есть дом для престарелых. Как-то по случаю одного

праздника мы послали туда группу малышей—скрипачей и пианистов. То, что произошло, я никогда не забуду. В зале сидели люди, много повидавшие на своем веку, выпустившие в жизнь своих детей. А на сцене играли восьмилетние малыши. Как эти старики на них смотрели! Видимо, даже не заметили робкой игры начинающего скрипача. В глазах у слушателей блеснули слезы. Мне показалось, что эти дети напомнили им и юность и их сыновей, лишенных доступа не только к искусству, но и просто к образованию в буржуазной Литве. Слушатели вдохновляли играющих... Можно представить себе самочувствие молодого музыканта, воспринимающего жизненную теплоту, излучаемую таким зрительным залом. Эмоциональное воздействие здесь было колоссальное: малыш понял, что он может дарить людям счастье. Он нужен людям. И, поняв это, он стремился ответить такой же теплотой, с какой встретили его эти старые люди. Обоюдная человеческая тяга и уважение связали детей и взрослых. Какой стимул работать дальше, чтобы еще раз приехать и играть! А как старики будут ждать этой встречи! Мне кажется, что для детей трудно найти лучшую концертную и воспитательную практику. Так, шаг за шагом, даруя радость другим и получая ее в ответ, ребенок становится Человеком. Он понимает, что его труд необходим людям. А главное, развиваясь как музыкант-профессионал, он развивается и как человек, способный остро видеть, тонко чувствовать, глубоко понимать...

Не могу не упомянуть и о трудолюбии, организованности, которыми должен обладать ученик нашей школы. Сама специфика школы требует от

него особого прилежания, большой настойчивости и умения четко распределять свое время. В противном случае не справиться с теми нагрузками, которые ему предстоит нести на протяжении всех лет учебы. Эти нагрузки с каждым классом возрастают, и дети должны привыкнуть к ним, так как после окончания школы их ждет еще более напряженный труд. Ведь легких дорог в искусстве нет.

ТРИ МУЗЫ ПОД ОДНОЙ КРЫШЕЙ

М.-К. Чюрленис, чье имя носит школа, был удивительным живописцем и одновременно выдающимся композитором, основоположником литовской профессиональной музыки. В его творчестве мы сталкиваемся с уникальным переплетением элементов музыки и живописи—его симфонические поэмы, фортепианные, органичные и вокальные произведения настолько красочны, что, слушая их, явственно видишь перед собой то дремучий лес, то бушующее море, то далекие сказочные миры; а некоторые циклы его картин не только по названиям отдельных работ, но и по духу, характеру и содержанию напоминают сонаты, поэмы, баллады, фуги, прелюдии... Все его творчество овеяно удивительной фантазией, широким полетом мысли.

Творчество великого художника и композитора находится в тесной связи с фольклором, мифологией, песнями и орнаментами литовского народа.

В своих письмах и высказываниях Чюрленис не раз выражал мечту о том времени, когда в большое искусство придут дети простых литовских крестьян и рабочих. Народное творчество

Г. ЧУХРАЙ. Я хочу добавить, Сергей Александрович: наше поколение, изображенное мною в «Балладе о солдате» и «Чистом небе», защищало не просто свою Родину. Мы защищали первое в мире социалистическое государство, рожденное Октябрем. И это не слова. Мы действительно так чувствовали и так жили.

Ведь кто такой, скажем, Алеша Скворцов, герой «Баллады»? Это один из тех, кто родился и вырос при Советской власти. Представитель первого грамотного поколения народа. Мы были воспитаны новым обществом. И в числе прочих средств воспитания были фильмы о революции, которые учили нас тому, чего не дал нам в ощущениях собственный опыт. Они учили счастью бороться за великое и справедливое дело. Вообще я думаю, что искусство не что иное, как способ передачи эмоционального опыта поколения.

С. СОЛОВЬЕВ. А можно выразиться и так: искусство—это непредвзятое и непреднамеренное, честное и искреннее свидетельское показание о своем времени. У кого-то из наших писателей, кажется, у Юрия Трифонова, я натолкнулся на такую мысль. Не

надо сетовать, что наша эпоха еще не породила своего Толстого,—мы все, тысячи перьев, стараемся стать одним настоящим, правдивым писателем. В этом смысле кино—вдвойне коллективное искусство. Коллективно, многими руками создается каждый фильм, а сумма лучшего из того, что снято, может стать портретом Времени.

Г. ЧУХРАЙ. Конечно, можно сказать и так. Но мне лично такая формулировка не нравится. Делая свои картины, я никогда не ставил себя в положение свидетеля. И никогда не давал свидетельских показаний. У искусства, по-моему, функция совсем другая—воспитание человеческого в человеке. Я думаю, если мой фильм заставит человека подумать, кто он есть, как живет, как красиво жить на свете, а как некрасиво, то это принесет гораздо больше

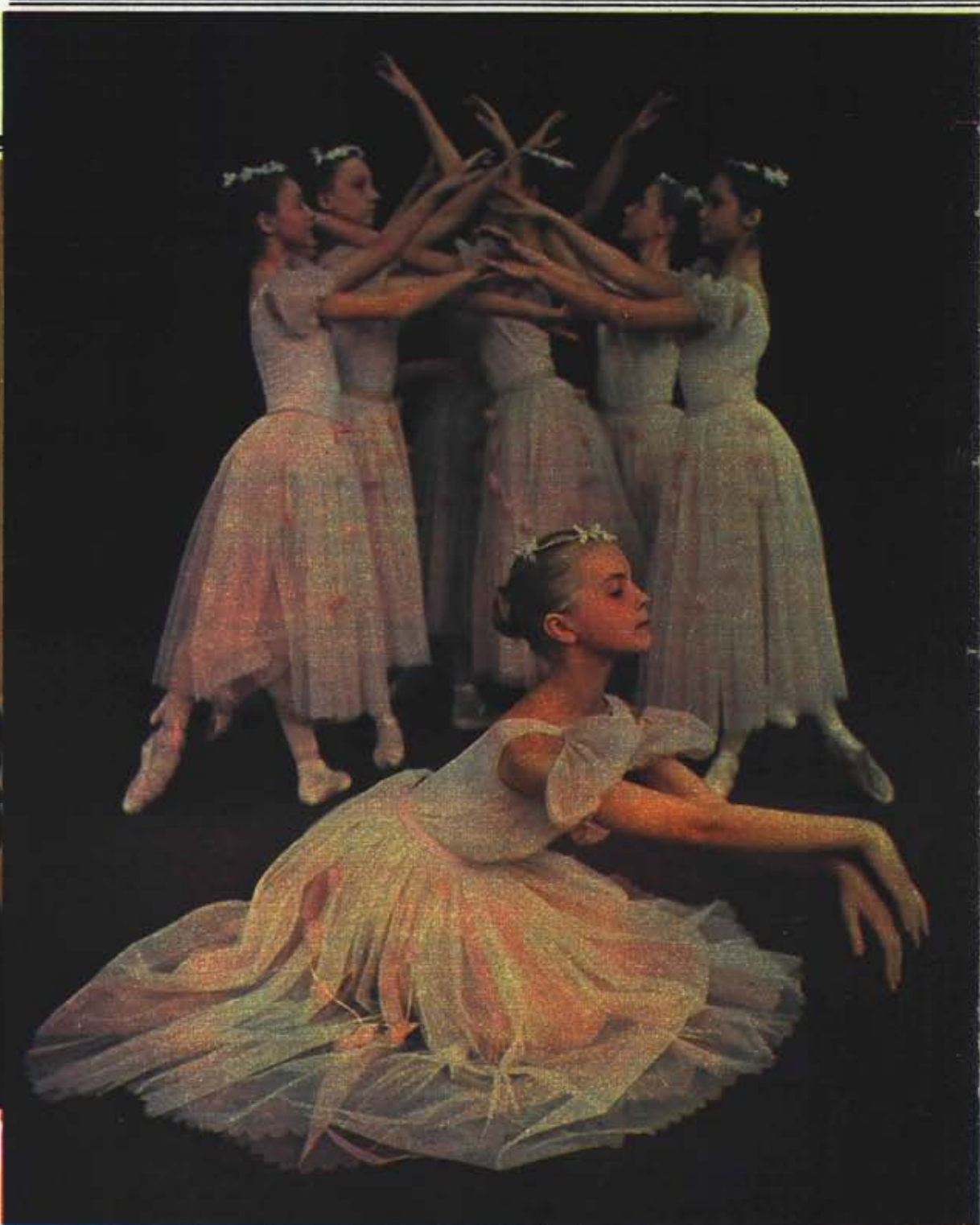
пользы, чем картина, безучастно фиксирующая то, что видят вокруг ее создатели...

С. СОЛОВЬЕВ. Мне кажется, что ваше уточнение касается не столько существа того, о чем мы говорим, сколько разницы в терминах. Свидетельское показание так же, как, скажем, и речь прокурора, воздействует на ход всего процесса. И искусство может влиять на человека самыми разнообразными путями: прямыми или косвенными. Именно это, на мой взгляд, имел в виду Всеволод Эмильевич Мейерхольд, заметивший однажды: «Я поставил «Даму с камелиями» для того, чтобы пилот, пришедший посмотреть этот мой спектакль, завтра лучше летал».

Г. ЧУХРАЙ. Правильно. Уверен, что попытка влиять непосредственно, скажем, на производственные про-

РЕАЛЬНЫЙ МИР ВООБРАЖЕНИЯ.

ГРАФИКА ХОРЕОГРАФИИ.

в его понимании должно быть основой профессионального искусства, его питающей средой и источником вдохновения. Воплощением этой мечты и стала наша школа. Ученики ее на всех отделениях изучают народное творчество: литовские народные песни, сказки, знакомятся с национальными орнаментами, которые в неисчислимых вариантах повторяются в работах деревенских ткачих и резчиков по дереву, с чертами народной архитектуры. И мы с радостью видим, что все это глубоко входит в плоть и кровь наших

воспитанников. Чтобы убедиться в этом, достаточно послушать, сколько неподдельного чувства пианисты и дирижеры-хоровики вкладывают в работу над народными мелодиями, или посмотреть, с какой любовью маленькие художники иллюстрируют сказки и песни.

Учащиеся разных отделений не только постоянно находятся в ближайшем соседстве, но и общаются между собой, одновременно приобретая много знаний по смежным видам искусства. Музыканты обязательно

проходят курс истории изобразительного искусства, танцоры знакомятся с основами музыкальных форм и жанров, а художники вникают в тайны музыки и балета. Связь между тремя музами идет по множеству линий, и не удивительно поэтому, что художники постоянно выбирают танцоров и музыкантов в качестве объектов изображения в своих работах; музыканты и танцоры со знанием дела рецензируют выставки работ учащихся художественного отделения, а художники поют в хоре.

Примером такого «слияния муз» явилось и исполнение коллективом Школы искусств балета «Мальчик без сердца», написанного по нашему заказу маститым композитором А. Клеиниксом. Той же цели—взаимному творческому обогащению—служил и своеобразный конкурс, в ходе которого будущие живописцы, графики и скульпторы создавали работы по мотивам «Карнавала зверей» К. Сен-Санса, исполнявшегося солистами и оркестром школы.

Мы стремимся к тому, чтобы из стен

цессы, искусству не под силу. Это дело, к примеру, периодической печати...

С. СОЛОВЬЕВ. ...или социологических исследований.

Г. ЧУХРАЙ. А главная функция искусства—воспитывать душу, воспитывать настоящего советского человека.

С. СОЛОВЬЕВ. В отношении к этому вопросу, я думаю, можно полностью устанавливать знак равенства между нашими поколениями. Воспитание души мои товарищи и я тоже считаем и целью и гражданским смыслом своего существования в искусстве. От того, насколько глубоко, широко, серьезно, не ханжески воспитана человеческая душа, зависит огромное количество человеческих деяний—социальных, политических, нравственных и просто бытовых.

И здесь любопытно обратиться к одной из новых тенденций западного кино. Я еще помню время, когда реакционная пресса капиталистических стран нападала на нашу кинематографию: слишком социально, мол, слишком политически, слишком революционно то, что у нас снимается. Теперь ситуация резко изменилась. Революция неожиданно стала «ходовым товаром» на кинематографическом рынке. Однако весьма занятно, как там понимается и подается революционность. Прежде всего, оказывается, необходимо как можно больше демагогической трескотни с псевдомарксистской терминологией. И тогда любую уголовщину можно выдать чуть ли не за революционность.

Я убежден, что фильмы, направленные на воспитание души и, значит, отстаивающие наши позиции, позиции Октября, делают огромное политическое дело. Это и есть серьезнейшая революционная акция советского кино на зарубежном и нашем экране.

Г. ЧУХРАЙ. Еще одной опасной модой на западном экране мне представляются постоянные попытки изобразить человека как какое-то жестокое и гряз-

ное, живущее лишь инстинктами животное. Кто-то, может быть, снимает такие фильмы по недомыслию, кто-то следует моде, но кто-то вкладывает в такие ленты определенное и весьма опасное идейное содержание. Если человек—скотина, то зачем мне за него страдать, зачем рисковать своей жизнью, зачем стремиться к лучшему будущему для него? Проживет и в хлеву. С такой философией совсем уж легко нажать на гашетку... Наш же кинематограф призван доказывать уникальность человеческой личности, воспитывать гуманизм и уважение к себе подобному, а это путь к пониманию и миру, а не к войне и насилию.

Наше Советское государство, как сказано в новой Конституции СССР, заботится об охране, преумножении и широком использовании духовных ценностей для нравственного и эстетического воспитания советских людей, повышения их культурного уровня. Отсюда ясно, какой огромной значимости задача стоит перед нашим искусством.

С. СОЛОВЬЕВ. Для искусства нет и не должно быть запретных тем. Запретным может быть антигуманистическое мышление. Кинематограф имеет полное право обращаться к самым крайним человеческим проявлениям, исследовать самые острые противоречия, но лишь при том условии, что за этим стоит серьезная нравственная позиция художника. И оценивать его труд надо не по фабульно-внешним признакам, а по тому, из каких побуждений он взялся за работу. А то, скажем, и «Калину красную» можно будет назвать картиной «из жизни уголовников»... Кино—средство массовой коммуникации, и неверность, ошибочность, даже просто приблизительность идейно-нравственной позиции автора фильма могут вызвать тягчайшие последствия.

Заставить подражать героям того или иного фильма—далеко не единственная цель киноискусства. Я до сих пор помню, как в четырнадцать лет впервые увидел фильм Михаила Калатозова «Летят журавли».

Со мною что-то произошло. Я вышел из кинотеатра «Аврора» на Невский проспект, и меня шатало. Я почувствовал кровное, душевное родство с героями картины. Подражание здесь было ни при чем, кому подражать—Веронике, что ли? Раз десять я смотрел эту картину, знал ее почти наизусть и снова шел смотреть, шел к хорошо знакомым и любимым людям, как домой. Подобный же контакт с героями, сопереживание, сочувствие—все это я ощутил, следя за событиями «Баллады о солдате».

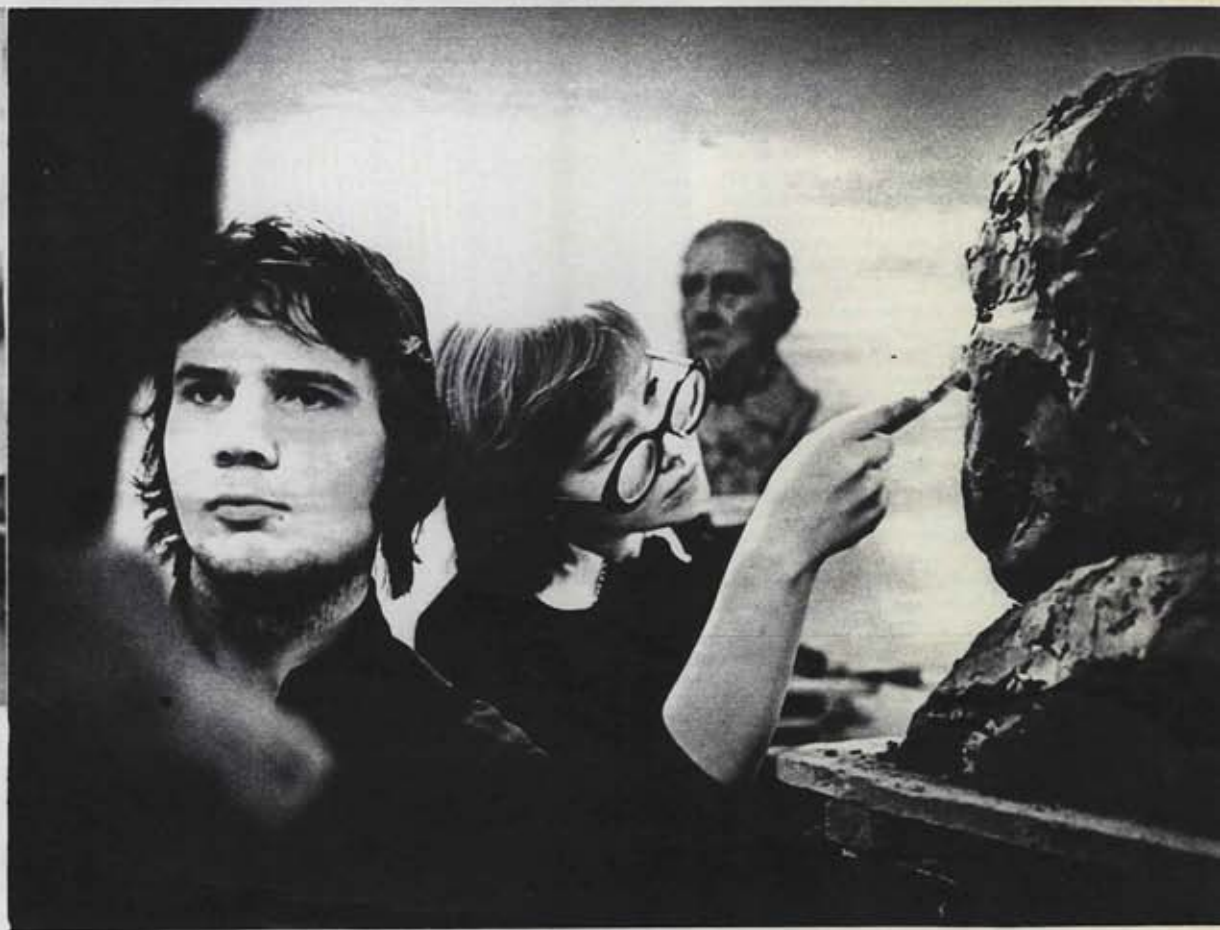
Г. ЧУХРАЙ. Я думаю, что заставить подражать, как вы сказали, не только не единственная цель—это вообще не цель искусства. Однако подражают ли героям фильмов? Да. Иногда это идет на пользу, иногда—нет. Цель же искусства, на мой взгляд,—в воспитании чувств. Есть, конечно, люди, которые понимают цель искусства несколько упрощенно, считают, что искусство напрямую воздействует примером. Показали, положим, хорошего производственника—и все зрители немедленно кинутся перевыполнять план. Показали вора—и резко вырастет кривая преступлений. Это—заблуждение, не имеющее ничего общего с искусством.

Вот пример. После выхода на экраны фильма «Чистое небо» я получил письмо от группы девушек, обучающихся в народном университете. Они были возмущены тем, что героиня картины на четвертый день своего знакомства с героем привела его к себе домой и осталась с ним ночью. «Разве так поступают советские девушки?»—спрашивали они. Бедные девушки, подумал я, прочитав письмо. Они даже не заметили, что героиня на всю жизнь осталась верна этому человеку, не бросила его в дни самых страшных испытаний и любила только его. Но дело даже не в этом. На четвертый день нельзя, а на какой можно?

С. СОЛОВЬЕВ. А существует норма, что и когда можно, а что и когда нельзя?.. Может быть, на десятый можно?

ТАК НАЧИНАЮТ ЖИТЬ МЕЛОДИЕЙ.

ОБРАЗЫ, ИЗВЛЕЧЕННЫЕ ИЗ КАМНЯ.

школы выходили не узкие специалисты, а настоящие художники, артисты в лучшем смысле слова—всесторонне образованные, высококультурные, эрудированные люди.

Тут же оговорюсь. Получив после окончания нашей школы аттестат зрелости и удостоверение о пройденном курсе на одном из ее отделений, наши выпускники, чтобы стать самостоятельными работниками искусств, затем должны получить высшее образование по избранной специальности. Лишь выпускники хореографического отделения прямо от нас идут в балетные труппы театров или в народные ансамбли.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ПРИЗАХ

В школу имени Чюрлениса часто приезжают гости из разных городов Советской Литвы, из Москвы и братских республик, из разных стран мира. Когда они спрашивают, какие результаты приносит наша работа, мы показываем им «трофеи» наших учеников. Дипломы и призы, почетные и поощрительные грамоты бережно хранятся в школе. Предметами особой нашей гордости являются награды, полученные в 1971 году на конкурсе молодежи в Чехословакии, который носил название «Биеннале фантазии». Работа нашей ученицы Дайны Степо-

навичюте «Корабль» была удостоена высшей награды—«Гран-при», а школа имени Чюрлениса получила первую премию за лучшую коллекцию присланных работ.

Немало призов, премий и наград на счету воспитанников музыкального отделения. Помню, когда маленькие скрипачи и пианисты нашей школы два года назад приехали на очередной конкурс юных исполнителей в Чехословакию, устроители этого смотря встретили их словами: «Ну, раз приехали дети из школы Чюрлениса, основные призы опять уедут в Вильнюс...» Среди трофеев этого отделения есть приз, вызывающий у наших го-

стей особое восхищение. Это золотая медаль, которую оркестр Школы искусств осенью 1976 года завоевал на международном конкурсе молодежных оркестров в Западном Берлине в упорной борьбе с коллективами из Австралии, Австрии, Болгарии, Польши, США, Финляндии, ФРГ, Чехословакии и Японии. Про наших мальчиков и девочек знаменитый дирижер Герберт фон Караян, чье имя носит конкурс, сказал, что «если дети так играют, то за будущее музыки нечего тревожиться...». (Кстати, после завоевания золотой медали оркестру нашей школы было присвоено звание заслуженного коллектива республики.)

ЕЕ МЕЧТА — БАЛЕТ.

ОРКЕСТР, В КОТОРОМ КАЖДЫЙ ЧУВСТВУЕТ СЕБЯ СОЛИСТОМ.

У наших танцоров еще нет таких громких титулов и наград, как у их коллег. Но некоторые из тех, кто окончил нашу школу, уже исполняют основные партии в балетных спектаклях Государственного академического театра оперы и балета Литовской ССР, танцуют на сцене Каунасского музыкального театра, в прославленном ансамбле литовских народных песен и танцев «Лиегува». Не раз уже наши учащиеся привлекали внимание самых требовательных критиков исполнением балетов «Коппелия», «Щелкунчик», «Шопениана» и других.

Самой высокой наградой является для нас премия Ленинского комсомола, которой Школа искусств имени Чюрлениса была удостоена в 1972 году за выдающиеся успехи в деле эстетического воспитания детей и молодежи.

О всех этих премиях, призах, наградах и медалях, об успешных выступлениях учеников школы в городах родной республики, за пределами Литвы, за рубежом у нас в школе знает каждый, о них часто писалось в газетах и журналах. Но всякий раз, когда возникает разговор на эту тему с нашими учащимися — маленькими и большими, — педагоги стараются направить его в такое русло, чтобы заострить внимание детей не на лаврах и наградах, букетах цветов и аплодисментах, а на том огромном труде, который вложен в завоевание каждого из этих трофеев.

НЕ ВУНДЕРКИНДЫ И НЕ «ЗВЕЗДЫ»

Вопрос о «лаврах» тут затронут не случайно. Ведь нам хорошо известно, что многие мамы и папы еще задолго до того дня, когда их любимцы поступают в Школу искусств, уже мечтают о том, чтобы они стали всемирно известными солистами, знаменитыми балеринами, неповторимыми художниками — словом, «звездами» первой величины. Мы принимаем самых способных, и все же кое-кому из наших учеников со временем приходится расстаться с мечтой об окончании Школы

Г. ЧУХРАЙ. Это — нормативное, косное, омертвевшее мышление. Все раз и навсегда разложено по полочкам. И того же эти девушки ждут от искусства, а искусство — это не преискусство хороших поступков.

Кинематограф призван развивать чувства. Человечеству в конечном счете далеко не безразлично, способен ли некий отдельный индивидуум к высокой любви или нет. Смешно, но некоторые утверждают, что нельзя доверять чувствам. Они, дескать, только мешают... Но это же глупо, нельзя доверять дурному чувству. Эмоции толкают нас на высокие или низкие поступки. Искусство может воспитывать эмоции и тем самым воздействовать на наши поступки. Оно, таким образом, учит не тому, как поступать в конкретном случае, а тому, как жить. Представим себе двух начальников. Оба умны и вежливы, доброжелательны к подчиненным и гуманны, но первый — потому, что он считает это правильным, а второй — потому, что так чувствует и не может иначе. Кто мне симпатичнее? Разумеется, второй. В критической ситуации первый может и передумать... А второй всегда останется человеком.

С. СОЛОВЬЕВ. Если он стал им в детстве...

Когда шел отбор исполнителей для фильма «Сто дней», я встретился с несколькими сотнями старшеклассников. Я не искал актерствующих детей, поэтому никого не просил прочесть басню, а просто пытался говорить с ними о жизни, о литературе, о кино. Помню, спросил я одного парня, знает ли он, кто такой Онегин. «Да знаю!» — ответил он мне со злобой. «А чего ж ты злишься?» — заинтересовался я. «Русским языком же сказано — лишний человек. Так он и мне лишний!» — сказал мальчишка. И это, к сожалению, была не единственная встреча с вовсе не плохим подростком, который терпеть не может клас-

сическую литературу, а читает только приключения и фантастику.

Нормативное мышление, нормативное чувствование, как ни обидно, во многом прививаются нашим зрителям школой. Расхожие педагогические схемы и штампы, с помощью которых «проходят» литературу, приносят большой вред. Поэтому Онегин для иных ребят — это всего лишь неискренний тип, который к больному дяде ехал с мыслью: «Когда же черт возьмет тебя!»

Г. ЧУХРАЙ. Именно эта нормативность преподавания отбивает вкус к высоким произведениям литературы. Это плохо. Но нет ничего плохого в увлечении фантастикой и приключениями. В условиях, когда мальчишка слышит: этого нельзя, а этого не может быть, потому что не может быть никогда, — ему особенно остро хочется чудес, загадок, тайн. Ему хочется фантазировать. Вообще фантазия — ценнейшее качество человеческого интеллекта, что стало особенно очевидным после изобретения компьютеров. Скажем, логическое мышление оказалось вполне доступным для ЭВМ, а вот интуиция, фантазия, воображение не моделируются. Зритель хочет фантастики, но мы почему-то спешим отдать сценарии фантастических фильмов на консультацию тем, кто всегда осудит фантастику за то, что она не наука. А фантастика и не должна быть наукой! Она на это совсем не претендует.

С. СОЛОВЬЕВ. Печально, когда и кино тоже становится способом доказывать давно известные истины. Сплошь и рядом зритель приходит в кинотеатр лишь затем, чтобы убедиться: то, о чем ему рассказали с экрана, он знал сто лет назад. Плохо, когда искусство не несет в себе открытий. В чем,

искусств и перейти в обычную среднюю школу. Трагедии мы в этом не видим, ведь благодаря тому, что дети у нас проходят полный курс общеобразовательной средней школы, особых трудностей с дальнейшей учебной не бывает. Полученные же у нас знания по разным видам искусств в любом случае даром не пропадают.

В Конституции СССР зафиксировано важное завоевание нашего общества: «Граждане СССР имеют право на образование». Оно имеет самое прямое отношение и к нашим ученикам. Однако мы постоянно напоминаем им, что

реализовать это свое право они могут только в одном случае: если всегда будут трудиться с полной отдачей.

Мы с самого раннего возраста приучаем наших воспитанников к мысли о том, что им предстоит стать труженниками искусства, что уделом работника искусства является прежде всего повседневный и весьма нелегкий труд, а не ослепительная слава... По той же причине у нас не в почете слово «вундеркинд», хотя я твердо убежден в том, что среди наших «чюрленинцев» много действительно ярких талантов.

Преподавателями у нас работают

многие видные деятели искусств республики. Одни из них умеют и любят учить самых маленьких, начинающих; другие, по складу своего характера и стилю работы, предпочитают брать под свою опеку детей, уже прошедших начальную стадию обучения и накопивших определенную сумму знаний, навыков и умений. Опираясь на этот багаж ученика, они берутся за формирование его творческой индивидуальности, помогая ему добиваться профессионального мастерства и совершенства.

Здесь перед школой возникает важ-

скажем, причина успеха той же «Калины красной» Василия Шукшина? Да в том, что на очень простом материале, без электронных завываний и эффектной бутафории зрителям дали новую, незапрограммированную, не предвиденную ими информацию. Они увидели абрис уникальной человеческой души. А это, оказывается, не менее интересно, чем лунный пейзаж.

Г. ЧУХРАЙ. Мы следим за судьбой Егора Прокудина и сопереживаем герою фильма, радуемся проявлению доброго и человеческого в нем. А когда он погибает, мы понимаем, как это страшно—смерть одного-единственного человека. Я не люблю фильмов, где кровь льется рекой, где люди мрут как мухи, а зрителя это не трогает. Не люблю фильмов, где смерти и убийства—повод для развлечения.

В свое время мне перевели статью по поводу «Баллады о солдате», напечатанную в Китае. Меня критиковали за то, что я показал: война—несчастье. Между тем как, по мнению моих пекинских критиков, война—это счастье. Осудили меня и за то, что в фильме советский солдат бежит от вражеского танка. Но, во-первых, тот же солдат подбил два фашистских танка—это мой оппонент как-то не заметил. А во-вторых, на войне воевали и побеждали живые

люди. Герой, по моему мнению, это не тот, кто не боится смерти, ранения, увечья. Этого не боятся только психически ненормальные... Нормальный человек хочет жить. Но он не хочет жить рабом и не хочет видеть свой народ в рабстве и поэтому идет сражаться. Чувство собственного достоинства, чувство ответственности за себя, за своих товарищей, за судьбу страны не позволяет ему отступить.

Кино не может научить человека воевать, как не может научить и математике. Зато может научить ценить человеческое, беречь свою честь, свои убеждения и идеалы. Если бы влияние кинематографа на зрителя ограничивалось воспитанием на примере, то в лучшем случае каждый удачный положительный образ призывал бы к какому-то конкретному поступку. А между тем такой фильм, как «Летят журавли», может—и это видно на вашем примере—переменить всю жизнь человека, что называется, перевернуть душу.

...Наш сегодняшний разговор о Великой Октябрьской социалистической революции привел нас к мыслям о воспитательной функции искусства кино, о контакте между настоящим фильмом и зрителем. Что ж, в этом есть своя логика. Если мы считаем себя потомками тех, кто совершил революцию, если мы считаем себя советскими художника-

ми,—наш долг воспитывать в людях горячие сердца, будить в них ненависть к бессмысленному существованию, к корыстолюбию, к ханжеству, к цинизму, к болтовне... Даже враги Октября не отрицают гигантского завоевания нашей революции: шестьдесят лет назад для всего народа стали доступны не просто грамотность, но и вся мировая наука и культура. Кино—один из самых демократических видов искусства. Наши фильмы предназначены для внимательной, придирчивой и в то же время благожелательной аудитории. И если нас огорчает некоторая нормативность мышления части зрителей и критиков или необеспеченность мыслью и нравственной позицией иных из наших фильмов, то происходит это от убежденности в том, что проблемы эти решить можно.

С. СОЛОВЬЕВ. Я уже говорил о том, что кино—это вдвойне коллективное искусство. Потомки, конечно, разберутся, что у нас получилось, но я надеюсь, что общим итогом этой большой работы станет портрет нашего сложного, бурного, отнюдь не лишнего проблем и трудностей, но так много определяющего в истории человечества Времени.

Диалог записал
Сергей ВИШНЯКОВ.

ГАРМОНИЯ

ОДУХОТВОРЕННОСТЬ.

ная проблема: как добиться того, чтобы личность, авторитет, стиль педагога не подавляли дарования, способностей, индивидуальности ученика, а, наоборот, вдохновляли его на поиски своего пути, своего «Я». Это имеет большое значение на всех отделениях школы, в любой специальности. Ведь нам нужно не «штамповать копии» выдающихся представителей разных видов искусства, а развивать молодые таланты, создавать для них благоприятные условия для раскрытия своих наиболее ярких качеств, для подлинного творческого роста. Поэтому в работе наших лучших педагогов мы особо ценим умение передавать ученикам мастерство, поощрять их стремление к самостоятельной работе, давать прочную основу профессионализма, не навязывая своей манеры, своего почерка.

...Каждый год мы принимаем сотни гостей из нашей страны и из-за рубежа. Нередко гости становятся нашими последователями. Так началось наше шефство над детской школой искусств в столице Северной Осетии Орджоникидзе. Предполагается, что школы, подобные нашей, будут открыты в

Ташкенте, в Тольятти, в столице братской Болгарии. Большой интерес к школе имени Чюрлениса, который проявляют наши друзья из всех республик страны, открывает огромные возможности интернационального воспитания... Я вспоминаю наше пребывание в Северной Осетии. В горах, в Курталинском ущелье, стоит памятник Ленину, воздвигнутый горцами сразу же после смерти самого дорогого для всех нас человека. В глазах наших детей, стоявших у памятника, я видел безмолвное ощущение той человечности, той великой простоты, которая отличала Владимира Ильича. Такие моменты не исчезают из памяти, соединяя прочувствованное с нашими самыми глубокими убеждениями.

Запечатлелся в памяти вечер в городе Делфте (Нидерланды), где наши оркестранты музицировали вместе с молодыми голландцами. Как удивительно звучала тогда музыка Чайковского и Андриссена... С большим удо-

вольствием я наблюдал дружеское общение ребят, слушал их веселые шутки... А когда нужно было решить, какое произведение исполнит школьный оркестр на заключительном концерте победителей международного конкурса в зале западноберлинской филармонии, стоящей в полукилометре от рейхстага, все единогласно решили: Камерную симфонию Шостаковича, посвященную памяти жертв фашизма и войны. И играли, и как играли! По реакции трех тысяч слушателей я понял: все, что вложили в игру дети, дошло до зрителей, заставило их задуматься о страшном, таком еще недалеком прошлом. И сыграть так нашим детям помогло не только высокое профессиональное мастерство, но и чувство истории, чувство советского патриотизма, чувство живой творческой связи между поколениями... Все это существует в некоем единстве, одухотворяющем искусство наших воспитанников, сообщаящем ему под-

линную глубину и человечность. И сейчас, в дни великого праздника—шестидесятилетия Октября, я с особым удовлетворением отмечаю в наших учениках способность чувствовать именно так, способность, развитую и воспитанную в них школой имени Чюрлениса.

Пройдут годы, наши ученики вырастут, и мы твердо верим, что подавляющее большинство найдет свое место в искусстве. Но нам недостаточно того, что они станут квалифицированными исполнителями, дирижерами, художниками, танцорами. Нам еще очень важно, чтобы они выросли настоящими людьми, творцами будущего своей великой Родины. И очень хочется, чтобы они еще в годы учебы глубоко прониклись идеями добра и красоты, которые своим искусством утверждал Чюрленис, чтобы им глубоко запали в сердца его слова: «Как это прекрасно—быть нужным людям и чувствовать свет в своих ладонях».

ОСОБО ОПАСНЫЙ ПРЕСТУПНИК

ПОВЕСТЬ В ЭПИЗОДАХ, ПИСЬМАХ, ДОКУМЕНТАХ (1902—1905 гг.)

...Николаев был таким же шумным, толстым, прожорливым, как и в поезде, словно бы не прошло два долгих года.

— Ого!—сказал он, входя в номер Гуровской.—Неплохо живут революционеры в изгнании! Ваша берлога?

Дзержинский улыбнулся:

— Моя приятельница сняла этот номер специально для нашей встречи.

— Зачем деньги зазря бросать? Ко мне бы приехали, да и все!

— За вами могут смотреть: за каждым заметным русским нет-нет да присматривают.

— Я пойду в библиотеку,—сказала Гуровская,—располагайтесь как дома.

Дзержинский удивился:

— Мы вас стесняем?

— Нет, нет, право же, нет! Я вспомнила, что мне надо сегодня до закрытия взять книги, завтра экзамен!

(Шла Елена Игоревна не книги брать: она спустилась к портье и, вызвав посольский номер Гартинга, сказала:

— Передайте Аркадию Михайловичу, чтоб он ко мне сегодня не приходил.)

— Бред какой-то,—ярился Николаев,—бред, понимаете?! Япошки нас лупят. Надо же было додуматься влезть в эту порт-артуровскую авантюру, а? Кто?! Кто это затеял, Феликс Эдмундович?

— Кто, Кирилл Прокопьевич?!—в тон Николаеву поинтересовался Дзержинский.—Бюрократия. Армия. Царь. Разве не ясно?! Ваш брат—тоже хорош. Сколько денег со всех сторон в царскую казну лилось?

— Лилось-то лилось, а что случилось? Во что эти деньги превратились? Думаете, мне жаль платить? Отнюдь! Готов! Но на дело.

— Вот поэтому мне и надобно было вас видеть. Во-первых, спасибо за те деньги.—Дзержинский достал марки и двадцать рублей, протянул их Николаеву.—Вы меня крепко выручили тогда.

— Вы с ума сошли?

— Не обижайте меня,—легко попросил Дзержинский,—не надо. Вопрос о другом сейчас пойдет. Нам деньги нужны, очень много денег, и мы хотим просить их у вас заимобразно.

— Много—это как?

— Это две тысячи марок.

Николаев тихонько засмеялся.

— Много,—повторил он,—не в силах сдержать мелкий, вибрирующий смех.—Две тысячи! Это много

для вас? Ой, рассмешили, две тысячи! Несерьезная вы организация, если для вас две тысячи—это много...

Дзержинский нахмурился:

— Мы, как организация, состоим из тех, кто в месяц зарабатывает двадцать рублей, Кирилл Прокопьевич.

— Ну, это понятно, это они, бедолаги,—все еще не в силах успокоиться, продолжал Николаев, колышась в кресле,—а вы сколько получаете от своих партийных ЦК?

— Я в месяц получаю тридцать. Мои разъезды оплачивает партия. Квартиру в случае нужды—тоже.

Николаев смеяться перестал резко, будто все время был серьезен.

— Выдержите так?

— Как?

— В нужде, чахотке, в изгнании, ссылке. Выдержите?

— Я верю.

— А ну усталость?

— Я же не себе служу.

— Вы, кстати, сказали заимобразно. Когда собираетесь вернуть?

— Когда нужно?

— Допустим, через год.

— Хорошо. Мы вернем.

— Как соберете?

— Соберем. Постепенно соберем. Чем больше мужиков разорят, тем больше их придет на фабрику, чем больше их станет на фабрике, тем больше появится вопросов, на которые ответ дают не «Биржевые ведомости» и не «Новое время», а мы.

— Допустим, вы победили,—сказал Николаев,—допустим, хотя я в это не верю и молю господу, чтобы этого не было. Я за первую половину ленинской программы, я за буржуазно-демократическое, но я, как понимаете, против революционно-пролетарского...

— Это я понимаю.

— Вы сейчас можете стать тем тараном, который пробьет нужную мне брешь. Но, повторю, допустим, случилось невозможное, и вы победили. Что тогда? Меня на гильотину?

— Кто вы по профессии?

— Как кто? Путеец.

— Дадим чин начальника железной дороги,—улыбнулся Дзержинский,—право, дадим.

Николаев открыл чекую книжку, написал сумму, протянул Дзержинскому:

— Можете не возвращать. Или уж когда победите...

Феликс Эдмундович, умный вы и хороший человек, нас всех ждет хаос и гибель, гибель и хаос. И ничего с этим грядущим не поделаешь, ибо Россия ни вами, ни мною понята быть не может—чертовски странная держава, в ней какие-то загогулины сокрыты, перекачиваются незримо—хватя!—ан нет, выскользнула!

Поразительно, знаете ли—государство пухнет, народ слабеет. Государь всего боится, не хочет позволить русским осознать свою ответственность за страну, он хочет все движение, всякую мысль и деяние подчинить Зимнему, себе, как выразителю идеи государственности.—в этом беда.

— Не его. Ваша. Национальный мистицизм таит в себе блеск и детскость,—заметил Дзержинский.—А вы этим блеском прельстились—удобно: за тебя выдумали, сформулировали, пропечатали—прикрывайся на здоровье!

— Ну, мистицизм, ну, верно. Так разве не правда?

— Конечно, нет. Станете вы хозяином промышленной империи, настройте железных дорог на Востоке и Западе—тоже все будете под себя подминать и придумаете—а может, кто другой, у вас на это времени не будет, делом надо будет воровать,—некую концепцию оправдания промышленного централизма.

— Что предложите взамен?

— Вы же Ленина читаете?

— Так он рассматривает Россию как сообщество мыслящих! А где вы их видели у нас? Или уж берите все в свои руки поскорее и начинайте, иначе погибнет держава, к чертям собачьим погибнет, скатится в разряд третьесортных—это после Пушкина-то и Достоевского, а?

В дверь постучались. Дзержинский ответил.

— Пожалуйста.

Вошла толстенькая немочка с пакетом.

— Это белье для госпожи,—извинилась она,—я не знала, что у госпожи гости.

— Какое белье?—не сразу понял Дзержинский.

— Три дня назад госпожа давала свое белье в стирку.

— Спасибо,—ответил Дзержинский, потом вдруг нахмурился и переспросил:—Когда вам отдавала белье госпожа?

— Три дня назад,—ответила служанка.—Когда госпожа вернулась из Парижа.

— А в Париж госпожа уехала две недели назад?—уточнил Дзержинский.

— Нет,—ответила служанка,—десять дней назад. А вернувшись, сразу же попросила взять в стирку белье...

Когда дверь затворилась, Дзержинский поднялся и спросил:

— У вас курить ничего нет?

Николаев удивился:

— Разве вы курящий?

— Нет.

— Так и не курите, не надо. Пошли ужинать лучше, а? Вкусно угощу.

— Джон Иванович по-прежнему в добром здравии?—словно бы не слыша Николаева, спросил Дзержинский.—Все такой же веселый?

— А чего ему горевать? Россия с япошками завязала, родине его от этого выгода, дивиденды будут, а он деньги в калифорнийском банке держит, хоть помирать собирается при мне.

— Как вы думаете, он согласится выполнить мою просьбу?

...Гуровская вернулась сразу, как только вышел Николаев. Было поздно, и Гартинг, казалось ей, не должен прийти сейчас, да и Дзержинский, видимо, сразу откланяется.

— Ну, все хорошо?—спросила она.—Я, по правде, не хотела вам мешать, потому и ушла.

— Напрасно вы это,—сказал Дзержинский.—Право, напрасно. Тем более, что путного разговора у меня не вышло.

— Кто этот господин?

— Эсер-боевик. Готовит экспроприацию в Варшаве.

— Видимо, не женевский?

— Да, он все больше в Лондоне или России. Можно, я позвоню?

— Конечно, пожалуйста...

Гуровская вышла в другую комнату. Дзержинский проводил ее взглядом задумчивым, назвал телефонистке номер, потом чуть прижал пальцем рычаг, чтоб отбой был, и сказал в пустую трубку:

— Николай? Это я. Через три дня, с московским поездом, в четвертом купе первого класса поедет «дядя» с багажом. Пусть его встретят на границе. Его узнают: он в красной шапочке с помпоном, плохо говорит по-русски. Он передаст красный баул Юзефу. До встречи.

Гуровская появилась через мгновение после того, как Дзержинский положил трубку.

— Чаю хотите?—спросила она.

Дзержинский оглядел ее фигуру, лицо, вымученно улыбнулся и ответил:

— Спасибо. Я пойду. У меня что-то голова кружится.

— Так вот и надо чаю, обязательно стакан крепкого чая. Я сейчас мигом кликну!

Дзержинский не мог подняться с кресла: его давила тяжесть, он ни разу в жизни еще не видел провокатора так близко.

...Когда жандармы провели по перрону Джона Ивановича, а следом носильщик проволока красный баул, Винценты впрыгнул в вагон и, прилипнув к окну, тяжело засмолил папиросу. («От всяких встреч с Ноттенем воздержитесь, адрес смените,— писал ему Дзержинский,— особенно если заберут Джона. И немедленно уходите в Берлин».)

Финансовый инспектор краковского муниципалитета на этот раз поглядел на пана Норовского спокойно, с улыбкой, понимая, что сейчас старик станет просить его, взывать к сердцу, унижать себя, а это чужое унижение для маленького человека сладко, оттого как на этом-то именно он начинает ощущать свою нужность и значимость.

— Хорошо, что пришли без напоминания,— сказал чиновник,— а то бы завтра мы отправили к вам команду—ломать стены.

Норовский на указанный ему стул садиться не стал, вытащил из кармана бумажник и молча отсчитал деньги.

— Вот, пожалуйста,— сказал он, с трудом сдерживая торжество,— здесь та сумма, о которой вы говорили: две тысячи марок.

31

Члены Главного правления СДКПил собрались на квартире Розы Люксембург.

Дзержинский говорил тихо, с болью:

— Винценты видел своими глазами, как задержали американца. О том, что он поедет, знали два человека—Гуровская и я. Я организовал ее проверку в Варшаве. Она связана с охранкой. На ее совести Грыбас.

— Случайность исключена?

— Сотая доля вероятия,— ответил Дзержинский.

— Предложения, товарищи?—спросила Люксембург.—Какие предложения?

— Товарищ Люксембург,— поднялся Иван Прохоров.—В Питере, Москве и Варшаве повешены за последние четыре месяца восемнадцать человек. Погиб Мацей Грыбас. Наш ответ сатрапам может быть один: казнь провокатора.

Дзержинский прикрыл веки пальцами—было видно, как они чуть подрагивали.

— Товарищ Роза.—Член Главного правления партии был быстр, яростен, ноздри трепыхали.—Событие это чрезвычайное. Птаха, которую мы все знали, которой помогли, готовили к экзаменам, кормили...

— Это словопрения,—перебила Люксембург.—Прошу по существу вопроса.

— Это не словопрения! Это сердце мое!

— И это словопрения,—так же сухо перебила Люксембург.

— Хорошо. Я за немедленный партийный суд.

— Кто следующий?

— Суд.

— Пожалуйста, ты?

— Казнь.

— Ты?

— Казнь.

— Феликс?

Дзержинский тяжело поднял покрасневшие веки, встал:

— Я против.

— Мотивация?—по-прежнему сухо осведомилась Люксембург.

— Когда меня спросили: «Случайность исключена?»—я ответил: «Сотая доля вероятия». Необходимо выяснить—и это главное,—кто хозяин Гуровской. Кто из охранки ломает людей, кто калечит их жизни, кто подкрадывается к нам через своих. И здесь, в Берлине, и там, в Варшаве. Особенно опасен ее берлинский хозяин, ибо он суть символ коалиции полицейских ведомств Германии, Австро-Венгрии и России.

В комнате было тихо, и тишина была давящей, ожидающей, готовой вот-вот смениться всеобщим шумом.

— Мы уподобимся эсерам,—продолжал Дзержинский.—Суды, слезки, казни, кровь, террор—не наш метод. Если мы убедимся до конца, что Гуровская служит охранке, наш долг заключается в том, чтобы дать ей возможность принести покаяние, открыв нам правду. Если она откажется от этого, тогда мы публично оповестим о ее провокаторстве в социалистической прессе мира.

— Какими доказательствами это будет подтверждено?—осведомилась Люксембург.

— Неопровержимыми.

— Я категорически не согласен с Юзефом,—сказал Иван Прохоров.—Я прошу поставить на голосование два предложения—мое, о казни, и его.

— Прежде чем приступим к голосованию, угодно ли будет выслушать мое мнение?—спросила Люксембург.—Я, к сожалению, вынуждена согласиться с Юзефом. То, что предлагаете вы, идет от сердца, без раздумий о стратегии, то есть о будущем. То, на чем

настаивает Юзеф и что, к сожалению, обязана поддержать я, есть мнение человека, заглянувшего вперед, в то туманное далеко, что не каждому дано видеть. Юзеф прав, мы не можем повторять тактику эсеров. В этом локальном эпизоде должна проявиться наша позиция: либо казнь, таинственный суд, который позволит здешней полиции раздуть очередное дело об анархистах и пугать этим массы, либо открытое, пренебрежительное, свидетельствующее о нашей силе оповещение в печати: «Такой-то или такая-то состоит сотрудником охраны. Предупреждаем об этом всех товарищей по борьбе». Однако такого рода обвинения мы вправе выдвинуть лишь после того, как Юзеф доведет до конца свой план... А теперь прошу голосовать...

32

(План Дзержинского развивался стремительно. Группы наблюдения сообщили о двух встречах Гуровской с Гартингом.

Выяснили, что Гартинг жил в Берлине, как «дипломат», однако постоянно встречался с полицейскими офицерами — свой человек на Александерплац).

Дзержинский ждал Гуровскую на улице.

— Еле... Птаха... — сказал он, — у нас к вам очень серьезное поручение. Я прошу вас сегодня же выехать в Варшаву, встретиться там с Мечиславом и передать ему следующее: «Иван ведет себя подозрительно. Либо он уже заагентурен охраной, либо это вот-вот случится». Выехать надо сегодня же.

— Боже мой! Кто этот Иван?!

— Это Прохоров. Иван Прохоров, — ответил Дзержинский и передал Гуровской билет. — Здесь билет на Варшаву, Птаха. От вас зависит жизнь многих товарищей. Вы имеете право побывать только у Ноттена, там вас Мечислав найдет. Больше вы никуда выходить не должны. К Ноттену — и немедленно обратно. Договорились? Мы ждем вас послезавтра.

— Хорошо, Юзеф, я все сделаю. Что вы так ослунулись, милый? Не больны?

— Болен.

— Легкие?

— Нет, сердце.

Он легко поднялся со скамейки и пошел по бульвару.

33

— Глеб Витальевич, — сказал Шевяков, вызвав к себе Глазова, — вы мне Ноттена приготовьте. Я хочу забрать его у вас на время.

— Для какой цели?

— Я верну его, Глеб Витальевич, истый крест, верну.

— Я должен знать, для какой цели вы берете моего сотрудника, Владимир Иванович. Это мое право.

— О правах-то не надо бы. Пока я ваш начальник, меру прав определять дано мне. А вам следует выполнять указания и в споры, так сказать, не влезать.

— Нехорошо выходит, Владимир Иванович. Дело мы начинали сообща, а сейчас вы все к себе, да с собой.

— Звезд вам на погонах мало? Подполковником из моих рук стали! Крестов на груди сколько! Побойтесь бога!

— Не станет с вами Ноттен работать, — убежденно сказал Глазов.

— И-и-эх! — мелко затрясся Шевяков. — Эх вас задевает! Честолюбивы, Глеб Витальевич, честолюбивы! Станет! — оборвав смех, тихо сказал полковник. — Еще как станет. Как Гуровская. У меня не побалуешь. Так что вызывайте его и готовьте к передаче.

Глазов тяжело посмотрел вслед ушедшему Шевякову, поднялся, походил по кабинету, потом нажал кнопку на столе, сказал унтеру, появившемуся у двери:

— Ротмистра Турчанинова ко мне.

Турчанинов вошел сразу же, словно бы ждал вызова.

— Что вы мне можете сказать о председателе «союза Михаила архангела» Храмове, ротмистр? И его компаньоне графе Мечиславе Пружанском?

— Весьма интеллигентные люди, — ответил Турчанинов. — Умны, щедры. Доброты преогромнейшей.

— Вы злитесь бросьте, — поморщился Глазов. — В тайном сыске служите, а не в ателье мод. С кем связаны, мера весомости в сферах, степень надежности, финансовое положение?

— Связаны с министром внутренних дел Дурново, весьма благосклонно к ним относится великий князь Сергей Александрович, надежны абсолютно, счет в банке составляет двести пятьдесят тысяч золотом, две мукомольные фабрики в полном владении, акций держат тысяч на пятьсот, в основном германских фирм.

Ужин был накрыт роскошный — хозяин мукомольной фабрики Егор Саввич Храмов человеком был щедрым от природы, а уж когда дело касалось «союза», тут и говорить нечего.

— Рад личному, так сказать, знакомству, — сказал тучный Храмов, тяжело вышагивая навстречу Глазову, — а то все по телефону да по телефону, Глеб Витальевич.

— И я рад личному знакомству, — ответил Глазов, пожимая оладистую руку мукомола, — от всей души рад.

— Прошу во главу как старшего, по обычаю.

— Стариком бы уж не делали, не хочу в старики, Егор Саввич.

— Как за тридцать перевалило, так, почитай, в старость поехали, — с ярмарки, что называется.

— Не хочу, не хочу с ярмарки, — улыбнулся Глазов, осматривая стол, — хочу на ярмарку.

— Экипажей у нас достаточно, скажите куда — подадим. Где только ярмарка нынче?

— Ярмарка в Петербурге, — ответил Глазов. — Там сейчас начнется шумная ярмарка, Егор Саввич.

— Икорочки, икорочки побольше, Глеб Витальевич, она, говорят, способствует. Я просил специально из отборной муки блинчиков испечь — хлеб, он всех основ основа!

— И правопорядок, — добавил Глазов, заворачивая икру в кружевной блин, — жесточайший правопорядок.

— Не сыпьте раны-то солью, Глеб Витальевич, — подняв рюмку, жалостливо сморщился Храмов, — не надо! Я понимаю, что раны у нас общие, только ведь я социалистическую сволочь каждый день на свободе вижу в отличие от вас! Вы-то их разглядываете, так сказать, захомутанными, в остроге!

— Не всегда, — ответил Глазов и, чокувшись с Храмовым, медленно опрокинул рюмку: последние месяцы пил много, чувствуя постоянную внутреннюю неустроенность.

— Вы кушайте, кушайте икорку, Глеб Витальевич, и балыка прошу отвредить. Каспийский, весенний, смотрите, как светится, словно лимончик!

— Егор Саввич! — положив балык, спросил Глазов. — Вы деньги на работу вашего «союза Михаила архангела» от кого получаете из Петербурга?

— А зачем сие вам, Глеб Витальевич? — разливая водку, пророкотал Храмов.

— Вы меня к тому человеку продвиньте, Егор Саввич. Я ведь не сразу к вам пришел. Я ведь сначала уповал наших с вами противников социалистов изнутри развалить, руками их же самих. Это трудно. Почти невозможно. Им сломать голову можно только силой объединенной, и ваши легионы должны стать в первые ряды. А посему нам надо уровни занимать, Егор Саввич. А для этого необходимо, чтобы опорные пункты в Петербурге уже сейчас оказались в руках людей умных и не страшщихся дела. Я к числу таких людей, увь, отношусь. Будьте здоровы!

— А позвольте полюбопытствовать, Глеб Витальевич, — прочувствованно спросил Храмов, — как говорится, что на уме, то и на языке: вы Владимиру Ивановичу-то Шевякову, прямому начальнику своему, почему об этом не говорите, а мне рассказали?

— Будьте здоровы, Егор Саввич, — усмехнулся Глазов, чувствуя, что это вопрос решающий. — За ваше благополучие.

Поставил рюмку на стол. Закурил.

— Дело заключается в том, — ответил неторопливо, — что Владимир Иванович Шевяков ваше дело защитить не сможет. Это я вам правду говорю. Защитить вас, ваше дело, ваши германские акции и русские счета могу я. Шевяков мои идеи пожирает, но реализовать их сил мало и ума недостает. А я не мартышка — каштаны из огня таскаю. Посему я к вам и пришел, Егор Саввич. Хотите меня — вашего человека, коли сговоримся — поддерживать и вверх, поближе к министру, двигать или же будете по-прежнему на Шевякова ставить?

В это время в кабинет зашел расфранченный, тонкий, как хлыст, граф Мечислав Пружанский.

— Знакомьтесь, — сказал Храмов, — граф Мечислав Пружанский, компаньон, друг и брат.

— День добрый, пан Глазов, — сказал Пружанский, — рад знакомству.

— Граф к генералу Трепову в Петербурге вхож, с министром вашим дружен, — пояснил Храмов. — Он может ваше дело двинуть, он может.

— А вексель каков под наш уговор будет? — спросил Пружанский.

Глазов папироску аккуратно затушил:

— Дзержинского посажу.

Пружанский глянул на Храмова, рюмку поднял:

— Если так — я согласен.

Назавтра Глазов пригласил Владимира Ноттена на конспиративную квартиру охраны.

— Я к вам с одной любопытной идеей, — сказал Глазов Ноттену, — посему и решил вытащить вас в берлогу. Не сердитесь?

— Не очень.

— Вы добрый человек, профессор Красовский, — усмехнулся Глазов. Заметил недоумение в глазах Ноттена, мягко пояснил: — Псевдоним свой, под которым вас знает Шевяков, надобно всегда помнить. Согласитесь, «Красовский» — хороший псевдоним. Не зря я вам его предложил, умница ведь старик профессор, разве нет?

— Умница...

— Чай будем пить? — предложил Глазов. — Или позволим себе по рюмке джина? У меня отменный джин есть, британский.

— Давайте джин.

— Англичане его разбавляют лимоном со льдом. Увь, ни того, ни другого у меня нет — мы азиаты, вдали от комфорта выросли.

— Если бы только этим ограничивались наши заботы — беда невелика, можно перетерпеть.

— Ваше здоровье!

— И вы не болейте, — аккуратно пошутил Ноттен.

— Если бы я открыл вам имя человека, — тихо сказал Глазов, — близкого к головке, к руководству партии социал-демократов, который в то же самое время работает на Шевякова, как бы вы к этому отнеслись?

— Разоблачил бы.

— А если я назову вам такое имя, которое опрокинет вас, поразит и сомнет?

Ноттен приблизился к Глазову, близоруко заглядывая ему в глаза.

— Кого вы имеете в виду?

— Сначала вы должны дать честное слово, что не станете ничего предпринимать, не посоветовавшись со мной.

— Дал.

— Хорошо. Допустим, я скажу вам, что Елена Казимировна работает с Шевяковым. Допустим, повторю я.

Ноттен отодвинул рюмку:

— Сослагательный в таком вопросе невозможен.

— Ну хорошо, я говорю вам, что Гуровская — агент Шевякова.

— Ее я не стану разоблачать.

— Я понимаю, вы ей многим обязаны...

— Ее я пристрелю, если она агент Шевякова.

— Вы с ума сошли. — Глазов усмехнулся. — Вы сошли с ума.

— Но это правда?

— Вы согласны какое-то время провести в тюрьме, если следствием вашего страдания явится устранение Шевякова?

— Как же он мне ненавистен! Морда его, глазенки маленькие, лбишко... Как же он, видимо, ценен для вашей профессии?

— Это неверно, — возразил Глазов. — Он мешает нашей профессии, потому что хоть и хитер, но глуп, кругозор нет, будущего себе представить не может.

— Я пристрелю их, — повторил Ноттен уверенно и снова быстро выпил.

— Не торопитесь, не торопитесь. Семь раз мерь, один раз режь. С Еленой Казимировной станете говорить? Послушайте меня: она человек отнюдь не потерянный для порядочного общества. Она несчастный человек, задутавшийся, и к Шевякову пришла для того, чтобы вам помочь...

— Мне?!

— Кому же еще? Вы ее по-прежнему любите, Владимир Карлович? А? Только правду себе отвечайте. Вы ж теперь, когда Елены Казимировны нет в Варшаве, у Гали Ричестер, у танцовщицы ночуете. Или так, суета, тянет на стальной ножки?

— Боже, в какой я себя грязи чувствую, — беспомощно сказал Ноттен, — вы что, за каждым моим шагом глядели?

— А как вы думали? — раздраженно ответил Глазов. — Если подставляетесь — смотрим. Чтоб не смотрели, надо было затаиться, как рыба на грунте, а вы развистесь, вас видно кругом. И видно великолепнейшим образом, что Елена Казимировна вас тяготит.

— Налейте, пожалуйста, еще...

— Пивяки пробовали ставить на шею? Вон как лицо у вас играет: то белое, то багровое. Словом, подведете Елену Казимировну к нужному выводу. Это еще думать надо, как. Выход у вас обоих один: убрать Шевякова. Она к нему на квартиру ездит. Он там один ее принимает. Уйти Елене Казимировне можно спокойно, вы подождете в пролетке и отвезете на вокзал. Это легко. Трудно срелетировать, как вы ее подведете к делу. Этим займемся поутру, она к вам завтра из Берлина приезжает? Еще налить?

— Да.

— Без моего сигнала ничего не делайте.

— Да.

— Попробуйте когда-нибудь, идучи по пустому гостиничному коридору, желательнее ночью, подбросить над головой апельсин. Можно, впрочем, и яблоко. Вы

сделаете три шага и поймаете апельсин, а ведь по всем законам он был обязан упасть у вас за спиной... Мы все связаны, Владимир Карлович, мы все связаны незримыми, таинственными узлами, которые в силу невидимости их нерасторжимо вовек.

35

Гуровская закрыла дверь, тихо поставила баул у ног, вдохнула прогорклый запах «кэпстэна», любимого табака Володеньки, и поняла, что он дома — работает.

— Можно? — Она приложила ладонями к двери, крашенной тяжелой «слоновой» масляно краской. — Влодек...

— Да, да! — Ноттен поднялся из-за стола и быстро потер лицо. — Да, Леночка. Здравствуй!

Она бросилась к нему на шею, стала быстро обцеловывать его лоб, глаза, нос, подбородок, губы.

— Бог мой, как я там скучала по тебе, как скучала! Почему сердитый? Ты сердит, Влодек?

— Что ты! Устал.

— У тебя глаза больные. Хворал?

— Нет, нет. Здоров.

— Знаешь, твоя книга на днях выйдет в Берлине. Я договорилась с издателем. «Рассказы о горе» — я сама дала такое название, некогда было тебе писать, да и цензура...

— Боишься цензуры?

— Кто ее сейчас не боится. А что? Отчего ты спросил так?

— Как?

— Ну, не знаю... Так...

— Это ты с дороги так нервна, Лена.

— Почему Лена? Я не люблю, если ты называешь меня Лена.

— Я очень устал, Хеленка. Давай, я приму пальто.

— У тебя жарко.

— Я не открывал окон, мерзну что-то.

На кухне, глянув на Гуровскую, которая сразу же начала хлопотать у стола, Ноттен закрыл глаза и снова стал растирать лицо так, что появились красные полосы.

— Ой, ты похож на жирафа, — рассмеялась Елена Казимировна, — такой же полосатый.

— Нервы расхотались. Все жду, жду, жду, когда придут, а они не приходят.

— Кто?

— Жандармы.

— Ты с профессором Красовским не встречался?

— С кем?! — испуганно переспросил Ноттен, вспоминая сразу же лицо Глазова и его слова о псевдониме.

— Что ты, милый? — улыбнулась Гуровская. — Будто испугался чего...

— Нет, нет, чего мне пугаться... Какого Красовского ты имеешь в виду?

— Профессора. Он и писатель и критик...

— Пан Адам?

— Кажется. Ты знаешь его?

— Шапочно. А что?

— Нет. Ничего.

— Почему ты спросила о нем?

— Роза Люксембург считает, что он к нам близок, она мечтает его привлечь к работе в газете. Как думаешь, согласишься?

— Никакой он не близкий к вам и не согласится ни на какую запрещенную работу.

— Кто тебе скорородки чистит? Меланья?

— Что?

— Скорородки плохо чищены. Песком надо и кипятить...

— Я не замечал.

— Тебе яичницу сделать с салом или с постной ветчиной?

«Теперь я до конца верю Глазову», — понял Ноттен и замер пальцами на лице.

— Сделай глазунью.

— А где подставка, Влодек? Ах, мужчины, мужчины, оставь вас одних на месяц — ничего потом в доме не сыщешь.

— Ставь на тарелку.

— Ты же знаешь, я не люблю, если некрасиво.

— Поставь мне на руку, — тихо сказал Ноттен, — послушаем, как зашипит мясо...

Гуровская резко обернулась.

— Что с тобой?

— Ничего.

— Я тебя заберу с собой в Берлин. Съезжу туда на пять дней по делам партии и вернусь за тобою. Право, не отказывайся. Тебе нельзя здесь больше. Ешь, родной. Соли достаточно?

...Товарищи из «боевки» Уншлихта проводили Гуровскую до того дома, куда за час перед нею приехал полковник Шевяков. Следили и за Ноттенном: поэт отправился на конспиративную квартиру Глазова.

36

Гартинг и Иван Прохоров пьяно вывалились из пролетки ранним утром на пустынной рассветающей

улице. Гартинг на «приманку», пущенную Дзержинским через Гуровскую, клонул. Свел знакомство, последние дни проводили вместе; эту ночь пропьянствовали в ресторане. Гартинг поддержал Ивана под руку, подвел его к входу в отель и тихо сказал — аж лицо изменилось:

— Помимо научных занятий, коим я предан в первую голову, Иван Васильевич, мне приходится выполнять ряд заданий, связанных с практикой политической разведки. Не согласитесь ли вы помочь мне, получая за это соответствующее вознаграждение?

— Не понимаю. — Иван пьяно замотал головой. — С какой разведкой? О чем вы?

— О том самом. Данные, которые меня интересуют, относятся к сфере ваших интересов: социал-демократия Пруссии, ее возможное влияние на внешнеполитическую ориентацию здешнего, прусского кабинета.

— А почему вы, собственно, решили внести мне такое предложение? — спросил Иван. — Я ведь откажусь, Аркадий Михайлович.

— Нет. — Гартинг покачал головой. — Не откажитесь. Смысла нет. Я ж не в провокаторы вас зову, не к унизительному осведомительству. Я зову вас в разведку, без которой нельзя стать политиком. А вы политик, прирожденный политик. Я прочитал стенографический отчет вашей речи во время реферата Каутского. Прекрасно! На вас кое-кто шикал. Еще лучше! Из каких углов? Кто? Какие интересы стоят за этими шкинунами?

— Ваши, — усмехнулся Иван, — чьи ж еще...

— Отнюдь. Вы неправы, сугубо неправы. «Ваши» — это понятие собирательное, то есть расчленяемое. Думаєте, я не рассуждаю о будущем? Ого! Еще как рассуждаю! Считаєте, что мое рассуждение идет в погоню за петербургскими рассуждениями? Ни в коем случае. Естественно, в столице есть люди, которые думают, как я, иначе мне бы не сидеть здесь. Но их пока мало. Растут еще только те, с которыми моим детям и вам — я-то свое пожил — предстоит принять бремя ответственности за судьбу России. Поверьте слову, помочь прогрессу в стране может эволюция — все иное обречено на варварство и отсталость. Лучше помогать, состоя в наших рядах, чем дразнить медведя, как это делают большевики и эсеры. Да, да, именно так; медведь терпит-терпит, а потом как поднимется на задние лапы, как шваркнет когтями по мордасам — костей не соберете. Я приглашаю вас, социалиста, в наши ряды, и я знаю, на что иду: семья неистребима, и линию вы будете гнуть свою, а она у вас при всех шарханьях разумная, справедливая. То-то и оно. Кто больше рискует — не знаю, но позволю высказать предположение, что больше рискую я.

— Вы, случаем, не тайный анархист? — поинтересовался Иван. — Не член ЦК?

— Нет. Они слабы. Институтки от революции. Истерики много, блеска показного. Нет, скорее меня можно причислить к радикальным земцам: я думаю о России как патриот, состоящий в рядах тех, кто готов принять на себя бремя. Да и вы готовы — по глазам вижу.

Через два часа Дзержинский уже знал о предложении Гартинга.

Через пять часов он был на квартире Розы Люксембург.

— Угодно ли вам будет, — медленно говорила Роза Люксембург, стараясь не смотреть в лицо Гуровской, — дать показания? Мы, — повысив голос, словно почувствовав возражения Гуровской, продолжала Люксембург, — не есть партийный суд, но приглашены вы сюда для того, чтобы быть опрошенной в связи с возникшими против вас подозрениями.

— В чем меня подозревают?

— В провокации.

— Это по меньшей мере смешно! Нелепо...

— Угодно ли вам дать объяснения? — не меняя голоса, настойчиво повторила Люксембург.

— Я готова ответить на все вопросы.

— Пожалуйста, Юзеф.

Дзержинский пересел на свободный стул, ближе к Гуровской, и спросил:

— Когда вы вернулись из Парижа?

— Из Парижа? Я только что из Варшавы!

— Я спрашиваю, когда вы были в Париже перед отъездом в Варшаву?

— Это какая-то ошибка! Я не была в Париже.

— По чьему поручению вы были в Париже? — повторил Дзержинский.

Гуровская заставила себя улыбнуться.

— Юзеф, о чем вы?

— Я спрашиваю, — повторил он, — зачем и по чьему заданию вы ездил в Париж?

— Я не была в Париже.

— Это правда?

— Честное слово! Это какой-то вздор, откуда у меня деньги?

— Хорошо. Ответьте, пожалуйста, сколько времени вы жили в гостинице «Адлер»?

— Две ночи.

— Это правда?

— Ну, конечно же, правда.

— Это ложь. Во-первых, вы ездили в Париж. Поездом номер семь, четырнадцатого числа, в третьем вагоне, место пятое. Во-вторых, в гостинице «Адлер» вы прожили в общей сложности шестнадцать дней.

— Да нет же...

Дзержинский достал из кармана копии счетов.

— Можно познакомиться, товарищи. Билет был заказан из гостиницы, копия заверена.

Когда Дзержинский протянул ей счета, Гуровская мельком взглянула на них и сказала негромко:

— Ну, хорошо, да... Ездила в Париж. Но можно ли из-за минутного увлечения обвинять меня в провокации?

— Простите, не поняла, — нахмурилась Люксембург. — Вы очень сумбурно сказали.

— Я увлечена человеком... Он снял мне этот номер, и к нему я ездила в Париж.

— Где вы там жили? — спросил Дзержинский.

— Возле Этюаль, в отеле.

— Название?

— Этого я сейчас не помню.

— опишите отель и номер, в котором вы жили.

— Маленький номер, на четвертом этаже, под крышей.

Дзержинский перебил ее:

— Пожалуйста, говорите правду. Если объект страсти снимал роскошный номер в «Адлере», то отчего в Париже он поселил вас на четвертом этаже, под крышей?

— Боже мой, — тихо сказала Гуровская, — зачем я вам лгу? Товарищи, я должна сказать правду...

— Я очень ждал этого, Елена... — сказал Дзержинский.

— Да, я открою вам правду, — продолжала Гуровская, не услышав Дзержинского, потому что он сказал очень тихо, скорее для себя. — Мой друг, Владимир Ноттен... Нет, не он, а я заключила договор с издательством «Розен унд Шварц» на публикацию его книги «Рассказы о горе». Я получила деньги...

— Значит, никакой «страсти» у вас не было? — потухшим голосом спросил Дзержинский: все то время, пока Гуровская говорила, он ждал правды.

— Была и есть: Влодек Ноттен.

— Почему он спокойно работает у вас на гектографе, а все типографии кругом проваливаются?

— Вы не вправе оскорблять его недоверием! Его статьи и поэмы зовут к революции!

Дзержинский поднялся, отошел в угол — там на столике был графин с водой.

— Где расположено издательство «Розен унд Шварц»? — спросил Винценты.

— Нибелунгштрассе, восемь. Если хотите, можно сходить к господину Герберту Розену.

— опишите дом, в котором помещается издательство, — продолжал Винценты.

— Серый, кажется, трехэтажный. На втором этаже, третья дверь налево.

— Что на столе Розена бросилось вам в глаза?

— Я не помню... Ничего не бросилось. Какая-то фарфоровая лампа... очень большие ножницы.

— Розен вас угощал чем-нибудь?

— Нет. Он предложил кофе — я отказалась.

— Где вы сидели?

— Я? Напротив него.

— В кресле? — Винценты продолжал ставить резкие, настоящие вопросы.

— Кажется... Не помню... Или на стуле.

— Стул с резьбой? Цвет костюма?

— Серый. В мелкую голубую клеточку...

Дзержинский не выдержал:

— Не надо обращать наш разговор в судебные словопрения! Здесь нет прокуроров и присяжных поверенных! Вы ставите мелкие вопросы, Винценты, вы ловите!

Гуровская как-то потянулась вся к Дзержинскому, в глазах ее зажглась надежда:

— Давайте позвоним сейчас к Розену. Он подтвердит!

Дзержинский обернулся:

— А полковник Шевяков подтвердит, если к нему позвоним?

Гуровская, побледев, словно мел, встала. Отступив от стола, она прижалась к стене.

— О чем вы?! — Взгляд ее метнулся к двери, возле которой сидел высокий парень, видно, рабочий — руки у него были тяжелые, с чернымиakraинами у ногтей. — Кто такой Шевяков?

— Послушайте, — сказал Дзержинский. — Мы знаем больше, чем вы думаете. Мы бы не посмели унижить ни себя, ни вас этим разговором. Мы готовы выслушать правду, если вы честно, искренне расскажете, что вы знаете о подполковнике Глазове, каким образом и на чем склонил вас к сотрудничеству Шевяков, кого вы ему отдали...

— Возможно, мы попросим вас и дальше продолжать работу в охранке,— сказал Винченцы,— но уже в интересах партии...

— Я возражаю,— немедленно повернулся к нему Дзержинский.— Я не хочу, чтобы у Гуровской были ненужные иллюзии. Я возражаю!

— Послушаем, что скажет Гуровская,— предложила Люксембург.

— Это какой-то бред, товарищи.— Гуровская по-прежнему стояла у стены.— Да о чем вы все?! Я же объяснила, откуда деньги, и назвала вам фамилию человека, его адрес, который готов подтвердить мою правоту. Я получила от него семьсот марок— соблаговолите выяснить это! Да, я виновата в том, что не сообщила партии о таком гонораре, да, я была обязана внести часть денег в партийную кассу, да, я была обязана...

— Вы ничем никому не обязаны,— сказал Дзержинский.— Товарищи, дальше этот разговор лично я продолжать не намерен. Я не говорю с тем, кому не верю. Если бы эта... этот чело... этот субъект был мужчиной, я бы сейчас проголосовал за казнь! Потому что погиб Мацей Грыбас!

— Нет! Нет!— закричала Гуровская.— Нет! Дайте мне уйти! Я не виновата! Вы не имеете права не верить мне! Я дол...

— Богуслав,— негромко сказала Роза Люксембург.— Отворите двери!

Высокий парень поднялся во весь свой огромный рост. Гуровская смотрела на всех затравленно, и в сухих глазах ее были боль и страх.

...Гуровская стремительно пробежала через комнату, припала к окну: нет ли слезки.

— Геленка? Откуда ты?— Ноттен лежал на диване, обложенный газетами.

Она оторвалась от окна, обернулась к нему, ткнулась лицом в шею и жалобно прокричала:

— Я погибла! Влодек! Я погибла, погибла, погибла!

— Что? Что произошло? Что с тобой? Что случилось?

— Погибла, погибла, погибла!

Ноттен бросился на куцию, принес из ящика настоек валерианы, вылил дрожащей рукой серебрясто-бурую жидкость в воду, дал выпить Гуровской. Придерживал ее голову сзади, как малому ребенку.

— Ну, успокоилась немного?

— Я погибла, погибла, понимаешь, погибла, погибла, погибла...

— Мне уйти?

— Что?! Куда? Бога ради, не уходи. Сейчас я возьму себя в руки. Только не бросай меня.

— Я не терплю истерик. Или ты скажешь мне, что случилось, или я уйду.

— Хорошо. Я скажу. Я тебе скажу все.

— Ну?

— Влодек, любимый, дай мне прийти в себя. Я не могу опомниться. Я тебе расскажу, все расскажу. Только чуть позже.

— Нет. Ты мне все расскажешь сейчас.

— Боже мой, но почему все так жестоко?! Это связано с партией, понимаешь?! С партией!

— Почему ты «погибла» в таком случае?

— Потому что меня заподозрили в провокаторстве.

— Заподозрили или уличили?

— Нет, меня нельзя уличить! Я ни в чем не виновата! Меня только заподозрили...

— «Только заподозрили»,— повторил Ноттен.— Я жду правды, Лена... Я смогу помочь тебе.

— Мне никто не сможет помочь,— ответила она тихо.

Ноттен вышел в соседнюю комнату. Достал из нижнего ящика стола браунинг, который дал ему Глазов, сунул рыбе, скользкое, холодное тельце смерти в карман и вернулся к Гуровской.

— Я могу тебе помочь. Только я. Потому что я укажу тебе путь к спасению. Я дам тебе револьвер, и ты пристрелишь Шевякова.

Гуровская молчала долго, и он чувствовал, как после упоминания фамилии Шевякова тело ее задревенело, особенно спина.

— Ты давно знаешь?— спросила она наконец.

— Знаю.

— От кого?

— От Глазова.

— Значит, мы с тобой оба провокаторы?— странно усмехнулась она.— И скрывали друг от друга. Какая прелесть! Я ведь к ним пошла, чтобы...

— Зачем?

— Так... Из интереса... Истеричка...

— А я к ним не ходил. Они меня арестовали на твоей квартире, у гектографа. Но я отказался, Гелена. Я ничего не сказал им.

Спина ее расслабилась, сделалась мягкой, податливой, и странное подобие улыбки осветило вдруг лицо женщины.

— Слава богу,— сказала она.— Не так гадостно, значит, кругом. И не все подобны мне...

Когда Ноттен, прижавшись спиной к стене дома, услышал щелчки выстрела, а потом еще два таких же глухих щелчка, внутри у него что-то оборвалось. По-прежнему вокруг было тихо, слышались только пьяные голоса и музыка—наверное, праздновали чей-то день ангела.

И в это время распахнулись двери подъезда.

Ноттен сделал было шаг вперед, чтобы схватить Елену за руку и потащить ее через проходные дворы, представляя себе заранее, что после убийства полковника она будет в состоянии невменяемом, но в проеме появился Шевяков, толкавший перед собой Гуровскую, растрепанную, с разбитыми губами. Лицо его было белым, как полотно.

Ноттен ощутил в себе легкость какую-то особую, неведомую ему ранее, и понял, что сейчас потеряет сознание. Он хотел опустить руку в карман пальто и достать глазовский с маленьким дулом браунинг, но не почувствовал в себе сил пошевелиться.

Как в странном сновидении, откуда-то из-за спины Шевякова появился Глазов в шляпе, надвинутой на лицо, выстрелил вперед руку, громыхнуло несколько выстрелов: первым упал Шевяков, второй—Гуровская. Последний выстрел ожег лицо Ноттена, скомкал, повалил, уничтожил.

Окончание следует.

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ Под редакцией заслуженного тренера РСФСР Виктора ЛЮБЛИНСКОГО ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

В двадцатый раз наш журнал приглашает своих читателей на старт шахматной олимпиады. Начиная с 1955 года, когда мы провели первое такое заочное комплексное массовое шахматное соревнование, в сменовских олимпиадах участвовало свыше полмиллиона читателей древней игры. Добрая треть из них стала в ряды шахматистов-разрядников. Свою новую олимпиаду «Смена» посвящает замечательному празднику—60-летию Великого Октября.

Приглашаем всех любителей шахмат, наших читателей из разных районов Советского Союза и зарубежных стран включать в юбилейную олимпиаду «Смены». Желаем всем не только получить

удовольствие от выполнения олимпиадных заданий, но и заслужить высокие оценки и войти в группу победителей!

В программу олимпиады включены разбор и решение красивых композиций и интересных фрагментов из турнирной практики, ответы на тематическую викторину, вопросы которой относятся к истории и достижениям советской шахматной школы, проведение традиционных классификационных соревнований новичков (или выполнение иного, компенсирующего задания), анализ и комментирование не сложного, но содержательного шахматного поединка.

Задания олимпиады разделяются на десять туров. Максимально возможная сумма баллов—120. Такую оценку получают те участники соревнования, которые правильно выполняют все без исключения задания, в строго обусловленные сроки и без каких-либо помарок. Если в композиции или фрагменте будет найдено побочное решение, опровержение авторского замысла и т. п., то в этом случае присуждается количество баллов, определенное для верного ответа.

Следует запомнить, что все ответы в письмах на олимпиаду нужно писать разборчиво, аккуратно. И основные, и второстепенные варианты решения этюдов или задач, разбора фрагментов из практики, текст ходов в комментируемых партиях надо указывать только в сокращенной шахматной нотации. Словесные примечания к анализу поединков нужно приводить с красной строки, а к решению композиций—их вовсе опускать. Оценка олимпиадных работ в

прошлые годы нередко снижалась именно из-за того, что многие читатели, сообщая в принципе верный ответ, оформляли его небрежно. Они не обращали серьезного внимания на требования жюри, изложенные при открытии олимпиады.

Классификационные нормативы устанавливаются только для тех читателей, которые примут активное участие во всех десяти турах. Четвертый спортивный разряд по шахматам будет присвоен шахматистам, набравшим 31 балл из 120 возможных. Для получения третьего разряда необходимо вписать в свой актив 54, а второго разряда 94 балла. Справки о присуждении четвертого (а при хорошем качестве сыгранных партий и более высокого) разряда редакция вышлет также шахматистам, которые удачно выступают в классификационных турнирах олимпиады.

Пять лауреатов юбилейной олимпиады определяются по наибольшей сумме баллов. Они будут удостоены дипломов и специальных премий. Дипломами и шахматной литературой (или фотоснимками чемпионов мира и ведущих советских гроссмейстеров) награждается большая группа участников, которые займут места вслед за квинтетом победителей, а также лучшие организаторы турниров новичков.

Запомните, пожалуйста, следующее: в письме на первый тур разборчиво укажите фамилию, имя и отчество, свой возраст, кем и где работаете или учитесь, имейте ли разряд по шахматам, сообщите точный домашний адрес. В конверт письма на первый тур обязательно вложите почтовую открытку со своим адресом, чтобы жюри, включив вас в число участников этого соревнования, смог

ло оперативно известить вас о вашем регистрационном олимпиадном номере. Его вы будете проставлять во всех последующих письмах на эту олимпиаду, иначе жюри не сможет рассматривать вашу работу.

Ответы на первый и два заключительных тура (условия последнего, десятого тура намечено опубликовать в мае 1978 года) присылаются в редакцию в конвертах, при ответах на второй—восьмой туры нужно будет пользоваться исключительно открытками.

Слева сверху на конверте не забудьте проставить пометку «20-я шахматная олимпиада», а внизу четко указать свой обратный адрес, фамилию и инициалы. Напоминаем адрес нашей редакции: 101457, ГСП, Москва, А-15, Бумажный проезд, д. 14, «Смена».

ПЕРВЫЙ ТУР

Белые начинают и дают мат в два хода. (4 балла).

II

Какой комбинацией черные (естественно, при своем ходе) добиваются победы? (4 балла).

III

Когда и где состоялся первый шахматный чемпионат Советской страны? Как он именовался? (1 балл).

IV

Назовите имена первых двух победителей этого турнира (1 балл).

Запомните, что письма на первый тур нужно посылать в наш адрес только в период с 1 по 10 января 1978 года (согласно почтовому штемпелю отправления).

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 253-30-87. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 19/IX 1977 г. А 02131. Подписано к печати 11/X 1977 г. Формат 70 × 106¹/₈. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 120000 экз. Изд. № 2462. Заказ № 1143. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Баллада О Николае Островском

Слова Зиновия САГАЛОВА
Музыка Валентина ИВАНОВА

Я снова и снова
Ищу тебя, слово,
В немой и бессонной ночи —
То, самое верное,
С кровью и нервами,
Которое жжет, и болит, и кричит!

Я должен, я должен,
Как шашку из ножен,
Из памяти вырвать своей
Далеких, как зарево,
Юных товарищей,
Летящих на спинах крылатых коней!

Из вечного мрака
Выносит атака
Дрожащей строкою на лист
На ощупь горячее,
Сильное, зрячее
То слово, в котором теперь моя жизнь.

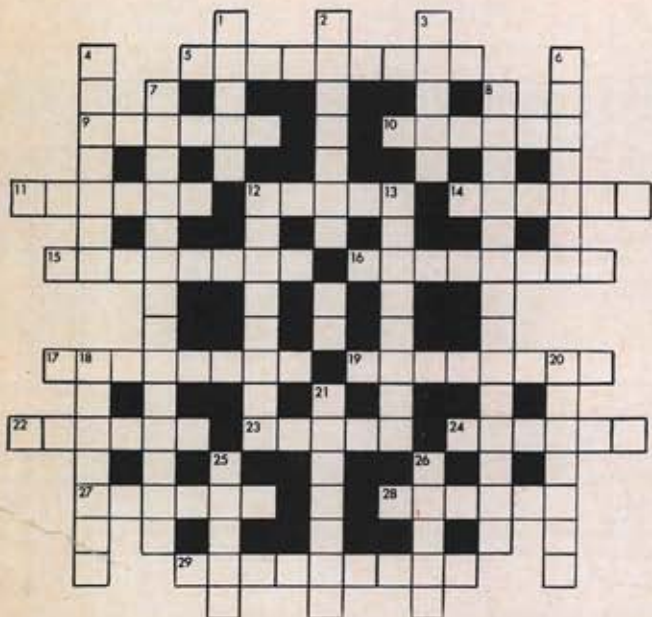
Не стой, мое слово,
У койки больного —
Тебя ждут ребята в бою.
Как сталь, закаленное,
В буре рожденное,
Займи мое место в солдатском строю!

Я снова и снова
Ищу тебя, слово,
В немой и бессонной ночи —
То самое верное,
С кровью и нервами,
Которое жжет, и болит, и кричит!

Пишу и стираю,
Как кожу сдираю,
И снова в потемках лежу,
Но не умираю я,
Не умираю,
Тебе, Революция, снова служу!

К Р О С С В О Р Д

Составил Ф. ШИПОВ,
Москва

По горизонтали:

5. Союзное государство. 9. Кубинский поэт, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». 10. Песня В. Соловьева-Седого на слова М. Исаковского. 11. Систематизированный свод законов. 12. Центральная советская газета. 14. Энергетик, академик, руководивший сооружением ряда первых советских электростанций. 15. Советский физик, академик. 16. Представительница коренного населения

европейского государства. 17. Геолог и палеонтолог, Герой Социалистического Труда. 19. Учащаяся школы подготовки артистов, художников. 22. Молдавская и румынская многоствольная флейта. 23. Автор слов «Марша Буденного». 24. Синтетическое волокно. 27. Советский космонавт. 28. Дагестанский писатель. 29. Добровольное коллективное выполнение работы.

По вертикали:

1. Южное созвездие. 2. Стихотворение М. Светлова. 3. Заключительная встреча участников спортивных состязаний. 4. Драматург, лауреат Ленинской премии. 6. Материал, изготовленный из природных или синтетических полимеров. 7. Процесс внедрения одного из видов энергии в народное хозяйство. 8. Усовершенствование техники,

технологии производства. 12. Цветок. 13. Ученый-физик, трижды Герой Социалистического Труда. 18. Уважаемый человек у народов Средней Азии. 20. Марка советского трактора. 21. Победитель в спортивных состязаниях. 25. Столица автономной советской республики. 26. Автор песни «Смело, товарищи, в ногу!».

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 20

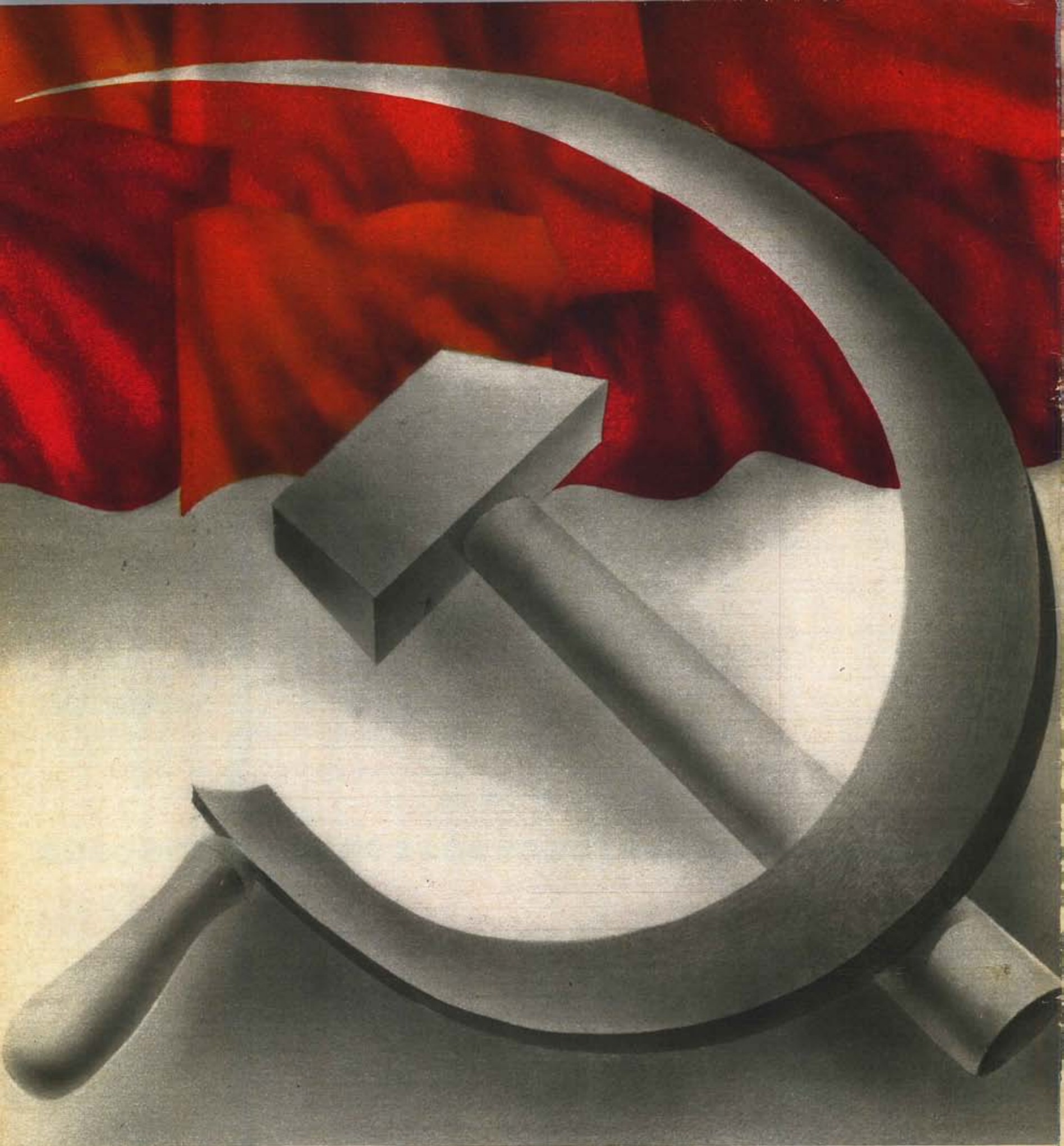
По горизонтали:

7. Шаталов. 8. Кавалер. 11. Доминика. 12. Чистотел. 13. «Химик». 14. Гагра. 16. Шведы. 19. Текстовик. 20. Рыбоводство. 24. Гайдн. 25. Театр. 28. Залог. 31. «Богатыри». 32. Листопад. 33. Пирогов. 34. Антипка.

По вертикали:

1. Лагорио. 2. Машинист. 3. Торий. 4. «Фауст». 5. Самоцвет. 6. Теберда. 9. Кама. 10. Очер. 15. Громова. 17. Якоби. 18. Анета. 20. Радиатор. 21. Оратория. 22. Газолин. 23. Лопатка. 26. Еник. 27. Тула. 29. Рывок. 30. «Осень».

Цена номера 25 коп.

Индекс 70820